

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Савченко Александр Борисович

**ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ КАК ЭКСПОРТЕРА
НА ГЛОБАЛЬНЫХ СЫРЬЕВЫХ РЫНКАХ**

Специальность 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и
рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора географических наук

Москва – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
Глава 1. ПОНЯТИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.....	10
1.1. Онтологический статус территориального развития	11
1.2. Территориальное развитие как преобразование территориальных структур.....	28
1.3. Системное представление территориального развития	40
Глава 2. СИТУАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.....	52
2.1. Ситуация территориального развития как конкретно-географическое единство его движущих сил и хода.....	53
2.2. Контекст территориального развития.....	73
2.3. Идеальная составляющая территориального развития	100
Глава 3. XVII ВЕК: РОССИЯ – ЭКСПОРТЕР МЕХОВ.....	121
3.1. Движущие силы реализации ситуации территориального развития России XVII века	122
3.2. Трансформация организационно-территориальной структуры	136
3.3. Трансформация территориальной структуры хозяйства.....	147
Глава 4. XVIII ВЕК: РОССИЯ – ЭКСПОРТЕР «КОРАБЕЛЬНЫХ ТОВАРОВ»..	167
4.1. Движущие силы реализации ситуации территориального развития России XVIII века	168
4.2. Трансформация организационно-территориальной структуры	182
4.3. Трансформация территориальной структуры хозяйства.....	193
Глава 5. XIX ВЕК: РОССИЯ – ЭКСПОРТЕР ЗЕРНА И ЗОЛОТА.....	211
5.1. Движущие силы реализации ситуации территориального развития России XIX века	211

5.2. Трансформация организационно-территориальной структуры	228
5.3. Трансформация территориальной структуры хозяйства	237
Глава 6. XX ВЕК: РОССИЯ – ЭКСПОРТЕР ЗОЛОТА И НЕФТИ	255
6.1. Движущие силы реализации ситуации территориального развития России XX века	256
6.2. Трансформация организационно-территориальной структуры	269
6.3. Трансформация территориальной структуры хозяйства	286
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	307
ЛИТЕРАТУРА	310

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется необходимостью изменения сырьевой специализации России, поскольку ее сохранение в XXI веке может иметь многообразные негативные последствия для технологического, геополитического и территориального развития страны. В то же время, обострение глобальной сырьевой проблемы, особенно энергетической и продовольственной, предоставляет стране дополнительные шансы развития, в том числе территориального. Россия будет оставаться одним из ведущих экспортеров ряда сырьевых товаров. В рамках науки это диктует анализ долговременного территориального развития страны как участника глобальных сырьевых рынков, вскрытия его логики и механизмов, обобщения форм и результатов.

Научная проблема, решаемая в диссертации, состоит в выявлении путей, характера и последствий воздействия международного разделения труда глобального масштаба на внутрисоссийское межрайонное разделение труда и на долговременное – четырехвековое – территориальное развитие страны, преобразование ее территориальных структур.

Цель исследования – выявление взаимосвязи механизма и самого процесса долговременного территориального развития как важнейших движущих сил территориальной структуры России по мере формирования и изменения ее места во всемирном разделении труда. Для достижения указанной цели решаются следующие исследовательские **задачи**:

1. Осуществить взаимосвязанное описание процесса и механизма территориального развития, его хода и движущих сил.
2. Разработать ситуационный подход к изучению долговременного территориального развития страны и применить его к исследованию роли глобальных рынков сырьевых товаров в этом развитии.

3. Выявить и охарактеризовать основные направления влияния глобальных сырьевых рынков на территориальное развитие России за последние четыре столетия.

4. Определить долговременные тенденции трансформации территориальных структур общества под воздействием экспорта на глобальные рынки конкретных сырьевых товаров.

5. Выявить влияние диверсификации участия в глобальной торговле сырьем на геополитические успехи и проблемы развития России.

Объект исследования – эволюция территориальной структуры России (в современных, постсоветских границах) на протяжении последних четырех столетий в ходе ее последовательного превращения в экспортера на ряде глобальных рынков сырьевых товаров.

Предмет исследования – механизм и процесс долговременного территориального развития России как взаимосвязь важнейших движущих сил и хода наиболее значительных изменений ее территориальной структуры.

Теоретические основы и методы исследования. Работа основана на классических подходах социально-экономической географии: энерго-производственном (деятельностно-технологическом) Н.Н. Колосовского, полиструктурном и полимасштабном И.М. Маергойза, контекстном пространственно-временном Т. Хегерстранда. Используются положения современных географов А.П. Горкина, Г.М. Лаппо, А. Преда, Г.А. Приваловской, Б.Б. Родомана, Л.М. Синцера, Л.В. Смирнягина, П. Тейлора, А.И. Трейвиша. Исследование опирается также на представления о долговременной волновой экономической динамике Н.Д. Кондратьева и на комплексный многоуровневый подход к анализу истории цивилизаций Ф. Броделя. Применяются общенаучные методы восхождения от абстрактного к конкретному, системно-структурного и ситуационного анализа, историко- и сравнительно-географический, картографический, приемы районирования.

Научная новизна состоит в формировании целостного географического представления о процессе и механизмах территориального развития России за

последние четыре столетия путем объединения разнородных пространственных и деятельностных концепций, объясняющих это развитие в различных аспектах.

При этом впервые предложены, разработаны или раскрыты:

- представление о территориальном развитии как полимасштабном и полисистемном процессе, преобразующем территориальные структуры общества;
- концепция ситуации территориального развития;
- представление об идеальной составляющей территориального развития;
- системно раскрыто долгосрочное влияние экспортной специализации России глобального масштаба на ее территориальное развитие;
- показано, что с обеспечением участия в глобальных сырьевых рынках, на которых Россия выступала одним из ведущих экспортеров, в XVII – XX веках связаны последовательные волны освоения территории и урбанизации нашей страны;
- выделены 4 историко-географических макрорегиона России, где урбанизация и эволюция территориальных структур хозяйства во многом определялись участием в глобальных рынках сырья и соответствовавшими ему волнами территориального развития.

Практическая значимость. Результаты диссертации использованы при разработке: доклада Государственного Совета Российской Федерации «Повышение уровня социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья на основе реализации долгосрочных государственных программ» (в 2012 г.); проекта Стратегии социально-экономического развития г. Москвы на период до 2025 года (в 2011-2012 г.); экспертизы проекта Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период 2030 года (в 2012 г.); экспертизы проекта Актуализации Государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.» (в 2013 г.); проектов ряда документов по территориям опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, включая

Республику Хакасия и Красноярский край, в порядке выполнения Перечня поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. (в 2013-2014 гг.).

Публикации и апробация результатов исследования. Основные результаты изложены в монографии «Территориальное развитие России как ведущего экспортера на глобальных сырьевых рынках» (2014), представлены еще в трех монографиях и в 48 публикациях, включая 11 статей в журналах, рекомендованных ВАК. Их перечень приведен в конце автореферата.

Результаты работы доложены: на Научно-практической конференции по вопросам мирового кризиса в программах бизнес-образования 15–17 марта 2009 г. в г. Москве; на X и XII Общероссийских форумах лидеров стратегического планирования 17–19 октября 2011 г. и 21–23 октября 2013 г. в г. Санкт-Петербурге; на X и XI Красноярских экономических форумах 14–16 февраля 2013 г. и 27 февраля – 1 марта 2014 г. в г. Красноярске; на 4-й Международной научно-практической конференции по стратегическому управлению 27 ноября 2014 г. в г. Москве.

Логика и структура работы. Диссертация состоит из теоретической и эмпирической частей. Теоретическая часть (две главы) посвящена взаимосвязанному представлению процесса и механизма территориального развития, а также разработке ситуационного подхода к изучению долговременного территориального развития страны и его применению к исследованию роли в этом развитии глобальных рынков сырьевых товаров. В эмпирической части (четыре главы) рассмотрено территориальное развитие России как экспортера сырья на глобальные рынки в XVII, XVIII, XIX и XX веках. С одинаковой детальностью описано влияние глобальных сырьевых рынков на территориальное развитие России за эти столетия (доступный материал различается по объему и качеству, но задачи работы требуют единой «оптики»); выявлена долговременная динамика территориальных структур под воздействием участия в глобальных рынках конкретных сырьевых товаров; установлено

влияние характера и уровня диверсификации участия в глобальной торговле сырьем на геополитические и внутренние территориальные аспекты развития России.

Основные выводы, составляющие предмет защиты:

1. Разработанная концепция ситуации территориального развития позволяет выявлять взаимодействие его процесса и его механизма, хода и движущих сил, проводить их историческую периодизацию, учитывать идеальную компоненту. Ситуационный подход решает задачи объединения деятельностного и пространственного описания территориального развития с позиций общих закономерностей и его конкретно-географического описания, задает универсальные способы работы с уникальной во многих отношениях динамикой развития конкретных территорий в конкретных обстоятельствах.

2. Экспорт сырья на глобальные рынки веками оказывал значительное влияние на территориальное развитие России. Ее современная территория по величине и составу, а также характер территориальной структуры во многом есть результат именно этого влияния. Основное значение для территориального развития страны в каждом столетии имело участие в одном таком рынке (реже двух), для которого она была крупным поставщиком – мехов в XVII веке, корабельных товаров в XVIII веке, зерна в XIX веке и углеводородов в XX веке.

3. Долговременная динамика территориального развития России под воздействием участия в глобальных рынках сырья в самых существенных своих чертах имела импульсно-волновой характер. Вхождение на каждый новый рынок порождало свои «волны освоения» – фронтальную или ряд концентрических. Они более или менее последовательно двигались с запада на восток в течение примерно векового периода.

4. В рассмотренной ретроспективе процесс (ход) территориального развития России демонстрирует волнообразную динамику, а механизм (действие движущих сил) – цикличность своей реализации. Их взаимная адаптация и функциональная зависимость заметнее причинно-следственных связей: примерно

с вековым лагом сменяют друг друга эпохи раскрепощения частной инициативы, рыночного предпринимательства (XVII век и вторая половина XIX – начало XX веков) и ужесточения государственного администрирования (XVIII – первая половина XIX веков и советская эпоха XX века).

5. Выделены четыре историко-географических макрорегиона России со своей спецификой урбанизации и эволюции территориальных структур хозяйства во многом сформированы участием в определенных глобальных рынках и соответствующей волной интенсивного развития. Это: 1) Север, в том числе сибирский (рынки мехов, золота, углеводородов, соответственно, в XVII, XIX, XX веках); 2) Нечерноземный Центр – Северо-Запад – Урал (рынок «корабельных товаров» в XVIII веке); 3) Черноземный Центр – Юг – Среднее и Нижнее Поволжье – юг Западной Сибири (рынок хлеба в XIX веке и рынок нефти в XX веке); 4) Дальний Восток (рынки мехов, золота, углеводородов, часто – при запаздывании соответствующей волны освоения, – во второй половине XVII-середине XVIII веков и в конце XIX – XX веках).

6. С вхождением в каждый следующий глобальный сырьевой рынок, который становился основным, Россия обычно не покидала основного рынка предшествующего века. Единственное серьезное отступление от этого правила имело место во второй половине XX века, когда страна, когда-то вывозившая зерно, стала зависеть от его импорта. «Голландская болезнь» затронула тогда не только сферу технологий, но перекинулась и на традиционные отрасли жизнеобеспечения, что вскоре возымело самые непосредственные и тяжелые геополитические последствия.

Глава 1¹
ПОНЯТИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

¹ Ряд положений Главы 1 изложены в (Савченко 2014, с. 8 – 25).

1.1. Онтологический статус территориального развития

Базовая тема географии – освоение человечеством геосферы – раскрывается как взаимодействие приспособления (адаптации) и преобразования (реорганизации). Акцент на приспособлении в постановке исследовательских задач означает, что в качестве объемлющей берется онтология Космоса и рассматривается вопрос о том, как Космос включает в себя Деятельность, а та адаптируется к нему. Если же акцент делается на преобразовании, то объемлющей выступает онтология Деятельности и на первый план выходит вопрос о том, как Деятельность захватывает, включает и реорганизует фрагменты Космоса. В географии, прежде всего в общем землеведении и страноведении, оба подхода присутствуют, по сути, от истоков. Их можно назвать именами основоположников – Птолемея и Страбона.

Первый подход, «от Птолемея», предполагает принятие Космоса как объемлющей онтологии и Деятельности лишь как ее фрагмента. Онтология Космоса при этом строится в категории Пространства; Деятельность представлена ее отдельными, заведомо нецелостными (относительно нее самой) объектами, представления о ней не прорабатываются категориально и, по сути, на уровень онтологии не выходят.

Ко II веку н.э., на который приходится творчество Птолемея (ок. 90 г. – ок. 160 г.), категория Пространство была, благодаря усилиям математиков и философов, одной из наиболее разработанных, обладала достаточно богатым набором понятий, операций, языков. Космос Птолемея строго геометризован – с Землей в центре и сложным круговым движением планет вокруг нее, – когда по большим "несущим" круговым орбитам – деферентам, движутся центры малых кругов – эпициклов. Эта астрономическая онтология, изложенная в основном астрономическом труде Птолемея - «Великое построение», включала Земную поверхность лишь как часть, хотя и центральную. Но именно благодаря этому, она задала для географии объемлющую – и в содержательном, и в пространственном смысле этого слова – онтологию и позволила работать в

географии с Пространством подходно, т.е. размещенчески-инструментально. Представления о лике Земли и, прежде всего, об обитаемой суше в «Географии» Птолемея становились теперь результатом (астрономического) определения координат крупнейших объектов на земной поверхности, к которым относились, в частности, и крупнейшие города, как единственные объекты антропогенного происхождения («Хорографии» ученого, передающей, в отличие от более обобщающей «Географии», и мелкие особенности стран, деятельностных объектов уже гораздо больше – "гавани, селения, округа"). Всего Птолемей указал координаты до 8000 объектов земной поверхности (Нейгебауер, 1968; Григорьян, Рожанская, 1980).

Таков ход дискурса при работе в первом подходе - от общего строения Земли или, что по сути то же - от каких-то общих пространственных или территориальных закономерностей - к реализации их в Деятельности и ее элементах, к объяснению Деятельности на земной поверхности через ее адаптацию к иным, недеятельностным данностям.

Диаметрально противоположна ориентация работы во втором подходе: здесь важно выявить, как Деятельность захватывает и преобразует фрагменты Космоса, подчиняет себе эти фрагменты. Для фиксации этих моментов у Страбона (64/63 г. до н.э. – 23/24 г. н.э.) было создано понятие арены, арены деятельности-активности государств и народов, в качестве которых у него чаще всего выступают страны. Совокупность стран-арен составляет ойкумену - заселенную часть мира-лика Земли, которая и выступает для Страбона основным предметом интереса географа - ареной жизни и деятельности всего человечества. Вместе с тем, изначально и до самого последнего времени реализация второго направления географической работы осуществлялась при отсутствии достаточной категориальной проработки представлений о Деятельности, так как теория Деятельности начала складываться в своих адекватных категориальных основаниях - на базе категории системы - фактически лишь в наше столетие (Щедровицкий, 1993). Это постоянно воспроизводило парадоксальную ситуацию, когда объемлемая онтология - Космоса - оказывалась достаточно четко

проработанной категориально (напомним, на основе категории Пространства) при, по сути, докатегориальной работе с объемлющими представлениями о Деятельности.

Таким образом, постоянно воспроизводились предпосылки непоследовательной реализации второго подхода, линии на фиксацию преобразования Деятельностью лика Земли, когда движущие силы такого преобразования и их ход объяснялись не из самой Деятельности, а из пространственных или территориальных закономерностей, из характеристик Космоса, ибо имелись существенно более мощные средства для его описания. Названное положение создавало, в свою очередь, предпосылки работы во втором направлении не по принципу объемлющей и объемлемой онтологии, а по принципу гетерархии онтологии Деятельности и Космоса, т.е. их различной соподчиненности на разных шагах дискурса. Во втором подходе принцип гетерархии онтологии стал практически нормой, в то время, как в первом, идущем от Птолемея до сих пор господствовал принцип иерархии, безусловно объемлющей выступала онтология Космоса, раскрываемая через категорию Пространства.

На протяжении без малого 2000 лет после Птолемея в географии в ее допредметном, а после XVII века – предметном существовании господствовал заложенный Птолемеем способ работы. Он был вполне адекватен основной исходной задаче географии - инвентаризации поверхности Земли, включая и человечество, а также основной проблеме, решавшейся ею – проблеме адаптации человечества к тем или иным условиям географической оболочки. Именно в рамках этого направления были созданы такие идеальные объекты как пояс, зона, район, ландшафт (природный, антропогенный, "экономический"), которые составляют золотой фонд географии. Кроме того, благодаря, прежде всего, развитию картографии открылась возможность работать с Пространством (Геопространством) не только категориально, но и подходно, т.е. использовать накопленные понятия, процедуры, модели, разработанные в этой категории, но применять их к анализу любых, не положенных специально объектов. Так

сложилось представление о том, что география изучает "пространственный аспект" любых явлений мезомира, точнее всего того, что поддается картографированию, а техника картографирования выступила заменителем специальной онтологической работы.

Необходимость в таком приеме возникала всякий раз, когда пространственные онтологии, создававшиеся изначально, напомним, для целей описания строения Космоса или лика Земли и для описания адаптации Деятельности к этим данностям, применяли, в силу их привычности и хорошей разработанности, для схватывания проблем преобразования, развития или направленной эволюции. Эти проблемы, значение которых постоянно возрастало на протяжении всего XX века, во второй его половине выдвинулись на первый план, стали решающими, именно они теперь определяют своеобразие глобальной социокультурной ситуации (см. например, Новая технократическая волна..., 1986; Ясперс, 1994; Колодко, 2009). Эти проблемы могут быть адекватно рассмотрены в иных категориях, чем категория Пространства, соответственно, в категории "Система деятельности" и в категориальных парах "Развитие - Функционирование" и "Процесс - Материал".

Характерным примером применения пространственных представлений, не позволивших схватить специфику проблемы содержательного ядра создававшегося построения, является трансформация первоначальных представлений об энерго-производственном цикле в понятие территориально-производственного комплекса. Для решения задачи преобразования лика Земли человеческой деятельностью, поставленной в нашей стране в практическую плоскость в период стремительной индустриализации и социалистической реконструкции страны, Н.Н.Колосовским было создано понятие энергопроизводственного цикла (ЭПЦ) как "труда в определенных технических формах, приложенного к определенной комбинации природных ресурсов" (Колосовский, 1947).

Из приведенного определения видно, что понятие ЭПЦ должно было разрабатываться в рамках деятельностных представлений, где могли бы

обсуждаться вопросы интеграции ЭПЦ в различные системы деятельности, запуска, интенсификации и интеграции различных процессов деятельности в ЭПЦ или посредством них и т.п. Однако, инерция пространственной парадигмы привела к разработке представлений об ЭПЦ как о технологически обусловленных наборах производственных объектов, составляющих ядро территориально-производственного комплекса как определенным образом обустроенной территории. В результате, вместо представлений об особых формах организации деятельности, позволяющих решать задачи преобразований территорий в ходе их вовлечения в Деятельность, сложилось представление об особых видах районов, преимущественно на осваиваемых территориях, о районах, в которых должен быть достигнут определенный уровень комплексного обустройства. В итоге оказалась утраченной реально-преобразовательная направленность представлений об ЭПЦ: хотя ТПК по инерции продолжали вплоть до распада СССР именовать инструментом освоения и преобразования малоосвоенных территорий, по способам своего употребления и работы с ним – это учетно-инвентаризационное или балансово-расчетное представление о территории, а не понятие об особых формах организации деятельности, соотнесенных с особыми типами ситуаций.

Значение опыта разработки и последующей трансформации понятия энерго-производственного цикла состоит в том, что в нем преломились и нашли свое отражение основные характеристики современной ситуации географической работы. Основной задачей, решаемой ныне географией, является обеспечение научных предпосылок преобразования лика Земли человеческой деятельностью. Задача инвентаризации лика Земли не снята, конечно с повестки дня, но не может более рассматриваться как основная. Усилиями географов и, конечно, далеко не только их, на протяжении предшествовавших почти двух тысячелетий эта задача в принципе разрешена и выступает теперь как важная (вспомним, хотя бы, задачу мониторинга, например, развития глобальных городов и их агломераций, процессов опустынивания, состояния полярных льдов и т.д.), но вспомогательная по отношению к задаче преобразования. Вместе с тем, и накопленная за этот

исторический период совокупность средств и методов работы, и сложившаяся за это время рамка мировосприятия географов были адекватны именно задаче инвентаризации, а не преобразования. Таким образом, становится необходимой специальная работа по приобретению новых, адекватных новой задаче, средств и методов работы, трансформация прежней рамки мировидения. Прежние средства и методы не могут в этих условиях быть взяты готовыми, они могут служить лишь подлежащим преобразованию материалом, а прежняя рамка может быть либо отброшена, либо использоваться наряду с одной или несколькими вновь приобретенными другими рамками мировосприятия.

Рамка мировосприятия задается предельными онтологиями, наличие рамки предполагает применение определенных способов работы, наборов понятий, шире, видение проблем и задач. Несколько огрубляя, можно сказать, что каждой рамке - предельной онтологии соответствует свой характерный набор понятий и понятие, взятое из иной рамки, подвергается в данной рамке коренной трансформации. Так и понятие энерго-производственного цикла по логике своего возникновения и введения в географию принадлежит деятельности рамке, т.е. будет адекватно пониматься и применяться, если в качестве предельной берется онтология Деятельности. То есть когда мир предстает как воспроизводящаяся, развивающаяся и распространяющаяся Деятельность, которая существенно шире, чем просто люди и их действия. В рамках такой онтологии не люди овладевают Деятельностью, а Деятельность овладевает людьми; точно так же как и пространством, территорией, природой, все это ставя внутри себя на определенные функциональные места. Тогда энерго-производственный цикл – это форма организации деятельности для рационального вовлечения в оборот определенных наборов природных ресурсов, форма, требующая согласования, комплексирования ряда последовательных производственных процессов для создания в конечном счете разветвленной технологии получения набора конечных продуктов из набора природных ресурсов, когда ведущим выступает принцип сбалансированности всех звеньев цепи технологических процессов ради

обеспечения ее воспроизводимости, а на этой основе - воспроизводимости совокупной хозяйственной деятельности страны.

Понятие о воспроизводимости производственного процесса, о технологии, как о его стабильной повторяемости, и задается термином "цикл". Требование такой воспроизводимости, причем осуществляемой с минимальными затратами, требование, адресованное к применению данного производственного аппарата к данному набору природных ресурсов, будет определять в понятии об энерго-производственном цикле пространственные формы стыковки частных производственных процессов и объектов данной технологии. Однако, господствовавшая в географии пространственная онтология, привычка мыслить пространственными формами привели, как было уже показано выше, к тому, что была абсолютизирована одна из возможных пространственных форм ЭПЦ - с максимальной замкнутостью производственных связей и с полным набором технологических звеньев внутри района локализации природных ресурсов; форма, присущая в лучшем случае одному из этапов развития технологий - и все богатство содержания понятия ЭПЦ, которое было предпосылкой его успешного практического применения, было утеряно. В области географии населения и социальной географии такое же неадекватное применение пространственных представлений имело место, например, при обсуждении вопроса об "оптимальных размерах" города, или "оптимальном уровне" урбанизации.

Пространственно-временная парадигма в социально-экономической географии, прежде всего, позволяет расширить и сместить рамку пространственного видения мира: введение времени позволяет в явной форме выходить на изучение процессов – изначально процессов перемещения по земной поверхности. Далее, через работу с понятием процесса открывается возможность для перехода к работе с категориями, в которых понятие процесса играет существенную роль – системы, развития, функционирования, категориальных пар процесса-механизма и процесса-материала. Это путь, возможно, не всегда строгий логически, но осуществимый практически.

При этом временные представления будут существенно различаться в зависимости от того, для работы в какой категории они применяются и, соответственно, на фиксацию и решение какой проблемы в первую очередь направлены. Так, когда рассматриваются циклы, обусловленные строением Космоса – суточные, годовые и т.п., – то временные представления привносят в географическую работу моменты фиксации того, как соответствующий объект изучения адаптируется к строению Космоса, в том числе и тогда, когда исследуются названные циклы каких-либо процессов деятельности: в этом случае фактически исследуется не Деятельность как таковая, а ее адаптация, к Космосу, "встраивание" в него.

Напротив, собственное время Деятельности и, соответственно, время в первую очередь, необходимое для анализа проблемы преобразования, связано с циклами жизни ее единиц и компонентов, например, временем создания, эксплуатации, использования и ликвидации различных объектов деятельности на территории или периодами жизни ее организационных форм. Время-деление, с различием "вчера", "сегодня", "завтра" – неважно в ньютоновой, равномерной или в неравномерной, определяемой частотой однородных событий, редакции – привносит в географическое исследование представление о функционировании соответствующих объектов и ориентирует на работу над проблемой устойчивости в географии. В свою очередь, представление о времени, предполагающее единство и несводимость "прошлого", "настоящего" и "будущего", предполагающее обязательный учет целей субъектов действия для их разграничения, ориентирует на работу над проблемой изменения-преобразования и, шире, территориального развития различных деятельностных образований.

Философское положение Хайдеггера о неразложимости времени на Прошлое, Настоящее и Будущее (Хайдеггер, 1993, с. 391-406) приобретает в анализе территориального развития методическое значение. По Хайдеггеру, Прошлое – это не то, чего уже нет, но то, что постоянно присутствует в Настоящем и определяет собой как Настоящее, так и Будущее. Будущее – это «забегание вперед», сосредоточенность на Будущем дает Настоящему, «здесь-

бытию» подлинность существования. Тогда анализ территориального развития – это вопрос, обращенный из Будущего к Прошлому в связи с возникшей в Настоящем ситуацией. Результат анализа территориального развития – это выбор из Будущего, существующего только в нереализованной (пока) потенциальности – как наши цели и представления, – это выбор, через который Будущее воздействует на Настоящее через изменение Прошлого. Прошлое воздействует на Настоящее через унаследованную территорию, сложившиеся территориальные структуры, через накопленный экономический и технологический потенциал, через социальные институты, через передаваемые ими и посредством них нормы, традиции, привычки, через язык, знаковые системы и понятийные схемы мышления. Прошлое, таким образом, оказывает колоссальное воздействие не только на (ресурсные) ограничения, налагаемые на выбор и деятельность людей, но на само их сознание, на их восприятие и разум – т.е. на способы оценки Настоящего и постановки целей на Будущее.

Таким образом, изучение территориального развития различных деятельностных образований требует использования представлений о собственном времени Деятельности и собственном времени Развития, представлений о гетерохронности и гетерогенности объектов исследования, о циклах жизни единиц и компонентов Деятельности, их развертывания в геопространстве и вызываемых этим преобразований территории; отслеживания однонаправленных, необратимых изменений свойств территории и роли в них целей, выдвигаемых и преследуемых субъектами деятельности. Собственное время Космоса и собственное время функционирования будут играть в такой работе важную, но вспомогательную роль: они зададут представление о хроноструктуре фона, на котором развертываются процессы собственно территориального развития.

Для современного географа существенной мерой овладения Деятельностью Пространством выступают пространственно-временные концентрации энергии (П-ВКЭ), израсходованной обществом на перемещение в геопространстве (которое ныне охватывает и околоземное космическое пространство, имея

тенденцию к расширению). В представлении о П-ВКЭ, определяющих характер перемещений в геопространстве, оказываются соотнесены несколько пространственно-временных понятий: скорости и объемы перемещений поставлены в них в зависимость от плотности израсходованной на них мощности, которая сама является параметром основных процессов пространственной дифференциации – концентрации, стратификации, поляризации (см. Родоман, 1970; 1974). Эти процессы в зависимости от позиции исследователя могут рассматриваться либо как спонтанные, либо как целенаправленно запускаемые и осуществляемые. Здесь развитие Деятельности, показателем которого выступает рост П-ВКЭ, оказывается в явной форме движущей силой эволюции Пространства, показателем которого выступает изменение пространственно-временных свойств географической оболочки; т.е. в явной форме осуществляется выход на проблемы преобразования и развития (направленной эволюции).

Наиболее крупные и значительные этапы эволюции географической оболочки в целом, приходится связывать с действием новых видов и форм энергии, расходуемой на перемещения, которые кардинально изменяли объемы, скорости, траектории перемещений вещества в геосфере. Для лика Земли в целом таких эпохальных этапов в геологической истории можно выделить три: первый, когда перемещения вещества определялись действием тепловой, гравитационной энергии, а также энергии радиоактивного распада и неорганических химических реакций; на втором этапе к ним добавилась биогеохимическая энергия живого вещества; на третьем - биогеохимическая энергия человеческой культуры (см. Вернадский, 1965, 1975, 1977, 1981). Каждый из этапов характеризуется особыми пространственно-временными свойствами, на что указывал В.И.Вернадский, отмечая различия "состояний пространства", присущих косным природным телам и живому веществу; особенности "биологического (жизненного)" времени; характеризуя ноосферу как особое эволюционное состояние биосферы. Появление новых видов и форм энергии, расходуемой на перемещение, задает основные вехи эволюции Пространства географической оболочки по ходу геологического времени.

Точно также, шкалу исторического времени эволюции Пространства систем расселения в самых общих чертах задает появление новых видов энергии, используемой на транспорте и расходуемой на перемещение, что изменяло и изменяет объемы, скорости и траектории перемещений. Здесь тоже можно выделить три основных этапа: на первом пространственно-временные свойства систем расселения определялись мускульной энергией (и косвенно – ветровой энергией, прежде всего, для приморских поселений); на втором - тепловой и электрической, а применение мускульной энергии, ее П-ВК, оказывается подчиненной им; наконец, на третьем этапе пространственно-временные свойства систем расселения определяются П-ВК данных, определяющих П-ВК собственно энергии, данных, используемых для управления П-ВКЭ.

Каждый из этих эпохальных, наиболее крупных этапов характеризуется весьма специфическими пространственно-временными свойствами, лишь с трудом приспособляющимися друг к другу. Достаточно вспомнить трудности массовой автомобилизации фрагментов густой сети городов Западной Европы, сформировавшихся в своих основных морфологических чертах еще в средневековье, в эпоху мускульных усилий, а не моторов, разрешение которых зачастую требовало глубоких изменений пространственных характеристик таких городов (см. например, Рейхов, 1964). Появление новых видов и форм энергии, расходуемой на перемещение, позволяющих резко наращивать ее П-ВК, а, значит, резко повышать объемы и скорости перемещений в системах расселения и их фрагментах, задает основные «придержки» их возможного роста (потенциального, не обязательно реализуемого). Так, если после 700 лет своего существования, к началу 1860-х гг, Москва едва насчитывала 400 тыс. жителей, то за 50 пореформенных лет, сопровождавшихся бурным железнодорожным строительством (когда к Николаевской железной дороге, построенной в 1851 г., добавилось еще 9 железнодорожных направлений), население города увеличилось более чем в 3,5 раза, достигнув к 1910 г. 1,5 млн. человек. С 1905 г. в Москве на трамвае была введена электротяга, трамвайная сеть бурно росла, обеспечивая

возможность дальнейшего роста населения города, превысившего в 1917 г. двухмиллионный рубеж.

Вместе с тем, представлений о П-ВКЭ, определяющих скорости и объемы перемещений, оказывается еще недостаточно для построения рабочих онтик, обеспечивающих практически значимые географические исследования для разрешения проблем преобразования и развития, в том числе и систем расселения. Для схватывания специфики Деятельности, необходимо, кроме того, введение временных представлений, ставящих разделение прошлого, настоящего и будущего в зависимость от целей, преследуемых субъектом действия, в приведенном примере Москвы – градостроителем. Учет градостроительных планов, выдвинутых и реализованных с учетом исторических тенденций, позволяет уточнить слишком общую историческую шкалу, получаемую на основе фиксации резких скачков в П-ВКЭ, расходуемой на перемещение, рядом других поворотных пунктов в истории систем расселения. Кроме того, лишь в этом случае удастся отразить специфику Истории по сравнению с естественной эволюцией, которая, собственно, и реконструируется с помощью представлений о П-ВКЭ.

В истории градостроительства Москвы можно назвать, по крайней мере, два таких поворотных пункта. Первый из них знаменует переход от радиально-веерной, секторальной к радиально-кольцевой планировке города. Он связан с разработкой в 1775 г. первого генерального плана Белокаменной, строго проводившегося в жизнь, а позднее творчески развитого и в своих планировочных положениях закрепленного новым генеральным планом, законченным в 1817 г. Комиссией для строения Москвы. Второй поворотный пункт градостроительной истории Москвы знаменует собой переход от радиально-кольцевой к преимущественно полосовой упорядоченности городской территории. Он связан с разработкой в 1924 г. С.С.Шестаковым схемы планировки «Большой Москвы», принятой в качестве рабочей в период наиболее бурной индустриализации при размещении предприятий в Москве в годы первой пятилетки (1929-1932 гг.), т.е. до утверждения первого советского генерального плана Москвы в 1935 г.

Тенденции к формированию полосовой упорядоченности территории Москвы усилил также генеральный план 1951 г. (Московский столичный регион..., 1988, с. 206-230).

Резюмируя сравнительные характеристики двух основных подходов к географическому изучению освоения геосферы (к освоению территории) можно констатировать, что первый, адаптационный, или пространственный подход ставит и стремится решить вопрос, как общество с его хозяйством приспосабливается к территории и развивается на ней. Внимание здесь обращено на анализ пространственно-временных закономерностей распространения явлений общественного развития, уровня и способов использования территории и ее ресурсов в целях развития, изменения роли территории и территориальной структуры хозяйства в ходе его развития и обратного влияния изменений территориальных структур на развитие хозяйства и, шире, общественных систем. Второй, преобразовательный, подход исходит из того, что территориальное развитие есть результат освоения территории деятельностью в процессе взаимодействия ее систем, а оно тем теснее, чем глубже, интенсивнее общественное разделение труда. При этом акцент делается на анализ движущих сил, на то, как развитие общественных систем обеспечивает «по сопричастности» развитие их территориальных структур, т.е. самой территории, ее использования.

Описание движущих сил и хода территориального развития в их единстве требует объединения подходов, совмещения деятельностных и пространственных представлений, когда движущие силы преобразования территориальных структур принадлежат общественным системам деятельности, а сами территориальные структуры – территории и ее использованию деятельностью. Категория использования территории связывает воедино деятельностные и пространственные представления о территориальном развитии. При таком его развернутом и целостном понимании использование свойств территории и расположенных на ней объектов деятельности предстает как завершающая фаза процесса территориального развития, которой предшествуют и которую определяет фаза создания этих свойств и объектов. Территория выступает

материалом развертывания процесса территориального развития, на котором он оставляет свой «след» в виде изменения ее морфологии и функций, элементов и связей, роста или упадка тех или иных территориальных образований.

Территориальное развитие – это территориально-общественное явление. Ход территориального развития, т.е. преобразования территориальных структур, описывается системой понятий, принадлежащих категории «пространство» и отражающих представления о самой территории и об использовании территории, соответственно: центры – районы – страны – географическая оболочка и урбанизированные территории – антропогенные ландшафты – антропогенные зоны – географическая среда. Главными видами движущих сил территориального развития выступают важнейшие виды общественных систем, рассматриваемых в предмете географии – города – регионы – государства, – и предельное для этих понятий, принадлежащих к категории «деятельность», понятие – мировое сообщество (Рис.1.1.1.). Совокупность этих общественных систем в их взаимодействии и динамике опосредует действие таких предпосылок территориального развития, как изменение идей, знаний, ценностей, интересов, и таких общих факторов территориального развития, как технический прогресс, развитие методов осуществления власти и управления, изменение состава и характера общественных потребностей, объемов и структуры задействуемых ресурсов.

Так, опыт последнего десятилетия разработки и реализации многочисленных стратегий территориального развития в России и его сравнение с практикой ЕС (Стратегическое планирование в регионах и городах России..., 2012; 2013; 2014; Аткинсон, 2010; Житков и др., 2011) выявляет значительный потенциал воздействия целенаправленной социально-экономической политики региональных и городских властей на результаты развития соответствующих территориальных образований. Вместе с тем, этот опыт наглядно демонстрирует, что у этих властей в одиночку не хватает ресурсов и инструментов, достаточных для решения стратегических задач на уровне современных требований. Реальный успех приносит только способность обеспечить взаимодействие и консолидацию

усилий многих заинтересованных сторон, в том числе федеральных и иностранных, на решении четко сформулированных и измеримых целей.

Рисунок 1.1.1. Территориальное развитие как территориально-общественный объект

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ	ТЕРРИТОРИЯ
Города	Урбанизированные территории	Центры
Регионы	Антропогенные ландшафты	Районы
Государства	Антропогенные зоны	Страны
Мировое сообщество	Географическая среда	Географическая оболочка

Достижение этих целей должно обеспечить новый, более высокий уровень конкурентоспособности региона или города по качеству жизни и человеческого капитала, качеству товаров и услуг, качеству среды, в том числе деловой, качеству экономического роста. Все это, в свою очередь, требует нового качества управления – развития инструментов и компетенций управления целостной ситуацией территориального развития, а не ее отдельными (ведомственно закрепленными) фрагментами. Перспективным путем формирования набора обязательных позиций оценки территориального развития является использование опыта получившего особую популярность на переломе XX и XXI веков составления рейтингов мировых городов – тех 60-80 городов мира, которые концентрируют глобальные информационные, финансовые, миграционные и товарные потоки, сосредотачивают большую часть мирового богатства, и которые являются наиболее сложными и динамичными территориальными образования современности.

Число таких регулярно обновляемых рейтингов, составляемых для целей сравнения как деловых перспектив, так и качества жизни, постоянно растет. В настоящее время можно выделить как наиболее авторитетные два английских и два американских рейтинга. Это, соответственно, группа изучения глобализации и мировых городов (GaWC) во главе с П. Тейлором, аналитическое подразделение журнала «Economist» (EIU), а также Global Cities Index Чикагского совета по международным отношениям совместно с консалтинговой фирмой A.T.Kearny и партнерство города Нью-Йорка и фирмы PricewaterhouseCoopers. Сложилась определенная международная традиция набора свойств-аспектов мировых городов, существенных для их международного сравнения, т.е. их свойств-аспектов, признаваемых существенными для всех заинтересованных сил в мире. При различиях количества сравниваемых городов (от 11 до 80), целей сравнения (деловые условия и перспективы или качество жизни) и количества рассматриваемых переменных, все эти рейтинги объединяет непрменный учет ряда позиций, которые признаются, таким образом, определяющими характеристиками мировых городов (см. например, Parnreiter, 2009; Taylor, 2001).

Подобные позиции-характеристики можно и нужно использовать не только в исследовательском ключе, но и при выборе приоритетов, разработке направлений деятельности и механизмов их достижения в рамках стратегического планирования территориального развития отнюдь не только мировых городов, из которых в нашей стране находятся два – Москва и, с рядом оговорок, Санкт-Петербург. С минимальными модификациями приведенный набор свойств-аспектов мирового городов может рассматриваться как набор основных направлений деятельности руководства территориальных образований уровня субъекта федерации и его крупнейших городов. Тогда приоритетность позиций, их «порядок следования» может меняться в зависимости от конкретной ситуации региона или города, но их состав как основных направлений развития будет достаточно стабильным и может выглядеть следующим образом:

- Повышение уровня деловой активности (рост валового регионального продукта на душу населения, прежде всего, за счет роста производства товаров и

услуг, инновационной деятельности, поддержки экспорта, развития финансовых и товарных рынков)

- Развитие человеческого капитала (развитие системы образования высокого уровня, ориентированной на реальные потребности народного хозяйства, расширение возможностей трудоустройства особенно для лиц, обладающих высокой квалификацией),

- Улучшение состояния окружающей среды (развитие современной системы местного транспорта и ЖКХ, повышение экологических стандартов, усиление связи природоохранных мероприятий с хозяйственной и досуговой сферой),

- Повышение доступности товаров и услуг (рост средней и минимальной заработной платы, пенсий и пособий, развитие цивилизованного потребительского рынка, местных систем здравоохранения и социального обеспечения),

- Повышение уровня культурной жизни (ее разнообразия, инновационности, более тесной связи с решением актуальных социальных задач, а также с развитием туризма),

- Укрепление социальной стабильности (развитие многообразных форм общественного диалога и представительства интересов, развитие местного самоуправления),

- Укрепление безопасности (укрепление гражданского согласия, развитие служб экстренного реагирования и повышение уровня работы правоохранительных органов).

Территориальное развитие, особенно в части изменения территориальной структуры стран, регионов и городов, обладает весьма значительной инерцией. Сложившаяся специализация, пространственная упорядоченность, уровни заселенности и освоенности создавались десятилетиями, а иногда и веками, они зачастую являются результатом взаимодействия многих акторов не только внутри данной территории, но и вне нее. Поэтому успешное территориальное развитие может строиться только на детальном учете и использовании сложившегося положения и важнейших трендов его изменения – его задача фактически состоит

в том, чтобы наиболее эффективно «вписать» возможные сегодня и на плановом периоде действия, зачастую весьма скромные по объему, в выявленные «естественно» существующие тренды для получения максимального целевого эффекта. Частным случаем будет и задача использования выявленных трендов для их изменения в желательном направлении (Савченко, 2011).

1.2. Территориальное развитие как преобразование территориальных структур

Признанным основоположником концепции территориальной структуры народного хозяйства в советской экономической географии является И.М. Маергойз. Он характеризовал территориальную структуру как генерализующую, «стержневую» категорию, которая охватывает многие основополагающие экономико-географические понятия, такие как экономический район, территориальная концентрация производства, ЭГП и т. д. Конструктивная задача географии, изучающей этот сложный объект, заключается в исследовании и поиске подходов к оптимизации территориальной структуры. Понятие территориальной структуры строилось И.М. Маергойзом как системное, обладающее значительным интеграционным потенциалом, способное объединять и сорганизовывать самые различные представления, факты, данные – не только из экономической географии, но и из широкого набора смежных дисциплин, – и получать на этой основе новое качество знания о географических объектах. Сюда относится, в том числе, возможность и необходимость рассмотрения трансформаций территориальных структур – территориального развития – совместно с обуславливающими их механизмами, формируемыми двумя другими базовыми структурами народного хозяйства: социально-экономической и отраслевой. Территориальное разделение труда, основополагающая категория экономической географии, формирует территориальную структуру народного хозяйства, а его изменения ведут к ее трансформациям. Движущие силы изменения территориального разделения труда обуславливают, таким образом, территориальное развитие. Как подчеркивал И.М. Маергойз, «умение

оперировать масштабами – первая заповедь географического исследования», тем более важная, когда исследуется территориальное развитие, трансформации территориальных структур как совокупности дискретных хозяйственных объектов и сети отношений и связей между ними (Маергойз, 1981, 1986). «Сеть отношений» в этом случае в существенных своих чертах может быть представлена как экономико-географическое положение (ЭГП), а «сеть связей» – как совокупность торговых связей.

Народное хозяйство многофункционально и полиструктурно – составляющие его элементы взаимодействуют на разных уровнях по многим направлениям – на самом общем уровне можно вычленить его социально-экономическую, отраслевую и территориальную структуры, исходя из того, что элементы народного хозяйства (по крайней мере, главные) функционируют одновременно в каждой из указанных трех структур; в свою очередь, внутри ТС выделяются территориальная структура производства, территориальная структура природных ресурсов, расселение и инфраструктура (Маергойз, 1986, с. 24-25, 1981, с. 40-105). Полиструктурность народного хозяйства как сложной системы нашла широкое признание в социально-экономической географии. Так, в концепции территориальных структур Горкина А.И., Гохмана В.М. и Смирнягина Л.В. принципу полиструктурности соответствует принцип исходных структур и их суперпозиции – производственно-технологической (отраслевой), организационной и пространственной (Горкин, Гохман, Смирнягин, 1976).

Территориальная структура представляют собой функциональную и пространственно-временную упорядоченность процессов использования территории, упорядоченность самой территории по тем или иным признакам, затрагивающим, как правило, все основные группы свойств территории – природные, антропогенные, местоположение и протяженность (Минц, Петрякова, 1973; Петрякова, 1974). Территориальные структуры сами становятся свойствами территории и в последующие циклы использования территории они вступают как средства этих процессов. Процесс или ход территориального развития, преобразование территориальных структур, представляет собой преобразование

как характера и способов использования территории, так и самой территории, ее свойств. Линии анализа преобразования территориальных структур, изменения использования территории и территории в ходе территориального развития, представлены на Рис. 1.2.1.

Территориальное развитие ведет не только к изменению упорядоченности способов использования территории и свойств самой территории, но и к изменению места рассматриваемой территории и способов ее использования в географическом разделении труда того или иного масштаба. Территориальное развитие сопровождается изменением факторов и характера размещения объектов деятельности и их сочетаний на территории, изменением их связей с ее природными и антропогенными свойствами, т.е. с природными и экономическими условиями и ресурсами (Теория хозяйственного освоения территории, 1979; Приваловская, 1989; Бабурин, 2003; Трейвиш, 2011).

Территориальным развитием являются не любые изменения территориальной структуры, а только необратимые, однонаправленные, закономерные. При этом происходит преобразование территориальных структур, складывается их качественно новое состояние – изменяются состав и взаимодействие элементов, связей и отношений, они возникают, исчезают, трансформируются.

Рисунок 1.2.1. Линии анализа преобразований компонентов территориальных структур в ходе территориального развития

	процессуальная	функционально-структурная	морфо-логическая	матеральная
Использование территории	создание, эксплуатация, использование, ликвидация объектов деятельности на территории	роль использования территории в том или ином виде деятельности	распределение (размещение) видов и объектов деятельности по территории	различным образом представленная территория

Территория	концентрация, стратификация поляризация (Родоман, 1970, 1974) объектов на территории	вовлеченность той или иной территории в деятельность	точки (узлы), линии (сети), ареалы (поверхности)	конгломераты объектов «миров» природы, людей, вещей, знаков
-------------------	--	--	--	---

Территориальное развитие можно противопоставить другим изменениям территориальной структуры, не приводящим к развитию как таковому: обратимым (циклическим), связанным с процессами функционирования; разнонаправленным, не обеспечивающим накопление своих результатов на территории; случайным, включая катастрофические, вызываемые, например, стихийными бедствиями или войнами. Преобразования территориальной структуры, вызываемые территориальным развитием, лишь порой и частично могут совпадать с этими другими изменениями по направленности, но, в то же время, выступают как их равнодействующая. В этом смысле территориальное развитие может рассматриваться как одна из линий исторического прогресса использования территории, а иные изменения территориальной структуры – как влияющие (положительно, отрицательно или нейтрально) на саму возможность, устойчивость, эффективность территориального развития.

Оценка территориального развития не универсальна, она может носить позиционный характер. Частным случаем территориального развития могут выступать его тупиковые и «попятные» ветви, когда происходит ликвидация или стагнация объектов деятельности, свертывание тех или иных видов ее использования, деградация или ликвидация территориальных образований. Однако, при рассмотрении этих процессов в иных пространственно-временных масштабах или с позиций иных социальных сил, такие случаи могут оказываться составляющими, фазами, шагами других, восходящих ветвей территориального развития.

Территориальное развитие представляет собой равнодействующую всех разномасштабных сил, факторов, условий и предпосылок развития, взаимодействующих на территории. Адекватное отображение территориального развития, наряду с процессом производимых им преобразований территориальных структур, должно включать и производящий их механизм. Территориальное разделение труда формирует территориальную структуру народного хозяйства, а его изменения ведут к ее преобразованиям; движущие силы изменения территориального разделения труда обуславливают, в конечном счете, и территориальное развитие (Маерзойз, 1986).

Базовый уровень механизма территориального развития составляет взаимодействие систем деятельности, создающих на территории новые объекты (прежде всего, сферы строительства в самом широком смысле слова, организации использования территории), которые обеспечивают его дискретную составляющую, и систем деятельности, нацеленной на использование имеющихся объектов, которые обеспечивают его непрерывную составляющую. Процесс территориального развития, в соответствии с этим, также имеет сложное, двухкомпонентное строение с дискретной, «импульсной» и континуальной (непрерывной), «линейно-ступенчатой» компонентами, находящимися в тесном взаимодействии. Дискретная составляющая связана преимущественно с созданием объектов деятельности на территории, приводящим к резкому изменению свойств территории, а непрерывная – с перестройкой использования имеющихся объектов, ведущей к плавному накоплению изменений свойств территории.

В своих наиболее характерных и результативных проявлениях, когда взаимодействуют обе составляющие территориального развития, дискретная и непрерывная (при доминировании дискретной), оно может быть представлено в виде особой, развертывающейся во времени территориальной структуры развития. Территориальные структуры развития выступают пространственной формой развития территориальных структур. Характерное время их существования, длительность жизненного цикла значительно меньше, чем у

преобразуемых ими территориальных структур. Территориальные структуры развития могут обладать сложным строением, включать, во-первых, временные, порой эфемерные элементы, прежде всего, линейно-поточные, но также точечные и площадные, своего рода вспомогательные, а во-вторых – долговременные элементы, которые, возникая при прохождении «волны развития», пополняют состав элементов «обычных» территориальных структур в результате ее прохождения.

Примером территориальных структур развития служат «волны нововведений», процесс распространения которых описывает теория диффузии нововведений Т. Хегерстранда (Т. Hagerstrand, 1967). Под пространственной диффузией в географии понимается процесс распространения чего-либо по территории; распределение в пространстве, проистекающее во времени (Хаггетт, 1979, с. 29, 342). Согласно Э.Б. Алаеву, распространение – вообще ключевой геопроецесс, включающий и перемещение, и изменение объектов, структурно-функциональные сдвиги (Алаев, 1983, с. 88-89). Пространственная диффузия нововведений, в точном соответствии со значением слова «диффузия», является сглаживанием различий территориальной концентрации нововведений в масштабе, например, страны.

Концепция диффузии нововведений сразу завоевала широкую популярность среди географов – из ранних последователей назовем А. Преда (Pred, 1971; 1975), Л. Брауна и К. Кокса (Brown, Cox 1971; Brown, 1975), а также Алвиса и Моррилла (Alves, Morrill, 1975) – сохранила она свою популярность в и дальнейшем (см., например, Mattingly, 1987; Tarkhov, Treivish, 1992). В настоящее время концепция диффузии нововведений не утрачивает популярности, особенно при изучении наиболее динамичных объектов, таких, например, как современные телекоммуникации (Бабурин, Земцов, 2014), в том числе, Интернет (Перфильев, 2003; Смирнов, 2005) и мобильная телефония (Ding..., 2010; Тархов, 2011). Областью активного приложения концепции выступает также типология регионов по вовлеченности в инновационные процессы и по инновационному потенциалу (Muller..., 2008; Moreno R., Miguez E., 2012). Причину такой устойчивой

популярности концепции диффузии нововведений раскрыл еще А. Пред, связав ее с пространственно-временной концепцией Хегерстранда (Пред, 1979) – когда фиксация параметров прохождения «волны нововведений» позволяет выявлять взаимосвязи пространственных, временных и функциональных характеристик изучаемых объектов, прямо учитывая при этом их деятельностные особенности.

Пространственная диффузия – это процесс, имеющий начало и конец, процесс распространения волны диффузии с определенной скоростью и по определенным каналам. Она осуществляется путем распространения по территории «волны нововведений» от центра, очага нововведений к периферии. Выделено несколько типов такого распространения. Во-первых, можно различать диффузию расширения, когда распространяющийся фактор сохраняется в пределах района своего возникновения и часто даже может там усиливаться, а информация, товары, способы деятельности, характер поведения и т.п. распространяются от одного района к другому. Примером диффузии расширения может служить распространение улучшенных сортов сельхозкультур из одного сельскохозяйственного района в другие. В отличие от этого диффузия перемещения – это тоже процесс распространения в пространстве, когда, однако, подвергающиеся диффузии факторы покидают территории, где они возникли, и передвигаются на новые территории. Ряд примеров диффузии перемещения дает Великое переселение народов или эмиграция членов ряда религиозных сект из Старого света в Новый. Распространенным является и смешанный тип сочетания диффузии расширения и перемещения, примером которого могут служить вспышки масштабных эпидемий, вызванных болезнетворными носителями, эндемичными для какого-то определенного региона (Хаггет, 1979, с. 341-343).

Можно расширить набор типов пространственной диффузии: в зависимости от того, сохранится ли в их последующих пульсациях очаг нововведений на прежнем месте, или будет перемещаться или угасать, – к расширению и перемещению (смещению), можно добавить замещение и сжатие, – а также выделить виды (фазы) территориальной концентрации нововведений – первичную, остаточную или вторичную (Трейвиш, 2009, с. 61).

Углубляя типологию пространственной диффузии по способам ее осуществления, внутри диффузии расширения различают контагиозную диффузию – когда процесс диффузии осуществляется путем непосредственных контактов людей, – и каскадную диффузию – когда процесс передачи новаций опосредуется какой-либо иерархической системой (административной, экономической или социальной). Классическим примером контагиозной диффузии является распространение эпидемий, здесь важнейшую роль играет расстояние, так как вероятность контактов между соседями или смежными районами гораздо больше, чем у людей и районов, разделенных значительными расстояниями. Каскадная диффузия характерна для процесса новаций и предполагает нисходящее движение – обычно направленное от важнейших центров инноваций, которыми выступают крупные города, через сеть центров следующих рангов к мелким населенным пунктам периферии. Если процесс диффузии предполагает движение как вниз, так и вверх по иерархической лестнице, то используется термин иерархическая диффузия (Хаггет, 1979, с. 344-345); примером которой могут служить волны нововведений, расходящиеся от технопарков, расположенных вне крупнейших городских центров, но устойчиво «диктующие моду» в областях разработок и технологий своей специализации.

Также как в типологической паре диффузии расширения и диффузии перемещения, в случае контагиозной и каскадной диффузии при описании различных реальных объектов часто приходится вводить смешанные, промежуточные типы, сочетающие различные комбинации (элементов) этих предельных типов диффузии. Например, когда для описания явления для верхних иерархических уровней системы центральных мест больше подходит представление о каскадной диффузии, а для нижних – контагиозной (Brown, Cox 1971). Или когда для описания распространения конкретных видов заболеваний – от среднесрочной динамики локального масштаба до долгосрочной динамики национального масштаба – приходится конструировать специальные формы диффузии, сочетающие элементы как контагиозного, так и каскадного типов (Smallman-Raynor, Cliff, 2001; Trevelyan..., 2005).

Диффузия нововведений – это их распространение из развитых городских центров и регионов, где разрабатывается и создается новая продукция, технологии, нормы и институты, вовне – в экономически более слабые центры и регионы, соседние и удаленные. К Т. Хегерстранду восходит представление о четырехстадийной схеме этого распространения в пределах некоторой территории, показывающей зависимость между его скоростью и расстоянием от центра возникновения инновации (индекс новации демонстрирует, какая часть населения ее восприняла). На исходной, первой стадии четко обозначаются центры восприятия новации, между которыми и остальной территорией наблюдается резкий контраст по этому признаку. На второй стадии – стадии диффузии – осуществляется быстрое распространение инновации: быстро возникают новые центры восприятия инновации, размещающиеся вдали от первичных, уменьшаются межрайонные контрасты, присущие первой стадии, наблюдаются сильные центробежные эффекты. На третьей стадии – стадии накопления – относительное возрастание числа лиц, воспринявших инновацию происходит одинаково во всех местностях вне зависимости от их расстояния от центра распространения инновации. Конечная стадия – стадия насыщения – характеризуется замедлением, а затем и прекращением процесса диффузии; на этой заключительной стадии объект диффузии воспринят уже на всей территории страны, поэтому межрайонные различия по этому признаку очень малы (Хаггетт, 1979, с. 346).

Такое распространение внутри, например, страны в целом описывается логистической (S-образной) кривой: сначала инновации распространяются главным образом в центрах, менее удаленных от очага своего возникновения, в наиболее развитом ядре страны и захватывают небольшой процент ее жителей; затем наступает фаза широкого распространения инновации, захватывающей так или иначе основную ареал территории страны и основную массу населения; затем следует фазы уплотнения, насыщения, когда инновация уже распространена повсеместно и воспринята подавляющей частью населения. Здесь можно увидеть четкую аналогию с жизненным циклом продукта на каком-либо рынке –

локальном, региональном, национальном (страновом), макрорегиональном, глобальном.

Жизненный цикл продукта – это типичные изменения во времени объемов сбыта, которые претерпевает продукт вследствие того, что изменяются вкусы потребителей и технические инновации приводят к вытеснению новыми продуктами уже существующих. Он состоит из четырех основных фаз. В начальной фазе, введения продукта на рынок объем сбыта продукта невысок и ограничивается потребителями с высокими доходами, которые более склонны к риску в своем покупательском поведении – так будет продолжаться до тех пор, пока не будет преодолено сопротивление основной части потребителей. В следующей фазе, роста (сбыта) продукта он достигает «рыночного признания» и объем продаж быстро растет, продукт охватывает массовый рынок; на этой фазе инновационный продукт обычно теряет свою исключительность, конкуренты могут начать выпуск конкурентоспособных продуктов-аналогов. В третьей фазе, зрелости продукта большинство потребителей уже сделали свои первые покупки и объем продаж в основном ограничен повторными покупками существующих потребителей; в этой фазе рынок насыщен и конкуренты не могут получать доходы от растущего рынка и вынуждены бороться за сохранение доли на уже существующем. В четвертой фазе, спада продукта объем его продаж снижается из-за изменения вкусов потребителей или появления новых, более совершенных продуктов (Пасс К., Лоуз Б., Дэвис Л., 1998, с. 145-146).

Вместе с тем, теория диффузии нововведений Т. Хегерстранда, «описывая пути нововведений, оставила в тени само их рождение» (Трейвиш, 2009, с. 16), т.е. механизмы формирования и осуществления их жизненных циклов во времени и пространстве, механизмы формирования территориальных структур развития.

Проведенный под руководством Г. Колодко, одного из руководителей рыночных экономических реформ в Польше, которые до сих пор считаются одними из наиболее успешных, обзор экономической истории последнего тысячелетия на уровне макрорегионов и крупнейших стран с точки зрения повторяющихся обстоятельств реализации исторических «точек» кульминации

позитивных экономических изменений, трансформаций различной длительности – от несколько лет до целого столетия, – позволил выделить следующие пять факторов долгосрочного экономического развития, которые в своем сочетании не только дополняют, но и усиливают действие друг друга:

- технический прогресс;
- преобладание критического мышления и инновационности над догматизмом в сфере культуры и экономики;
- способность организовать расширение производства и обмена, наличие необходимых экономических знаний;
- политическая воля правителей произвести необходимые институциональные реформы, высвобождающие и направляющие творческую энергию и предприимчивость;
- открытость к внешним контактам, возможность обмена не только товарами, но и знаниями, информацией и культурой.

Как правило, если отсутствовал хотя бы один из приведенных факторов, хозяйство макрорегионов и стран развивалось вяло или стагнировало. Исключения обычно относятся к древним эпохам, либо могут длиться не более жизни одного поколения. Кроме того, сочетание перечисленных факторов относится к необходимым, но, в целом, не достаточным условиям экономического развития. Это наглядно показывают примеры негативной экономической динамики последних десятилетий у ряда групп стран, где сочетания этих факторов отмечаются, по крайней мере, формально. К ним относятся страны, пережившие системную трансформацию от социалистического хозяйства с централизованным планированием к открытой рыночной экономике; постколониальные страны Африки южнее Сахары; страны Латинской Америки, преодолевающие последствия локальных конфликтов и финансовых кризисов; страны с моноспециализированной (сырьевой) экономикой, в том числе ориентированной на экспорт нефти (Колодко, 2005, с. 97-115). Таким образом, механизмы формирования территориальных структур развития во многом

заклучены в изменениях отраслевой и социально-экономической структур народного хозяйства страны.

Шагом к совместному описанию хода и механизма динамики волн нововведений является согласованное рассмотрение процессов распространения и вымывания (Vanhove, Klaassen, 1980). Тогда распространение имеет иерархический характер – оно начинается в больших центрах, переносится на средние центры и постепенно распространяется на малые населенные пункты. Это положение складывается из-за того, что крупные центры связаны магистральными коммуникациями – транспортными и информационными, – и, как правило, выступают распределительными узлами информационных и транспортных потоков для окружающих их регионов и более мелких центров. Описанная регулярная картина диффузии нововведений часто подвержена искажению в результате действия различных барьеров. Параллельно происходят процессы вымывания производственных факторов из хозяйственно более слабых центров и регионов в более сильные, как правило, находящиеся на более высоком уровне экономического и инновационного развития, в которых и осуществляется накопление ресурсов, их территориальная концентрация, позволяющая, в свою очередь, расширять сферы деятельности и генерировать нововведения. Вымывание осуществляется путем селективной миграции (когда выезжают наиболее перспективные, образованные, предприимчивые молодые люди), оттока материальных ресурсов (в том числе, в форме перераспределения загрузки производственных мощностей, в относительном ухудшении конкурентных позиций в борьбе за инвестиции, в отрицательном сальдо доходов и расходов местных бюджетов) и перераспределения покупательной способности (когда покупки осуществляются в торговых и сервисных сетях более развитых городов и регионов, обеспечивающих лучший ассортимент, цены и сервис) (Доманьский, 2010, с.158-159).

Выдвигается даже гипотеза волнообразного характера самой региональной дифференциации – важнейшего процесса территориального развития – как результата взаимодействия процессов распространения и вымывания,

включающая три фазы – роста, спада и повторного, но смягченного роста различий в региональных доходах. Таким образом, региональное неравенство развивается колебательно, фазы конвергенции и дивергенции регионов сменяют друг друга в процессе эволюции (Доманьский, 2010, с.160-164). Есть веские основания видеть подтверждения гипотезы волнообразного характера пространственной дифференциации не только на региональном и среднесрочном, но также и на предельном, глобальном пространственном и историческом, долгосрочном временном масштабах (Колодко, 2005, с. 93, 96-97, 101-104). Таким образом, «волны нововведений» выступают полимасштабной, и в этом смысле универсальной, формой территориальных структур развития.

Реализация волн нововведений как территориальных структур развития – волнообразный, пульсирующий характер территориального развития, – присущ не только «классической», «материальной» территориальной структуре хозяйства, (включающей, напомним, территориальную структуру производства, территориальную структуру природных ресурсов, расселение и инфраструктуру), но также и организационно-территориальной структуре, той части интегральной территориальной структуры, где она теснее всего взаимодействует с социально-экономической структурой. Организационно-территориальную структуру формируют процессы управления и связанные с ними институциональные и информационные процессы. Их результаты фиксируются в сетках административно-территориального деления и плано-экономического районирования, а также в территориальном распределении полномочий и способов разработки, принятия, исполнения и контроля реализации управленческих решений (Савченко, 1984).

1.3. Системное представление территориального развития

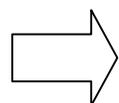
Системное представление территориального развития связывает воедино пространственный и деятельностный подходы к его описанию, его ход и движущие силы, процесс и механизм. В такой трактовке территориальное развитие предстает сложным объектом, включающим не только собственно

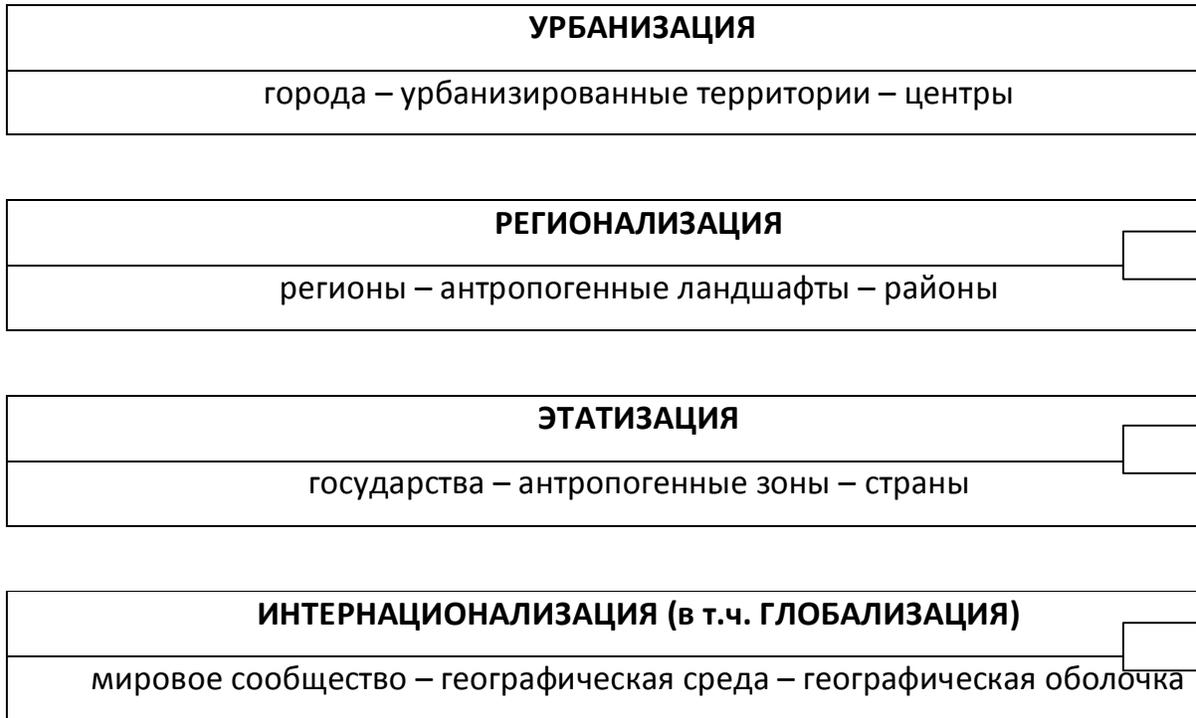
преобразование территориальных структур, но также преобразование общественных систем, выступающих движущими силами этого преобразования, и характера взаимодействия этих систем. Каждый вид общественных систем разного масштаба – города, регионы, государства, мировое сообщество в целом, – взаимодействуя, генерируют соответствующие базовые процессы территориального развития: урбанизации, регионализации, этатизации, а также интернационализации (и глобализации как ее подпроцесса предельного функционально-пространственного масштаба).

Каждый из перечисленных процессов, генерируемый общественными системами соответствующего вида, меняя на их уровне компоненты деятельности (нормы и ценности, интересы и предпочтения, способы организации и управления, производства и обмена, распределения и потребления, общения и досуга), связывает воедино системы сходного масштаба, принадлежащие использованию территории и территории. Образуются четыре вида полисистем территориального развития, связанных этими процессами: 1) города – урбанизированные территории – центры; 2) регионы – антропогенные ландшафты – районы; 3) государства – антропогенные зоны – страны; 4) мировое сообщество – географическая среда – географическая оболочка (Рис. 1.3.1.).

Процессы территориального развития, преобразуя территориальные структуры, меняют ход и соотношение урбанизации, регионализации, этатизации и интернационализации. В то же время, направления территориального развития взаимодействуют со связываемыми ими полисистемами, когда элементы одних из них выступают средством осуществления процессов, присущих другим. Так, город часто служит орудием этатизации, регионализации, глобализации, что отражают устоявшееся словосочетания, такие как город-форпост, город-государство, глобальный город и т.п.

Рисунок 1.3.1. Базовые полисистемы территориального развития

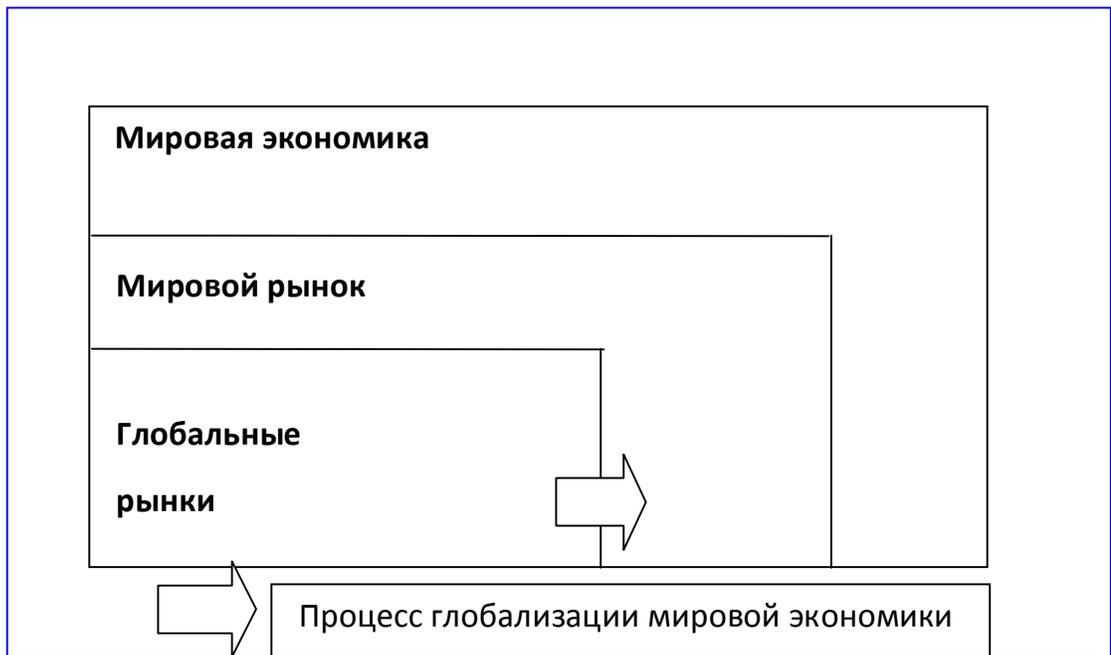

Взаимовлияние и взаимодействие направлений ТР и консолидируемых ими полисистем служит объективной основой частичного пересечения объемов соответствующих понятий, когда различия формируются не столько составом обозначаемых термином объектов и явлений, сколько аспектом-ракурсом их рассмотрения, особенно в парах регионализация – этатизация и интернационализация – глобализация. Регионализация – присвоение системами деятельности участков территории, их преобразование в ходе соответствующего освоения, с последующим сосуществованием и интеграцией с другими пользователями данной и соседних территорий. Результатом регионализации являются преобразования фрагментов четырех базовых ТС – природных ресурсов, расселения, промышленности, инфраструктуры. Этатизация – распространение по территории формальных, государственных институтов, ведущее к изменению административных, социально-политических и экономических режимов на соответствующих территориях, к преобразованию организационно-территориальных структур. Интернационализация – распространение деятельности, прежде всего внешнеэкономической, через границы государств, в пределе – формирование и развитие мирового рынка. Предельный частный случай

интернационализации – глобализация – распространение межконтинентальной, макрорегиональной торговли, рост ее доли и значения в рамках мирового рынка (Рис. 1.3.2.).

Рисунок 1.3.2. Процесс глобализации мировой экономики

К началу XXI века термин «глобальный» применительно к мировой экономике окончательно соединил в себе оба своих значения – мировая экономика не только «охватывает весь земной шар» (такой она во многих аспектах стала со времен Великих географических открытий XV - XVI веков в процессе формирования мирового рынка), но ныне она воистину стала также «всесторонней, всеобщей и универсальной», когда глобализация ощутима (в той или иной мере) во всех хозяйственных сферах и регионах.

Как у любого активно развивающегося понятия, у «глобализации» нет единого строгого определения (см., например, Колодко, 2009; Линдси, 2006). В этих условиях важно соотнести его с другими базовыми и лучше разработанными понятиями. Выделяются три подхода к определению глобализации: «от товара», «от компании» и «от рынка». Политологические и культурологические трактовки

глобализации находятся вне нашего рассмотрения. В немалой мере они производны от перечисленных трех подходов и могут быть учтены как факторы в их рамках (Лал, 2007).

Подход к глобализации «от товара» акцентирует внимание на сближении потребительских предпочтений и всемирной универсализации предлагаемого ассортимента, в ходе которых так называемые глобальные продукты вытесняют местные. Под американским термином «глобальный (всемирный) продукт» понимаются товары под глобальными (всемирными) торговыми марками (брендами), такими как Coca-Cola, Levis, Walt Disney, McDonalds или IBM-совместимые персональные компьютеры, которые являются универсальными, т.е. продаются в одной и той же форме по всему миру и во множестве мест находятся в пределах ближайшей доступности для множества потребителей. Универсальность продукта обеспечивается его «всеобщей» известностью, привлекательностью и стандартизацией производства, издержки которого должны быть одинаково незначительными в самых разных странах (Кох, 1999, с. 56, 396-397). Заметим попутно, что приведенному пониманию «глобальных продуктов» соответствуют, хотя и с рядом оговорок, нефть, цветные металлы, ряд продовольственных товаров (зерно, кофе, сахар и т.п.), т.е. товары, обращающиеся на мировых биржах.

В рамках подхода «от компании» признается, что глобализация мировой экономики, очевидно, является более общим процессом: не так уж много товаров в настоящее время могут именоваться по-настоящему всемирными, однако, глобализация стала реальностью для большинства крупнейших компаний мира, которым приходится мыслить и действовать в глобальных категориях покупателей, технологий, издержек, поставок, стратегических союзов и конкурентов. Для таких компаний рынком их продукции является любой район мира с высоким уровнем соответствующего потребления и спрос должен быть удовлетворен везде. Здесь глобализация вызвана суровой экономической необходимостью - повышение конкурентоспособности производителя предполагает возрастание постоянных издержек (затрат на НИОКР, на

совершенствование производственной базы, каналов сбыта и поставок, на продвижение торговой марки), которые для скорейшей окупаемости должны быть «распределены» на максимальный объем продаж, что требует постоянно расширять долю рынка компании. Компании-новаторы вынуждены использовать открытия и изобретения, находящиеся (до поры) в их исключительной собственности, сразу в мировом масштабе, чтобы лишить конкурентов возможностей занять складывающуюся новую нишу рынка. При этом жесткость глобальной конкуренции возрастает. Такая тенденция не требует универсализации товаров: во многих отраслях приспособление к требованиям местного рынка – необходимое условие глобального успеха (Кох, 1999, с. 65-66).

В подходе «от рынка» глобализация соотносится с процессами международного разделения труда, развитием мирового рынка и характером оформляющих его институтов. Место понятия глобализации мировой экономики в ряду других экономических понятий при таком подходе показано на Рис. 1.3.2.

Объемлющим понятием выступает понятие мировой экономики, включающее всю хозяйственную деятельность в мире. Мировым рынком охвачена та часть мировой экономики, которая вовлечена на регулярной основе во внешнюю торговлю, в операции купли-продажи товаров на внешних рынках. Глобальные рынки включают ту часть мирового рынка, где регулярные внешнеторговые обмены носят не просто международный, а надрегиональный, межконтинентальный и при этом так или иначе унифицированный характер, как по операциям обмена, так и по обмениваемым товарам.

Процесс глобализации мировой экономики, как это видно из Рис. 1.3.2., представляет собой исторический процесс повышения роли глобальных рынков в развитии мирового рынка и мировой экономики, процесс увеличения той части мирового рынка, которая охвачена глобальными рынками, т.е. процесс направленного изменения структуры мирового рынка и мирового хозяйства в целом. Сюда относятся направленные изменения международного разделения труда, номенклатуры и доли надрегиональных, межконтинентальных обменов, характера и степени их концентрации и диверсификации, условий (барьеров)

вхождения в них, состава и размещения производительных сил и расселения, географии транспортных сетей и торговых связей.

Важно подчеркнуть, что понятие мирового рынка, как и понятие глобальных рынков, включает в себя не только соответствующие операции, инструменты и институты обмена, обращения, составляющие ядро их содержания, но также и необходимо связанные с ними процессы производства, распределения и потребления: мировой рынок рассматривается как часть мировой экономики в целом, которая, в свою очередь, включает глобальные рынки как свою составную часть. Общая тенденция такова, что внутри мировой экономики растет доля мирового рынка, а внутри мирового рынка растет доля глобальных рынков. В современном мире нормой является постоянно усиливающаяся включенность в мировое хозяйство, постоянно растущая зависимость от мировой экономики, и достаточно трудно встретить страны, регионы или сферы, осуществляющие хозяйственную деятельность вне таких связей. Общее представление о степени включенности континентов и макрорегионов в глобальные рынки дают таблицы 1.3.1. и 1.3.2.

На таблице 1.3.1. представлена макрорегиональная структура мировой торговли. По ее главной диагонали выделена доля внутриконтинентальной или внутрирегиональной внешней торговли по каждому из континентов и макрорегионов. Разность 100% и этой доли, представленная на таблице 1.3.2., показывает долю межконтинентальных и надрегиональных обменов в макрорегиональной структуре мировой торговли и демонстрирует крайнюю неравномерность: эта доля колеблется от свыше 90% у Ближнего Востока и у Африки до примерно 25% у Европы; в середине этого спектра сбалансированную позицию занимают Северная Америка и Азия с почти 50%; посередине между ними и Африкой – СНГ и Центральная и Южная Америка с примерно 75%.

Таблица. 1.3.1.Макрорегиональная структура мировой торговли в2004г.(%)*

	Северная Америка	Центральная и Южная Америка	Европа	СНГ	Африка	Ближний Восток	Азия	Весь мир
--	------------------	-----------------------------	--------	-----	--------	----------------	------	----------

	Северная Америка	Центральная и Южная Америка	Европа	СНГ	Африка	Ближний Восток	Азия	Весь мир
Северная Америка	56,0	5,4	16,3	0,4	1,1	1,9	18,8	100,0
Центральная и Южная Америка	33,7	23,2	21,4	1,1	2,5	1,8	14,1	100,0
Европа	9,1	1,3	73,8	2,2	2,4	2,6	7,6	100,0
СНГ	6,8	2,3	48,5	20,7	1,5	3,8	13,2	100,0
Африка	18,5	3,0	42,7	0,4	9,9	1,3	16,8	100,0
Ближний Восток	14,1	1,0	16,4	0,3	3,3	5,6	49,5	100,0
Азия	22,3	1,6	17,5	1,0	1,9	3,1	50,3	100,0

* Рассчитано по International Trade Statistics 2005 (www.wto.org)

Таблица. 1.3.2. Степень включенности континентов и макрорегионов в глобальные рынки в 2004 г.

	Северная Америка	Центральная и Южная Америка	Европа	СНГ	Африка	Ближний Восток	Азия
Доля межконтинентальных и надрегиональных обменов во внешней торговле (%)	44,0	76,8	26,2	79,3	90,1	94,4	49,7

Участие в глобальных рынках оказывает мощное трансформирующее влияние на территориальное развитие страны – в силу своей организационно-технической и социально-экономической специфики оно порождает и воспроизводит мощную концентрацию материальных и финансовых потоков, что становится важнейшим фактором развития участвующих в этой торговле регионов и особенно городов. При этом города выполняют различные функции в обслуживании участия страны в глобальных рынках – от центров притяжения и

обмена потоков, через обеспечение доступа (геополитического, транспортного, операционного) к глобальным рынкам, их транзакциям – до локализации или обеспечения видов деятельности, поставляющих необходимые продукты и услуги для этих глобальных рынков.

Современным олицетворением глобализации, ее инструментом и концентрированным выражением результатов ее примерно пятисотлетнего влияния на территориальное развитие регионов и стран являются 60-80 мировых или глобальных городов, которые концентрируют глобальные информационные, финансовые, товарные и миграционные потоки, сосредотачивают большую часть мирового богатства в области экономики и культуры (см., например, Сассен, 2007; Слука, 2010; Parnreiter, 2009; Taylor, 2001, 2005).

Глобальные города являются наглядным примером взаимовлияния и взаимодействия основных направлений территориального развития – урбанизации, регионализации, этатизации и глобализации (как предельного частного случая интернационализации). Глобальный город, мегаполис постиндустриальной эпохи можно рассматривать как иерархически организованную систему четырех сегментов деятельности, каждый из которых характеризуется набором ее определенных видов, нацелен на удовлетворение определенного уровня потребностей жителей, имеет свой уровень их непосредственной вовлеченности и характеризуется определенным уровнем участия в территориальном разделении труда, уровнем географического масштаба основных технологических и экономических связей – рынков и конкуренции; эти сегменты выступают каналами включенности мирового города в процессы урбанизации, регионализации, этатизации, глобализации (Рис. 1.3.3.).

Рисунок 1.3.3. Функциональная макроструктура глобального города

Пространственный масштаб
основных связей

Доля непосредственно
вовлеченного населения

Сегмент 1	
Глобальный	(хай-тек бизнес, финансовые, инженеринговые, образовательные и др. услуги на экспорт, въездной туризм,
	узкие профессиональные группы

	экономика впечатлений)	
Национальный (страновой)	Сегмент 2 (лоу- и мид-тек бизнес, строительство, торговля, основные отрасли промышленности, а также формы (само)организации населения)	значительные профессиональные группы
Региональный	Сегмент 3 (базовые медицина и образование, соцподдержка населения, местная администрация и самоуправление)	массовые социальные группы
Локальный	Сегмент 4 (городской транспорт, энергетика, ЖКХ, водоснабжение и канализация, безопасность – правопорядок, экология)	все городское население

Важно подчеркнуть, что верхний, «глобальный» сегмент 1 мирового города не может существовать без сегментов нижележащих уровней, связанных с территорией, с экономическим пространством страны, «пригородного» региона, собственно городской территории – они являются его необходимым «плацдармом», а сам мировой город – результатом длительного влияния глобализации на урбанизацию страны-базы данного мирового города. Каждый из вариантов взаимодействия секторов 1 – 4 (которые являются реализацией на территории данного города процессов урбанизации, регионализации, этатизации и глобализации) будет порождать свои варианты территориального развития. Тезис «мыслить глобально – действовать локально» приобретает, таким образом, для стратегий развития глобальных городов новый смысл, заставляет отказываться от стереотипов индустриальной эпохи и ориентироваться как критерии постиндустриальной. В акценте на постиндустриальные критерии и стандарты развития каждого из сегментов, а также в обеспечении сбалансированности развития мировых городов по различным функционально-пространственным масштабам связей (от глобального до локального) заключена основная специфика учета фактора глобализации в стратегиях их развития.

В нашей стране сложились два мировых города – Москва и, с рядом оговорок, Санкт-Петербург. Превращение Москвы, а также Санкт-Петербурга в мировые города на стыке XX и XXI веков опирается на четырехвековой

фундамент урбанизации России под влиянием участия в глобальных сырьевых рынках. В XVII веке Москва была центром, где концентрировалась «мягкая рухлядь», собранная с огромной вновь присоединенной Сибири. Здесь находился Сибирский приказ, направлявший всю многообразную деятельность по освоению этих обширнейших территорий. В XVIII веке Санкт-Петербург стал главным портом, через который осуществлялся экспорт «корабельных товаров» России, в столице и прилегающем районе некоторые из этих товаров также и производились. В XIX веке он оставался важным «хлебным» портом, главным по экспорту муки, в нем находилась также крупнейшая в стране хлебная биржа. Здесь организовывался и частично концентрировался оборот золота, добывавшегося в Сибири, на Алтае и на Урале. В XX веке организовывала и частично концентрировала оборот золота, а затем и углеводородов Москва. Московский регион стал главным транспортным узлом Европейской части страны еще в XIX веке, а в XX – важнейшей транзитной зоной переброски углеводородов трубопроводным транспортом, в том числе, на экспорт; с пуском нового нефтеналивного порта в Приморске и «Северного потока» эту роль в XXI веке стала играть и Ленинградская область.

Рассматривая историческую реализацию урбанизации, регионализации, этатизации и интернационализации, включая глобализацию, в качестве базовой рабочей гипотезы о характере долговременной динамики территориального развития целесообразно принять тезис Н.Д. Кондратьева о динамике урбанизации, которая «подчиняясь в общем необратимому процессу, в своем темпе обнаруживает обратимость» (Кондратьев, 1989, с. 87). Это положение следует распространить и на другие полисистемы территориального развития, и на весь этот процесс в целом.

Важно подчеркнуть, что, вводя понятие экономической динамики, ученый отнюдь не сводил ее к большим циклам конъюнктуры, названным впоследствии его именем. В структуре его модели динамики капиталистического хозяйства динамика «поточковых» элементов хозяйства, вовлеченных в большие циклы конъюнктуры, таких как уровень производства, заработной платы, национального

дохода, процента на капитал, «отражают собой» – т.е. являются следствием динамики кумулятивных элементов – «национального капитала» и «самодеятельного населения», которые характеризуются однонаправленными, эволюционными процессами. К кумулятивным элементам он относил также «уровень техники», сюда же следует добавить и другие называвшиеся ученым качественные, инновационные по сути изменения экономики – «уровень организации хозяйства» и «характер общественных потребностей». В целом «модель экономической динамики капиталистического хозяйства» на основе «закона тренда двух кумулятивных величин – национального капитала и количества самодеятельного населения, а также хода изменения уровня техники, – выражается уравнением логистической кривой (с подстановкой ряда параметров, определяемых эмпирически)», когда скорость прироста логистической, S-образной кривой характеризуется волнообразной (или колоколообразной) кривой. (Кондратьев, 1989, с. 58, 412-413).

Глава 2.²
СИТУАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

² Основные положения Главы 2 изложены в (Савченко 2006, с. 105 – 206; Савченко 2014, с. 26 – 84).

2.1. Ситуация территориального развития как конкретно-географическое единство его движущих сил и хода

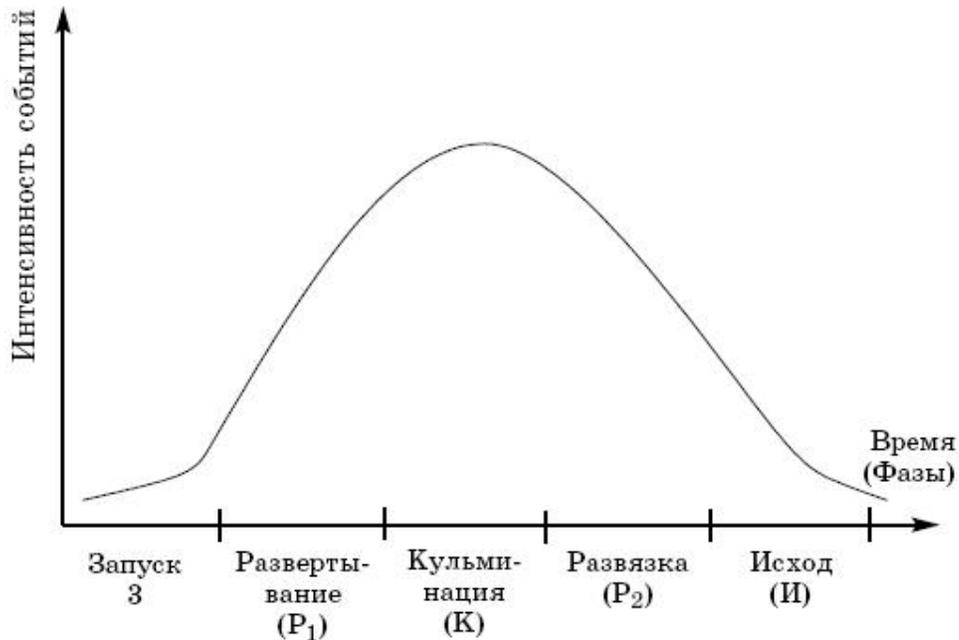
Еще в середине 1970-х гг. Т. Хегерстрандом была сформулирована задача изучения единства явлений в пространстве и времени, ориентированного не столько на разработку «рецепта» описания пространственных взаимосвязей, сколько на описание путей их концептуального обоснования, когда акцент делается прежде всего не на понимание уникальности отдельных районов земного шара, а на выявление принципов пространственно-временного единства явлений, где бы оно ни проявлялось. При этом явления в их развитии понимались как более важная проблема, чем их пространственный масштаб, а единство не означало, что его компоненты находятся в неизменной связи друг с другом. Напротив, единство подразумевало их соприкосновение, движение и столкновение. Пространственно-временное единство явлений мыслилось ученым как формируемое соревнованием или сотрудничеством различных типов процессов, естественных и вызванных человеческой деятельностью, только ограниченное количество которых может существовать одновременно. В результате происходит отбор, который выступает решающим фактором, когда рассматриваются взаимодействие Природы и Общества или распределение жизненных благ в пределах человеческих популяций (Хегерстранд, 1978).

Ситуационный подход позволяет объединить деятельностное и пространственное описание территориального развития с позиций общих закономерностей (см. предыдущую главу) и его конкретно-географическое описание. Понятие ситуации как единства цепи событий ее жизненного цикла и движущих сил реализации задает универсальные способы работы с особыми уникальными идеальными объектами – динамикой развития конкретных территорий в конкретных обстоятельствах времени и образа действия.

Ситуация – это комплекс взаимодействующих разнонаправленных, но целеустремленных действий ее участников, ведущих к общим событиям и результатам, которые, однако, имеют для участников разные последствия. Понять и описать ситуацию можно только через охват взаимодействия составляющих ее действий – собственное, особенное содержание ситуации не обнаруживается в каждом отдельном действии, оно заключено во всех них сразу. Иначе говоря, ситуации обладают функциональной, пространственной и временной целостностью. Предметом взаимодействия участников ситуации территориального развития обычно являются ресурсы территории. Элементарными единицами ситуации являются события как акты взаимодействия ее участников.

Ситуации территориального развития проходят свой жизненный цикл, включающий фазы запуска, развертывания, кульминации, развязки и исхода в координатах «интенсивность событий преобразования объектов на территории» – «время». Продолжительность жизненного цикла, скорость развертывания его отдельных фаз, амплитуда – разность между пороговыми значениями интенсивности событий фазы запуска и интенсивностью кульминационных событий – определяются действенностью стимулов ко взаимодействию участников ситуации и отдачей затрачиваемых ими на взаимодействие ресурсов. Иными словами, ситуация – это *волна событий*, гребень которой образует важнейшее кульминационное событие или их группа (вроде вооруженного восстания в революционной ситуации или генерального сражения военной компании), когда интенсивность событий и плотность взаимодействия достигает максимума. Динамика жизненного цикла ситуации описывается функцией интенсивности событий от времени (Рис. 2.1.1.).

Рисунок 2.1.1. Жизненный цикл ситуации. Ситуация как волна событий

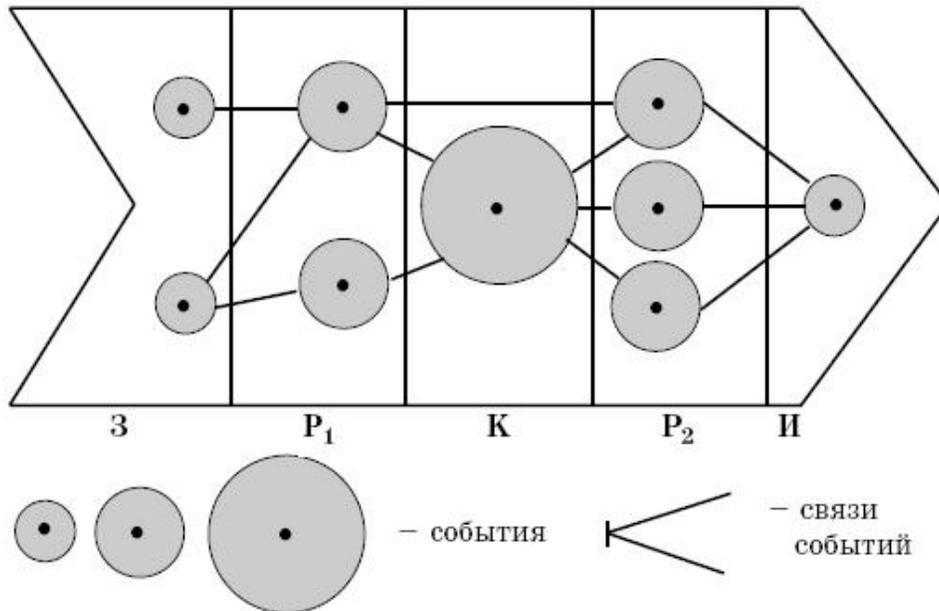

Действия и поведение каждого участника ситуации описывается соответствующими им функциями «стимул – реакция» и «затраты – результаты», а их взаимодействие – суперпозицией графиков этих функций, задающей в итоге траекторию графика жизненного цикла ситуации, которая в целом соответствует виду этих зависимостей. Жизненный цикл ситуации рассматривается в этом случае в континуальном аспекте (непрерывности жизненного цикла), как однонаправленный процесс – волнообразный поток событий, – формируемый в результате синергизма многих разнохарактерных процессов, вовлеченных в ситуацию и имеющих различную и отличную от потока событий скорость, темп, ритм, предметную определенность и динамическую плотность. Характер протекания потока событий в разных фазах жизненного цикла ситуации является результатом их синхронности и(ли) диахронности, однонаправленности и(ли) цикличности, импульсивности и(ли) равномерности, резонанса и(ли) диссонанса. Волнообразный поток событий, образующий жизненный цикл ситуации, является таким результатом взаимодействия различных тенденций изменений, когда взаимоналожение различных тенденций дает резонансный эффект и приводит к всплеску интенсивности событий в кульминационной фазе ситуации.

В то же время, жизненный цикл ситуации территориального развития может рассматриваться в дискретном аспекте (целостности жизненного цикла), как динамическая структура – разворачивающаяся цепь взаимосвязанных событий, – как динамическая равнодействующая образующих ее разнонаправленных действий и поведений, как последовательность (дискретных) актов их взаимодействия. В формировании целостности ситуации как динамической структуры решающая роль принадлежит не причинным, а телеологическим и генетическим связям. Иными словами, цепь событий, образующих ситуацию, выстраивается не столько «потому, что», сколько и главным образом «ради того, чтобы» и «из-за того, что».

Динамическая структура жизненного цикла ситуации описывается ситуаграммой – схемой событий, составляющих в совокупности ситуацию, с разделением по фазам ее жизненного цикла – запуска, развития, кульминации, затухания, трансформации, – в их последовательности и взаимосвязях. Последовательность, темп и интенсивность осуществления событий и их взаимосвязей составляет динамику ситуации, динамику ее жизненного цикла. Развертывание территориальных структур развития как динамической структуры цепи событий жизненного цикла ситуации территориального развития может быть представлено в виде структурной схемы – ситуаграммы, фиксирующей распределение этих событий и их связей по фазам жизненного цикла (Рис. 2.1.2.).

Рисунок 2.1.2. Динамическая структура жизненного цикла ситуации

Главная «материя», с которой имеет дело анализ ситуации – это взаимодействие систем деятельности, стратегий и линий поведения, курсов действий и отдельных действий участников ситуации. Из отдельных актов этих взаимодействий – событий – складывается жизненный цикл ситуации, а сами ситуации являются динамической структурой и формой взаимодействия систем деятельности. Поэтому любая графема, используемая как схема ситуации в ситуационном анализе должна в явной форме выразить как минимум две базовых идеи – взаимодействия целеустремленных систем и направленной динамики, жизненного цикла этого взаимодействия и его результатов. Этим требованиям удовлетворяют как минимум два типа потоковых схем, хорошо зарекомендовавших себя в аналитической практике в сфере управления. Речь идет, во-первых, о факторных диаграммах, пригодных для инвентаризации и анализа, соответственно, сдерживающих и движущих сил того или иного сценария развития ситуации, в том числе их изменения по различным фазам ее жизненного цикла. Другим, более развернутым средством анализа являются причинно-следственные диаграммы (сленговое название «рыбий скелет»),

пригодные не только для инвентаризации движущих сил развития ситуации и изменения их состава и способа действия по фазам ее жизненного цикла, но и для анализа взаимодействия этих движущих сил и факторов их динамики по ходу реализации жизненного цикла ситуации. Факторные и причинно-следственные диаграммы могут дополняться другими традиционными графическими средствами анализа, такими как блок-схемы для изображения элементов и связей, а также карты потоков для изображения процессов или сопоставления объемов и уровня связей между элементами.

Схемы в ситуационном анализе не «изображают» конкретную ситуацию, а именно «отображают» ее – они представляют в наглядной форме логику анализа конкретной ситуации, а не ее феноменологию. Логика анализа конкретной ситуации, представленная на схеме должна позволить увидеть за феноменологической «конкретикой» реальные проблемы и найти пути их решения. Схемы в ситуационном анализе – это инструменты достижения его логической полноты и непротиворечивости. Схема задает систематический план анализа смены фаз жизненного цикла ситуации в результате взаимодействия важнейших внешних и внутренних движущих сил ее развития – предпосылок, условий и факторов, – как для целей объяснения сложившегося и(ли) складывающегося положения дел и сценирования вариантов его возможного развития, так и для целей организационного проектирования и реализации собственных действий ради направления складывающегося развития событий в желательное русло и получения желаемого исхода ситуации.

Ситуации относятся к объектам, обладающим размытыми пространственно-временными границами. Их нельзя увидеть на фотоснимке и трудно положить на карту. Нельзя категорично сказать, что они существуют однозначно и безусловно «в данном месте в данное время», – скорее, они имеют там «тенденцию к существованию», как выразился Гейзенберг по поводу субатомных частиц. Продолжая аналогию с квантовой теорией, следует отметить, что «ситуации» и их свойства не могут быть определены отдельно от их «наблюдателя» (аналитика, участника) – «ситуация» – это всегда «ситуация для кого-то», «чья-то ситуация»,

ситуация в контексте чьего-то действия, наблюдения и анализа. В одних и тех же обстоятельствах у разных «наблюдателей» будут разные ситуации, у каждого – своя («кому – война, а кому – мать родна»). Ситуация – это динамическая равнодействующая образующих ее действий и поведений, центрированная по одному из их носителей.

Иными словами, понятие ситуации является функциональным, а не атрибутивным понятием – набор свойств и признаков, относимых к «ситуации», являющихся ее необходимыми и достаточными атрибутами, не является абсолютными, раз и навсегда априори данным. Напротив – он каждый раз определяется акцентом исследования, например, на одном из типов общественных систем или генерируемых ими частных процессов территориального развития (Рис. 1.3.1.). От этих установок будут зависеть пространственно-временной и функциональный масштаб исследования, основания для отнесения к данной ситуации объектов и событий, принципы и операции их индивидуализации и дифференциации (т.е. сравнения и выделения совокупностей), очерчиваемые пространственные, временные и функциональные границы (распространение, продолжительность, воздействия – изменения – последствия), внутренняя шкала времени (скорость, темп и ритм). Этими установками будут определяться основания и критерии отнесения каких-либо объектов, в том числе – событий, к «ситуации».

Будучи проявлением и результатом целенаправленной человеческой активности, «ситуации» и их единицы – «события» – вовлекают и на какое-то время объединяют во взаимодействии объекты совершенно различных «миров» - людей, вещи, территорию, знаки, социальные структуры и технические средства, идеи и представления, понятия и знания, волю и страсти, а также многое другое. Поэтому понятие ситуации должно строиться в рамках объемлющей категории, способной «снять», соотнести и структурировать в себе все эти крайне разнообразные объекты. Такой предельной категорией является категория Деятельности: согласно общей теории деятельности (комплексной дисциплины, обобщающей представления целого ряда предметных наук, таких как социология,

психология, экономика, кибернетика, лингвистика и др.), единицей деятельности является действие, а основной проблемой – такая системная организация множества действий, при которой действия адекватно осуществляют системную деятельность в конкретной ситуации ((Щедровицкий, 1995; Генисаретский, 1975).

При этом принципиально важно различение действия и его носителя, когда действие соотносится как с поведением его носителя (заданным его внутренними особенностями и потому индивидуализированным), так и с деятельностью (заданной объемлющей носителем действия системой деятельности). Деятельность осуществляется в действующей, целеустремленной системе как процесс поведения, который представляет собой последовательность отдельных действий. Такая система базовых понятий делает избыточным введение отдельной единицы поведения – поступка, встречающегося в социально-психологической литературе, в частности, при рассмотрении так называемого «организационного поведения». Рассматриваемые с помощью понятия поступка, в том числе, психологические, этические и моральные аспекты действий и поведения, оказываются полностью охваченными в понятийной триаде «деятельность – поведение – действие» благодаря различению действия и его носителя (Генисаретский, 1975, с. 480-497).

Действия и поведения, вовлекаемые в ситуацию и формирующие ее, принадлежат различным системам деятельности, по отношению к каждой из которых решается задача ее адекватного осуществления в данной конкретной ситуации путем соответствующей организации множества действий, принадлежащих каждой такой системе. Конкретная система деятельности не существует вне конкретной ситуации, вне взаимодействия с другими подобными системами. Ситуация – это всегда ситуация реализации Деятельности, и обратно – Деятельность не реализуется вне ситуации. Ситуация – это часть Деятельности, точнее – часть механизмов ее функционирования и развития. Ситуации образуют связи между структурными элементами таких механизмов – системами деятельности. Ситуации - это формы и способы реализации связей между отдельными системами Деятельности в ходе ее функционирования и развития. И обратно – функционирование и развитие Деятельности осуществляется через

взаимодействие систем деятельности, акты этого взаимодействия – «события», и процессы этого взаимодействия – (динамические) «состояния», являются формами и способами реализации (взаимо)связей между системами деятельности – ситуациями.

Системы деятельности как целеустремленные системы взаимодействуют посредством создания и разрешения ситуаций. Ситуации выступают важнейшей формой функционирования и развития систем деятельности. Можно гипотетически представить и ситуацию, сформированную взаимодействием действий и поведений, принадлежащих только одной системе деятельности, но это будет частный, «вырожденный» случай - абстракция, далекая от сегодняшней управленческой реальности.

Для более ясного понимания соподчиненности и соотношения понятий Деятельность – Системы (сферы, виды, институты) деятельности – Ситуация, а также описываемых ими реальных объектов, понимания способов работы в этих понятиях, назначения и характера получаемых с их помощью знаний, можно провести аналогию с понятиями, соответственно, Атмосфера – Климат – Погода. С помощью этих трех понятий описывается один и тот же реальный объект – газообразная оболочка Земли, однако, описывается в различных пространственно-временных масштабах и с различными исследовательскими целями, на основе этих понятий построены разные научные и прикладные дисциплины (соответственно, физика атмосферы, климатология, метеорология) и знания, получаемые этими дисциплинами, имеют разное практическое назначение.

Понятие атмосферы создавалось и используется для описания общего строения газообразной оболочки Земли, выявления механизмов ее развития в результате взаимодействия с радиационными поясами Земли, ее гидро-, лито- и биосферами, раскрытия общих закономерностей циркуляции воздушных масс. Знания, получаемые здесь, являются фундаментальными, исходными, базовыми для изучения климата и погоды. Именно такую роль выполняют категория Деятельность и теория деятельности по отношению к исследованию систем деятельности и анализу ситуаций.

С помощью понятия климат раскрывают закономерности многолетних, устойчивых режимов атмосферных явлений на поверхности Земли, закономерности формирования климатических поясов, зон и подзон в результате действия климатообразующих процессов. В зависимости от масштабов изучения земной поверхности различают макроклимат, мезоклимат и микроклимат. Знания, получаемые здесь являются базовыми для прогнозов погоды, хотя, методы исследования климатологии в значительной мере пересекаются и взаимодополняются с методами метеорологии. Существует даже одно из определений климата как усредненного, ежегодно повторяющегося состояния погоды в данном месте поверхности Земли. Климатология и понятие климата выполняют по отношению к метеорологии и понятию погоды ту же роль, что изучение сфер, видов и систем деятельности по отношению к понятию ситуации и ситуационному анализу.

Наконец, понятие ситуации и ситуационный анализ в этом ряду сравнений оказываются практически полным аналогом, соответственно, понятия погоды и метеорологии. Сравните: «Погода – непрерывно меняющееся состояние атмосферы; обычно предполагается у земной поверхности или в тех слоях, где действует воздушный транспорт; погода характеризуется совокупностью средних значений метеорологических элементов или их последовательных изменений за некоторый промежуток времени (сутки, недели, месяцы)» (Энциклопедический словарь географических терминов, 1968, с. 286).

Современные метеорологические службы и службы глобального ситуационного мониторинга даже пользуются одинаковыми техническими средствами – космическими спутниками, специальными судами наблюдения, глобальными стационарными сетями станций слежения, глобальными информационными системами, средствами связи и оповещения. В своей деятельности специалист по ситуационному анализу в очень многом напоминает синоптика и метеоролога – оба имеют крайне нестабильный, изменчивый и многофакторный объект анализа, оба вынуждены делать ответственные выводы в условиях дефицита достоверной информации и неопределенности, в связи с чем

суждения обоих во многом носят обусловленный и вероятностный характер. Несмотря на неизбежные в связи с этим ошибки, вызывающие зачастую справедливые нарекания, оба этих вида деятельности являются и всеми признаются необходимыми, а в их совершенствование вкладываются огромные ресурсы.

Ситуации являются неотъемлемой частью механизмов функционирования и развития Деятельности, они могут быть правильно поняты не «изнутри себя», а только исходя из их места и роли в этих механизмах. Любая методология ситуационного анализа, претендующая на онтологическую и логическую полноту, должна в явной форме раскрывать место и роль ситуаций в механизме функционирования и развития Деятельности как связей между его структурными элементами – системами (видами, сферами, институтами) деятельности. Функционирование и развития Деятельности осуществляется через взаимодействие ее отдельных структурных элементов – систем деятельности. Совокупность взаимодействий систем деятельности образует взаимосвязи функционирования и развития – ситуации. Ситуации – это формы и способы реализации связей систем деятельности в ходе их функционирования и развития.

Ситуация – это всегда необходимый элемент, неотъемлемая часть механизмов функционирования и развития систем деятельности, образующих ее деятельностный контекст. Системы деятельности функционируют и развиваются (или деградируют и уничтожаются) в ходе своего взаимодействия посредством реализации ситуаций. Ситуации – это форма именно взаимодействия систем деятельности в ходе их функционирования и развития, когда каждая из этих систем существует не изолированно от других, а, напротив, в тесном взаимодействии с другими такими системами. Причем, от века к веку (а теперь – от десятилетия к десятилетию) – масштаб и уровень этого взаимодействия нарастает. Все так или иначе зависят от всех. Никто не хочет и не может существовать обособлено, но каждый борется за выгодные ему формы сосуществования и взаимодействия – т.е. пытается сложить выгодные для себя ситуации и повернуть развитие сложившихся ситуаций в выгодном для себя

направлении. Изоляция, даже частичная, от других систем деятельности, ограничения взаимодействия стали в современном мире действенным инструментом наказания, принуждения и давления (полные или частичные запреты на те или иные виды торговли, на ведение какой-то деятельности, на доступ к каким-то знаниям, ограничение перемещения людей и товаров и т.д.). Но такая изоляция (и, соответственно, попытки ее избежать) – это тоже кем-то сложенная ситуация, отказ от взаимодействия – это тоже форма взаимодействия.

Особое значение имеет выявление роли ситуации как формы связей развития, изменения, развертывания систем деятельности в ходе их взаимодействия. Это такие формы связей, когда одни системы деятельности выступают как механизм изменения других, а ситуации выступают как действие механизма этих изменений, которое может иметь различные динамические характеристики (продолжительность, периодичность, интенсивность) и фиксироваться траекторией жизненного цикла ситуации или их последовательно сменяющейся группы.

Ритмы и циклы волн нововведений, связаны с собственным временем Деятельности. С каждой из таких волн оказывается связанной («типовая») цепочка событий, т.е. каждая такая волна (имеющая начало и конец) может рассматриваться как ситуация, запуск которой связан с исходом предыдущей волны, а исход – с запуском последующей. Волна нововведений – это след ситуации (волны событий) на территории.

Именно понятие жизненного цикла ситуации как динамической структуры – разворачивающейся цепи событий – и, одновременно, как процесса – волнообразного потока событий – позволяет адекватно описать действие механизма изменений, связывающего сам механизм (задаваемый в структурной форме) и вызванный им процесс изменений (задаваемый в параметрической форме). В жизненном цикле ситуации реализуются как факторы устойчивости и инерционности – динамическая структура направляет процесс изменений, так и факторы изменчивости и преобразования – процесс изменений формирует динамическую структуру.

Понятие ситуации как единства цепи событий ее жизненного цикла и движущих сил его реализации (факторов динамичности и устойчивости) позволяет описать весь спектр возможных исходов взаимодействия систем деятельности, когда одна из них выступает механизмом изменения другой. В том числе и такие сложные случаи, когда процесс изменений оказывает обратное воздействие на вызвавший его механизм и меняет его характер – или разрушает его (т.е. вызвавшую его систему деятельности), или видоизменяет механизм и характер его действия (т.е. когда первоначально вызванный процесс изменений во второй системе деятельности сам становится механизмом, производящим изменения в вызвавшей его структуре первой системы деятельности и в результате взаимодействия изменяются обе эти системы).

Возможны два исхода такого взаимодействия изменяющихся систем деятельности, в котором каждая становится механизмом изменения другой – т.е. два вида ситуаций как форм взаимодействия механизмов изменений этих систем. Либо в результате взаимодействия не возникает целостного образования (или оно оказывается целостным, но неустойчивым с точки зрения перспектив процессов изменений, вызванных каждым механизмом) и измененные в результате взаимодействия системы деятельности продолжают обособленное существование – т.е. реализуется ситуация как форма взаимосвязи изменения и развертывания автономных, обособленных систем деятельности. Либо обе системы деятельности в результате своего взаимодействия образуют новую, третью - устойчивую и целостную - систему, включающую их полностью или частично, т.е. изменения в них приобретают структурный, качественный, взаимодополняющий и самоподдерживающийся характер, происходит их развитие – т.е. реализуется ситуация как форма взаимосвязи их развития.

Взаимодействующие системы деятельности, одной своей (большей) частью составляют фон и контекст ситуации, внешние движущие силы ее развития, а другой (меньшей) частью, формируют ее внутреннюю структуру и содержание, выступают внутренними движущими силами динамики ее жизненного цикла. Иными словами, одни части взаимодействующих систем деятельности

составляют ядро ситуации – ситуацию в узком понимании, взаимодействием этих частей определяется внутренняя граница ситуации. Другие части взаимодействующих систем деятельности образуют внешний обвод ситуации – ситуацию в широком понимании, взаимодействием этих частей определяется внешняя граница ситуации. Далее, как внутри ядра, так и внутри внешнего обвода ситуации могут быть проведены дополнительные границы. Например, в ситуации регионального конфликта пространственная граница ядра ситуации (в зависимости от целей анализа) может включать ареал непосредственных боевых действий, а граница обвода ситуации охватывать полные территории вовлеченных в конфликт государств, а также полные территории или отдельные ареалы государств, заинтересованных в том или ином исходе конфликта и стремящихся воздействовать на ситуацию в выгодном для них направлении.

Системы деятельности, пространственно-временной и функциональный масштаб которых, заставляет рассматривать ситуацию как (одномоментный) акт взаимодействия, как событие, составляют Исторический фон ситуации. Исторический фон остается практически неизменным на протяжении всего жизненного цикла ситуации. Системы деятельности, для которых эта же ситуация является (длящимся) процессом и рассматривается как динамическое состояние (например, «состояние войны» между государствами), составляют ее Деятельностный контекст. В ходе реализации жизненного цикла ситуации ее Деятельностный контекст может быть подвержен серьезным изменениям (например, положение воюющих государств в ходе войны). Исторический фон и Деятельностный контекст ситуации являются внешними движущими силами ее развития, генераторами и носителями тех тенденций изменений, взаимодействие которых формирует общие «граничные» характеристики ситуации, задает коридор возможных траекторий ее жизненного цикла и возможных исходов – результатов и последствий.

Носители действий и поведений, принадлежащие разным взаимодействующим системам деятельности, и непосредственно вовлеченные в ситуацию, ставшие ее участниками, в ходе своего непосредственного

взаимодействия формируют Структуру ситуации. Основные содержательные противоречия, возникающие и разрешаемые в ходе взаимодействия вовлеченных в ситуацию действий и поведений, являющиеся внутренними движущими силами ее развития, составляют Содержание ситуации. Характер сознания носителей действий и поведений, вовлеченных в ситуацию, влияние его особенностей на структуру и содержание ситуации, на динамику ее жизненного цикла, воздействие на него исторического фона и деятельностного контекста ситуации, его изменение в ходе ее реализации, задают Смысл ситуации. Смысл ситуации задает формы реализации внутренних движущих сил ее развития, а Структура – ресурсную базу.

Наконец, последствия реализации ситуации, как для непосредственно вовлеченных в нее носителей действий и поведений, так и для взаимодействующих систем деятельности, сформировавших ситуацию и выступавших внешними движущими силами ее развития, (а также, возможно, и для других систем деятельности и носителей действия, имевших к ситуации косвенное отношение «по сопричастности») составляют Значение ситуации. Значение ситуации характеризует тот вклад, который реализация жизненного цикла ситуации внесла в тенденции изменений, в способы функционирования и развития объемлющих систем (сфер и видов) деятельности, изначально сформировавших ее саму, в изменение характера действий и поведений принадлежащих этим системам деятельности непосредственных участников ситуации. На фазе запуска ситуации ее значение является ожидаемым и потенциальным, оно все больше актуализируется по мере реализации жизненного цикла ситуации. Проявление последствий ситуации - ее значение - может выходить далеко за рамки окончания последних фаз ее жизненного цикла (разрешения и трансформации).

Теперь, после того как задано базовое понятие жизненного цикла ситуации (см. Рис. 2.1.1. и Рис. 2.1.2.), ситуация представлена как целостная единица Деятельности, когда в соответствующих понятиях описаны ее место и роль в функционировании и развитии Деятельности, может быть построено развернутое, системное понятие ситуации. Системное понятие ситуации имеет трехчастное

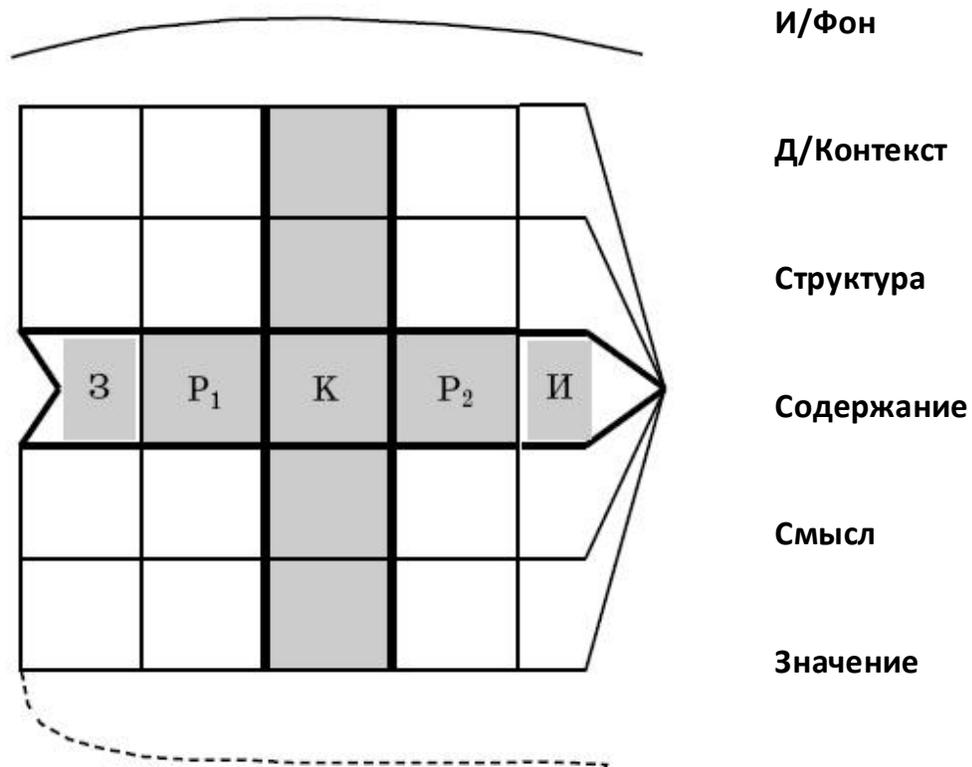
строение, его схема представлена на Рис. 2.1.3. Она состоит из трех горизонтальных поясов, расположенных один над другим, центральным из которых является пояс «Жизненный цикл» ситуации. Именно этот пояс соединяет в одно целое верхний, «операционный» пояс (его составляют строки «Исторический фон», «Деятельностный контекст» и «Структура ситуации») и нижний, «ориентационный» пояс (его составляют строки «Содержание», «Смысл» и «Значение»). Схема системного понятия ситуации – это схема потокового типа – она показывает или требует показать, как будет разворачиваться цепь составляющих ситуацию взаимосвязанных событий и какую роль в реализации каждого из них сыграют факторы, сгруппированные в верхнем и нижнем поясе схемы.

Исторический фон и деятельностный контекст ситуации являются внешними движущими силами ее развития, они выступают генераторами и носителями тех рамочных ограничений и объемлющих тенденций изменений, взаимодействие которых формирует общие «граничные» характеристики анализируемой ситуации (ресурсные, содержательные, функциональные, позиционные, пространственные и временные). Они задают также общий вектор развития ситуации, коридор возможных траекторий ее жизненного цикла и пространство возможных исходов – результатов и последствий. Эти движущие силы многообразны и многоплановы, действие каждой из них несводимо к действию прочих, но и неотрывно от них. Главными вопросами анализа исторического фона и деятельностного контекста ситуации являются вопросы о расстановке, соотношении, характере взаимодействия и направленности изменения внешних движущих сил ее развития, а также вопрос об их влиянии на развитие жизненного цикла ситуации, опосредованном действием ее внутренних движущих сил. Логически и эмпирически первым здесь является вопрос об организации власти и ее источников, так как именно организация власти организует далее все остальное.

Структура – отношения и связи непосредственных участников ситуации в ходе из взаимодействия, а также каналы взаимодействия внешних и внутренних

движущих сил развития ситуации – это ее действующие лица в их связях и отношениях. Структура ситуации задает организационные формы и ресурсную базу реализации внутренних движущих сил ее развития. Главные вопросы ее анализа - о характере ее внутреннего строения и составе ее непосредственных участников.

Рисунок 2.1.3. Системное понятие ситуации

Содержание – основные противоречия, для и вокруг разрешения которых строится взаимодействие участников ситуации и которые являются поэтому внутренними движущими силами ее развития. Содержание ситуации составляют такие противоречия, разрешение которых ведет к ее необратимым, направленным и закономерным изменениям, т.е. к развитию. В основе механизма развития ситуации лежит столкновение и борьба различных, часто – противоположных, тенденций разрешения основных сложивших ситуацию противоречий и стоящих

за ними сил и участников ситуации. Основной вопрос анализа содержания ситуации – в чем состоят противоречия, послужившие импульсом к ее запуску и реализации, противоречия, для и вокруг разрешения которых строится взаимодействие участников ситуации – противоречия, которые, трансформируясь в индивидуальные проблемы каждого участника ситуации, служат для каждого из них побудительным мотивом для взаимодействия. Наконец, каким способом (компромисса или конфликта) осуществляется разрешение этих противоречий в результате развития ситуации.

Смысл – способ осознания ситуации ее непосредственными участниками, а также стоящими за ними и «вокруг них» силами, актуальная структура и состояние сознания участников ситуации, те способы, которыми они ставят для себя вопросы «что происходит» и «что делать» и способы, с помощью которых они на эти вопросы отвечают. Анализ смысла ситуации сводится к выявлению влияния многообразного «человеческого фактора» - т.е. интеллектуальных, мотивационных, волевых, ментальных, морально-этических и прочих «идеальных» характеристик участников ситуации, - на ее динамику. Основным здесь является вопрос как, почему и какую модель ситуации строит себе каждый ее участник. Ответ на него предполагает, прежде всего, анализ их миропонимания, «картины мира», которые образуют базовые посылки и основания суждений и действий, в том числе и способов построения модели ситуации. Связь идеального и реального в ситуации носит интерактивный характер – то или иное понимание смысла ситуации приобретает онтологический характер, становится неотъемлемой составляющей ситуации, активно направляет ее развитие. Понимание смысла ситуации – это не некое механическое «считывание», это всегда творческий акт, порождение индивидуального сознания.

Значение – последствиями реализации ситуации – как для ее непосредственных участников, так и для взаимодействующих систем деятельности, сформировавших ситуацию и выступавших внешними движущими силами ее развития. При этом исход ситуации будет для всех них один и тот же, а вот последствия, влияние и результаты – т.е. значение - разными. Представление о

значении ситуации всегда строится на основе частично неполного, недостоверного и недостаточного знания – т.е. в условиях неопределенности, которая усугубляется неустойчивостью самих ситуаций и нарастающим темпом и масштабом изменений в объемлющих системах деятельности. Однако, необходимость принимать решения и действовать «здесь и сейчас» заставляет участников ситуации поступать таким образом как будто в их распоряжении находится необходимый и достаточный объем информации об исходе ситуации. Первая группа вопросов, объектно-аспектная, касается, например, политических, экономических, финансовых и т.д. последствий исхода ситуации или отдельных ее событий; вторая, субъектная, конкретизирует последствия того или иного исхода ситуации для каждого из ее участников, а также стоящих за ними сил.

В соответствии с пятью стадиями жизненного цикла ситуации – запуска, развития, кульминации, разрешения и трансформации, – все горизонтальные пояса и составляющие их строки схемы делятся на пять вертикальных столбцов. Исключение составляют самая верхняя и самая нижняя строки – «Исторический фон» и «Значение» (первый потому, что принимается неизменным все время реализации ситуации, второе потому, что время его реализации не совпадает со временем реализации ситуации).

Получается квадратная матрица 5 на 5 клеток, центрированная по средней строке и среднему столбцу (что выделено их заливкой), соответственно – по жизненному циклу ситуации, разворачиванию цепи составляющих ее событий, с акцентом на стадию кульминации, на кульминационное событие или их группу и по состоянию движущих сил развития ситуации на этой стадии. Анализ положения дел именно по этим 9 клеткам из 25 (точнее – 27 с учетом названных выше вертикально неразделенных строк) и их взаимосвязям составляет ядро анализа ситуации. Схема ситуации позволяет структурировать поле поиска и анализа возможных исходов ситуации, ее различных движущих сил и взаимодействия движущих сил динамики и динамики жизненного цикла ситуации и т.д.

В зависимости от установок и задач анализа мы можем выделять в реальной ситуации в соответствии со строками и столбцами схемы относительно самостоятельные объекты анализа, разные структуры и выявлять в соответствии со строением схемы существующие или возможные связи, объединяющие их в единую, целостную систему в ходе развертывания жизненного цикла ситуации. И наоборот – раскрывать роль этих структур в объединении различных процессов в жизненный цикл ситуации, в формирование траектории и динамики его реализации. Подробному описанию способов работы со схемой и отдельных «строк» ее строения посвящена третья глава. Представленный состав позиций схемы ситуации территориального развития обеспечивает логическую полноту ее описания как системного объекта, так как позволяет рассмотреть в их единстве внешние связи и отношения («вход» и «выход») и внутреннюю структуру ситуации, представив их, соответственно, как внешние и внутренние движущие силы динамики ее жизненного цикла, развертывания территориальных структур развития.

Таким образом, представленная схема связывает развертывание цепи событий, образующих ситуацию территориального развития, являющихся результатом взаимодействия ее внешних и внутренних движущих сил, факторов динамики: исторического фона, деятельностного контекста, структуры, содержания, смысла и значения, также являющихся частью ситуации. Она выступает адекватным инструментом анализа ситуации территориального развития как единицы Деятельности, как неоднородной полиструктуры, включающей компоненты разного типа, подчиняющиеся разным группам законов и существующие в своих особых процессах, но связанных (или связываемых) в единую, целостную (актуально или потенциально) систему жизненным циклом ситуации. Компоненты ситуации территориального развития принадлежат общественным системам, использованию территории и самой территории, а ее жизненный цикл объединяет много разных по природе и направлениям процессов, протекающих с разным темпом.

Резюмируем: системное понятие ситуации строится для того, чтобы каждый раз задавать новый, уникальный идеальный объект анализа (так называемый объект *ad hoc*), универсальным в понятии ситуации являются принципы и процедуры задания такого идеального объекта и работы с ним. Понятие ситуации задает универсальные способы выделения и работы с уникальными идеальными объектами. Так представленная ситуация территориального развития выступает как конкретно-географическое единство его движущих сил и хода. Системное понятие ситуации территориального развития объединяет оба значения термина «ситуация» – общепринятое, трактующее ее как обстановку и совокупность обстоятельств, – и принятое в топографии, как совокупности особенностей местности, изображаемой условными знаками на карте или плане.

2.2. Контекст территориального развития

Задачу разработки контекстуального подхода в географии ставил в середине 1970-х годов Т. Хегерstrand. Он противопоставлял его подходу композиционному, который обычно нацелен на выяснение того, как заданный круг явлений или система может быть разложен на ряд составных частей, а затем – на установление того, каким образом эти составные части объединяются друг с другом, образуя единое целое, замыкаясь, таким образом, на изучении формы и структуры. В отличие от этого, контекстуальный метод синтеза задается целью выяснить, в какой ситуации встречается данный объект и в какой связи находятся свойства этого объекта с его поведением в различных ситуациях или контекстах, и акцент при этом делается на изучении не только структуры, но и процессов, которые в этом случае рассматриваются не только как конкретные цепи явлений, но и как общие типы последовательности событий (см: Пред, 1979, с. 92-93).

Мировой рынок с его спросом есть фактор территориального развития страны, а ее территория, как носитель предложения, выступает, если следовать А.П. Горкину и Л.В. Смирнягину, его условием (Горкин, Смирнягин, 1973). Мировые, в т.ч. глобальные рынки сырьевых товаров расширяют применение фактора производства «земля» (природных и материальных ресурсов и условий

территории), не занятых удовлетворением национального спроса в силу его низкой платежеспособности. Они создают устойчивый внешний спрос на те виды сырьевых продуктов, которые страна способна эффективно производить. Глобальные сырьевые рынки составляют предельный деятельностный контекст ситуации территориального развития страны и его мощный экзогенный фактор. Ключевые звенья этих рынков часто расположены вдали от преобразуемой ими территории или вообще не имеют локализации в привычном смысле слова. Изменение деятельностного контекста, не говоря о его смене (например, при активном включении в новый глобальный рынок), меняет географическое разделение труда и функции территорий соответствующих масштабов.

Конкретный ход преобразования территориальной структуры страны под воздействием ее глобальной сырьевой специализации определится местом, которое ей удастся занять на соответствующих сырьевых рынках. Оно задаст набор видов деятельности и соответствующих объектов, размещаемых на ее территории, а этот набор зависит от «длины цепочки создания стоимости», локализованной в стране. Разные варианты набора порождают свои модификации территориального развития, выраженные в той или иной версии этатизации, регионализации и урбанизации территории страны.

Так, и мировой, и российский нефтяной рынки представляют собой сложно структурированные образования, состоящие из нескольких функционально относительно обособленных, но неразрывно взаимосвязанных рынков. В самом общем виде нефтяной рынок – как мировой, так и российский - подразделяется минимум на шесть сравнительно обособленных, но функционально взаимосвязанных рынков, шесть основных функциональных блоков, только два первых из которых относятся к основной деятельности нефтяного комплекса, а остальные четыре – к ее обеспечению:

- рынок запасов и добычи нефти;
- рынок продуктов различной глубины переработки и различного уровня доведения до конечного потребителя;
- рынок транспортных услуг по доведению продукта до потребителя;

- рынок технологий разведки, добычи, переработки, транспорта и потребления, овеществленных в оборудовании и материалах;

- рынок профессиональных услуг по реализации перечисленных видов технологий и их компонентов;

- рынок капиталов и финансовых услуг, прежде всего – по организации финансирования работы всех названных выше рынков.

Каждый из перечисленных рынков, в свою очередь, также является сложно структурированным образованием. Кроме того, в нефтегазовом комплексе существуют и другие рынки, имеющие вспомогательное значение по сравнению с перечисленными, например, рынок труда или рынок образовательных услуг.

Важно отметить, что каждый из этих рынков и их взаимодействие необходимы для полноценного функционирования и развития нефтяного комплекса, все они, так или иначе, взаимосвязаны. Многообразие этих взаимосвязей выражено, в частности, в современном афоризме о том, что «нефть следует искать не на Аляске, а на Уолл-Стрит». Каждый из перечисленных рынков существует достаточно обособленно по своим сложившимся специфическим «законам» - они различаются по структуре, по закономерностям движения конъюнктуры, по степени устойчивости, инерции и консервативности, по «цене вхождения», по уровню монополизации, по степени политизированности, по степени приближения к инфраструктурной фазе существования и, как следствие, по локализационным требованиям и формам и глубине воздействия на территориальную структуру страны. При этом, перечисленные характеристики у международных рынков, с которыми взаимодействуют российские контрагенты, иные, чем у соответствующих внутренних рынков. Существует взаимосвязь способов включения территории страны в мировой нефтяной рынок и форм территориальной организации нефтяного комплекса внутри страны. При этом, однако, способы включения территорий в мировой нефтяной рынок не обязательно должны прямо совпадать с формами территориальной организации внутреннего нефтяного рынка.

Анализ долговременного воздействия участия в глобальных сырьевых рынках на развитие России заставляет включать глобализацию, один из частных процессов территориального развития, в контекст ситуации внутреннего территориального развития, как движущую силу других частных процессов – институционализации (этатизации), регионализации и урбанизации. Участие в международном разделении труда глобального масштаба способно радикально менять межрайонное разделение труда и территориальную структуру хозяйства страны

Глобальные рынки – это механизмы не просто международного, но *межконтинентального* товарообмена, связывающие на основе всемирного разделения труда самых удаленных производителей и потребителей путем реализации совокупности общественных отношений и действием институтов, закрепляющих их в коммерческой и смежных сферах. Глобальные рынки выступают общественными формами организации «торговли на дальние расстояния» (Бродель, 1992, с. 593-599, 2007, с. 409-414), межконтинентальной торговой деятельности.

Развитие глобальных рынков, в том числе и сырьевых, отражает международный оборот золота, который, в свою очередь, является индикатором состояния, механизмов функционирования, трендов и уровня развития мировой денежной системы. Характер функционирования и развития мировой денежной системы с необходимостью отражает состояние и тренды изменений глобализации мировой экономики, так как мировая денежная система делает возможным и опосредует товарооборот глобальных рынков и обеспечивает возможности и стимулы их существования и экспансии. Накопление золота в мировой экономике – накопление, сопровождавшееся его перераспределением между странами и секторами мировой экономики, а также сменой лидеров добычи и изменением его экономических функций является кумулятивным процессом, сыгравшим важнейшую роль, как в процессе, так и в механизме развития глобальных рынков. Дело в том, что почти все золото, добытое человечеством за всю его историю аккумулировано, оно продолжает

существовать в современном мире и экономически активно в трех основных формах: в виде централизованных запасов государств; в качестве частных тезаврационных накоплений физических и юридических лиц; в форме материала в ряде отраслей промышленности и в быту. В среднем необратимые потери принято считать на уровне 10% всего добытого золота (Современный рынок золота, 2004, стр. 55).

Международный оборот золота может выступать надежным индикатором долговременной динамики глобализации мировой экономики по целому ряду конкретных причин. Во-первых, золото – это деньги в чистом, конечном виде, а капитализм, осуществивший глобализацию мировой экономики, - это не просто развитая товарно-денежная экономика, а «денежная цивилизация», когда движение денег, финансовый капитал стремится подчинить и подчиняет себе все другие виды хозяйственной деятельности. Во-вторых, в силу своих экономических функций (прежде всего – мировых денег) и природных особенностей (большая ценность в очень небольшом объеме и весе, неограниченная сохраняемость и пр.), оборот золота всегда имел не просто международный, но также и трансконтинентальный характер. В-третьих, процессы международного оборота золота организуются и осуществляются экономическими лидерами соответствующих эпох и регионов. В-четвертых, процессы производства, обращения и накопления золота оказываются неразрывно включенными в такие определяющие хозяйственную жизнь процессы как контроль территории; поиск и добыча полезных ископаемых; перевозки; производство и использование конечных продуктов; реализация последствий такого использования, как для текущих экономических процессов (например, для ценообразования), так и для институциональной структуры экономики регионов, государств, всего мирового сообщества.

Перечень открыт, но и приведенных причин достаточно для обоснования надежности и информативности международного оборота золота как индикатора глобализации, развития глобальных рынков, в том числе, сырьевых. Когда обстоятельства оборота золота в мировой экономике и на мировых рынках

рассматриваются в параметрическом аспекте (динамика запасов, добычи, сделок, и т.п.), то рассматривается включенность международного оборота золота в процессы глобализации мировой экономики, а международный оборот золота выступает индикатором хода названных процессов. Когда же эти обстоятельства рассматриваются в структурно-функциональном аспекте (механизм влияния динамики объемов и форм операций оборота золота на уровень цен, становление и использование форм международного оборота золота как экономических регуляторов и т.п.), то рассматривается принадлежность этого оборота к механизмам глобализации. Подчеркнем, что речь идет о различных аспектах, «ракурсах рассмотрения» одних и тех же явлений реальности, - явлений сложных, многоплановых, но целостных.

Таблица 2.2.1. Долговременная динамика мировой добычи золота*

	по XVI в	XVII- XVIII вв.	XIX в.	1901- 1917 гг.	1918- 1990 гг.	1991- 2000 гг.
Тыс. т	13,6	2,8	11,5	10,3	77,5	23,8
%	9,7	2,0	8,2	7,4	55,8	16,9

* Источник: Современный рынок золота, 2004, стр. 35.

Таблица 2.2.2. Золотые запасы стран в 2000 году**

Страна	Тонн	%*	Страна	Тонн	%*
1) США	8139	57,1	10) Испания	523	12,9
2) Германия	3469	35,5	11) Тайвань	422	4,9
3) Франция	3025	39,1	12) Австрия	407	20,5
4) Швейцария	2535	43,7	13) Китай	395	2,2
5) Италия	2452	48,2	14) Россия	383	18,1
6) Нидерланды	912	48,2	15) Индия	358	8,4
7) Япония	754	2,0	16) Венесуэла	320	20,4
8) Португалия	607	39,2	17) Ливан	287	27,4
9) Англия	564	14,7	18) Бельгия	258	20,7

%* - процент золота от суммы валютных резервов

**Источник: Современный рынок золота, 2004, стр.40.

Начнем с базовых фактов параметрического ряда – с исторической динамики добычи золота, показанной на Таблице 2.2.1., понимая, что достоверные данные

здесь начинаются с последней трети XIX века, по более ранним периодам имеются лишь более или менее достоверные оценки.

Фактами параметрического ряда, характеризующими одну из экономически активных форм движения золота выступают данные о государственных золотых запасах, приведенные в Таблице 2.2.2. Фактами параметрического ряда, характеризующими другую из экономически активных форм движения золота, выступают данные об использовании золота как материала в электронной промышленности, приведенные в Таблице 2.2.3. По мере расширения промышленного применения золота, динамика его использования в отраслях высоких технологий становится информативным индикатором состояния этой отрасли в различных странах.

Таблица 2.2.3. Использование золота в электронике (тонн)*

Страна	1990 год	1995 год	2000 год
Япония	66	76	106
США	66	76	106
СССР, СНГ	64	18	13
Южная Корея	4	11	64
Тайвань, Сингапур, Гонконг	4	10	14
Всего в мире	216	209	283

*Источник: Современный рынок золота, 2004, стр.51.

Наибольшее количество золотых элементов используется в электронных устройствах авиационной и космической техники, поэтому показатель «использование золота в электронике» отражает сравнительный уровень развития не только собственно электронной, но также и аэрокосмической промышленности (или вовлеченности в кооперацию с этой отраслью). Данные табл. 2.2.3., в частности, показывают, что падение производства в электронике России опережало средний уровень падения производства в промышленности – на фоне резкого роста производства лидеров рынка и выхода на лидирующие позиции нового игрока. Представляется, что данные табл. 2.2.3. дают основание для

формулирования одного из стратегических ориентиров экономического развития России, необходимого для сохранения ее в ранге мировой державы – в терминах таблицы это – возможно быстрое возвращение на уровень использования золота в национальной электронной промышленности хотя бы 1990 года.

Фактами структурно-функционального ряда выступают данные об организации и составе участников рынка золота: как рынка реального золота, так и рынка золотых контрактов (фьючерсов и опционов) – маркет-мейкерами в обоих случаях выступают гранды финансового мира. Преобладающая часть совокупного оборота всех международных рынков золота приходится на Лондон и Цюрих. В число маркет-мейкеров Лондонской ассоциации рынка золота входят «N.M.Rothschild and Sons», «Standard Chartered Bank», «Samuel Montague», «Deutsche Sharps Picksley». В Цюрихе, который приобрел значение не менее важного международного центра торговли золотом, чем Лондон, маркет-мейкерами выступает «большая тройка» в составе «UBS», «SBS» и «Credit Swiss». Более 90% фьючерсных контрактов на поставку золота на американском рынке заключается на трех основных биржах – Нью-Йоркской товарной бирже «COMEX», Международном валютном рынке «IMM» и Чикагской товарной бирже «CME». Современный глобальный рынок золота представляет собой систему взаимосвязанных рынков, функционирующих более чем в 50 крупных городах разных стран. Функционирование золотых рынков не прекращается в течение суток. Свою работу в календарных сутках рынки начинают в Новой Зеландии (Веллингтон), проходя последовательно более поздние часовые пояса – Сидней, Токио, Гонконг, Сингапур, Москву, Франкфурт, Цюрих, Лондон, Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес (Современный рынок золота, 2004, стр.154-172).

Важнейшими фактами структурно-функционального ряда выступают данные о долговременных, исторических периодах реализации золотом функции мировых денег. Эти исторические периоды можно назвать, соответственно, биметаллическим, монометаллическим и параметаллическим. Они значительно различаются по характеристикам структуры мирового рынка, в том числе по уровню развития глобальных рынков, а также по преобладающим стратегиям

глобального рыночного поведения его участников и регуляторов. Как у большинства исторических явлений, временные границы периодов являются отчетливыми, но не резкими. Четко различаются ядерные фазы каждого периода, между которыми выделяются достаточно протяженные «переходные зоны», обусловленные неравномерностью развития и неоднородностью распространения важнейших элементов соответствующих периодов.

Биметаллический период, означающий параллельное использование серебра и золота как основных денежных металлов, охватывает нижнюю границу нашего исследования – эпоху Великих географических открытий XV-XVII веков, заложивших основы формирования мирового рынка, – и продолжается вплоть до двадцатых годов XIX века. Монометаллический период – время признания золота единственными мировыми деньгами. Его границы размыты. Четко выделяется ядро периода – с 1867 (юридическое оформление Международным соглашением на Парижской конференции, когда страны Европы и Америки признали золото единственной формой мировых денег) по 1913 год – время существования развитой международной системы золотомонетного стандарта как первой мировой денежной системы, выполнявшей функции регулятора мировой экономики. Нижняя периферийная граница этого периода – 1819 год – законодательное закрепление золотомонетного стандарта как национальной денежной системы принятием британским парламентом так называемого закона о возобновлении, – верхняя периферийная граница – Первая мировая война 1914-1918 годов, когда воюющие страны отменили (приостановили) систему золотого стандарта. Параметаллический период – время постепенной утраты золотом функций мировых денег, в течение которого «привязка» мировой валютной системы к золоту неуклонно ослабевала. Этот период имеет ядро, 1933–1971 годы – время между установлением американским правительством двух запретов на обмен долларов на золото – сначала для физических и юридических лиц (1933г.), а затем и в межгосударственных расчетах (1971г.). Нижняя периферийная граница этого периода – 1922 год – юридическое оформление на Генуэзской международной экономической конференции в конференции золотодевизного

стандарта наряду с золотослитковым. За «начало отсчета» верхней периферийной границы периода можно принять 1976 год, заключение ямайских соглашений о внесении изменений в устав МВФ, позволивших юридически оформить демонетизацию золота, придать золоту статус товара, лишив его статуса мировых денег. Вместе с тем, золото как особый резервный актив продолжает играть существенную роль в мировой экономике и до конца XX века (см. в частности, Кругман, Обстфельд, 2004, с. 580-752; Современный рынок золота, 2004, с. 69-134).

С учетом сделанных замечаний можно преобразовать Таблицу 2.2.1. в Таблицу 2.2.4. Отметим в полтора раза больший цепной темп роста добычи золота на биметаллическом периоде глобализации по сравнению с последующим, параметаллическим – рост добычи золота просто не успевает за ростом мирового производства и ВВП и тем более – за значительно опережающим их ростом мировой торговли, что делает проблематичным сохранение золота и далее как основы мировой валютной системы.

Таблица 2.2.4. Добыча золота по периодам глобализации мировой экономики

	Биметаллический период XVI-XVIII вв.	Монометаллический период 1819-1918гг.	Параметаллический период 1919-2000гг.
тыс. т	3,8	21,8	101,3
темп роста		574%	356%

Кратко охарактеризуем выделенные периоды долговременной динамики глобализации мировой экономики с позиций особенностей международного оборота золота и состава глобальных рынков, а также преобладающих стратегий глобального рыночного поведения его участников и регуляторов.

Биметаллический период. Сформировалась мировая торговля серебром, «колониальными» и «корабельными» товарами. Эпоха, скорее, серебра, чем золота. Сложился рынок серебра – первый по-настоящему глобальный рынок – цепочки его устойчивых обменов опоясывали с двух сторон земной шар – они

начинались в Южной Америке (в Перу, Боливии и Мексике) и заканчивались в Китае, приходя туда и с запада и с востока. При этом серебро много раз переходило и рук в руки при западном (для Китая) маршруте и поступало туда напрямую от испанцев по восточному, тихоокеанскому маршруту. К глобальным рынкам, сложившимся на этом этапе, следует также отнести рынки пряностей и натуральных красителей, чая и кофе, мехов и натуральных волокон (в том числе, хлопковых тканей и хлопка), корабельных и скобяных товаров, сахара и табака, шелка и фарфора, а также, увы, - рабов. Инструментами реализации этапа выступали крупные «заморские» торговые компании и океанский парусный флот (см. в частности, Всемирная история, 1958; Бродель, 1992; Рис. 2.2.1.).

Серебряная монета, точнее, способность оплачивать товары наличной серебряной монетой, а то и кредитовать ею торговые операции «на местах» - в бассейне Индийского океана, в Китае и России – выступили главным средством «взламывания» этих рынков и закрепления на них европейских торговцев и товаров. При этом серебро это было «испанским», а торговали на Востоке – Среднем и Дальнем – голландцы, англичане, французы. Португальцы делали это не на базе испанского серебра, хотя в недолгий период включения Португалии в состав Испанской короны они сумели сложить свой собственный путь контрабандного вывоза значительных объемов серебра из Перу и Боливии по Ла-Плате. Примечательно, что изначально при европейских дворах существовало принципиально различное отношение к обороту серебра и золота – на отток первого для обеспечения внешней торговли смотрели с пониманием, второе старались всячески задерживать и накапливать внутри своих границ как стратегический резерв и мерило богатства (Бродель, 1992, стр. 136-152, 175-265, 498-552), (Бродель, 2007, стр. 182-191).

Рисунок 2.2.1. Глобальные торговые пути и территориальное развитие России как ведущего экспортера рынков мехов и корабельных товаров к 1775 году.*

*Источник: Бродель, 1992, с. 21; с. 17).

Уже этот, первый период глобализации вызвал целый ряд глобальных и региональных трансформационных процессов (возвышение одних регионов и стагнацию других), породил дотоле невиданные масштабные процессы в экономике (в том числе «революцию цен», вызванную фактическим обесценением драгоценных металлов в Европе в связи с его масштабным притоком из Нового Света), сформировал устойчивые глобальные потоки

ценностей (когда, например, серебро из испанских колоний в Америке стабильно поступало в Индию, Китай или Россию через цепочки международных торговых обменов).

Монометаллический период. Эпоха золотомонетного стандарта, «золотой век глобализации». Первая мировая валютная система, обеспечившая «автоматическое» регулирование экономики и создавшая возможности свободного перемещения капитала в глобальном масштабе. Благодаря системе золотомонетного стандарта, позволившей аккумулировать и инвестировать частный капитал в акционерной или облигационной форме на международном, глобальном уровне, были созданы такие знаковые объекты транспортной инфраструктуры глобализации как трансокеанские каналы – Суэцкий и Панамский – и трансконтинентальные железные дороги – Трансамериканская и Транссибирская. Сформировались не только глобальные рынки ряда видов сельскохозяйственных продуктов или ископаемого сырья (например, зерна, замороженных мясных и молочных продуктов или угля, руд, селитры, нефти), готовой продукции (например, судов, кокса и керосина, соды и химических красителей), услуг (например, морского фрахта или телеграфной связи), но самое главное – глобальным стал рынок капиталов. Увы, глобальными стали также рынки оружия и наркотиков. Инструментами реализации периода стали крупные промышленные компании и широкое использование паровой энергии в производстве и на транспорте, а электричества – в осуществлении связи (см. в частности, Всемирная история: Национально-освободительные войны XIX века, 2002; Всемирная история: Канун Первой мировой войны, 2002; Лоран, 2010, с. 29-35; Линдси, 2006; Синцеров, 2010; Сокольский, 2010; Экономидес, Олини, 2004, с. 62-78, 87-92).

Данный период связан с вовлечением в мировую экономику обширных внутренних территорий континентов, их геологическим изучением и горнопромышленным освоением. Особую роль здесь сыграло открытие невиданных до тех пор месторождений золота в Сибири, Северной Америке, Австралии и Африке, сопровождавшееся скачкообразным ростом его добычи, что

и создало физическую возможность перехода на золотомонетный стандарт (Современный рынок золота, 2004, с. 197-205, 274-299). Продолжалось построение колониальных империй целым рядом европейских государств в XIX веке, сложилась организация мирового разделения труда по принципу «производство промышленных товаров в метрополии и их сбыт в колониях, откуда поступает сырье». И этот период глобализации сопровождался масштабными трансформационными процессами - «переделом сфер влияния».

Первой страной, законодательно закрепившей золотомонетный стандарт как национальную денежную систему стала в 1819 г. Англия, хотя реально система золотого монометаллизма была там установлена еще в конце XVIII века. В США золотомонетный стандарт был установлен в 1873 г., как и в Германии, во Франции – в 1878, в России – в 1895-1897 гг., как и в Японии. Золотомонетный стандарт как основная форма организации денежной системы был юридически оформлен Международным соглашением на Парижской конференции 1867 г., когда золото было признано единственной формой мировых денег. Золотомонетный стандарт это международная валютная система, в которой золото образует основу внутреннего предложения денег стран и используется для финансирования международной торговли и дефицитов платежных балансов. При золотомонетном стандарте валютные курсы жестко зафиксированы в золоте и валюты внутри страны без ограничений обмениваются на золото. Эта система обеспечивала автоматический механизм приспособления, средство корректировки платежного баланса для ликвидации платежных дисбалансов между странами. Дефициты финансировались за счет оттока золота из страны, приводящего к сокращению ее денежной массы. Это, в свою очередь, снижало внутренний уровень цен, делая импорт относительно дороже, а экспорт относительно дешевле, сокращая тем самым объем импорта и увеличивая объем экспорта. Излишки финансировались за счет притока золота в страну, приводящего к росту ее денежной массы. Это, в свою очередь, повышало уровень цен, делая импорт относительно дешевле, а экспорт относительно дороже, приводя к падению объема экспорта и увеличивая объем импорта. Таким образом, как дефициты, так

и излишки устранялись, и восстанавливалось равновесие платежного баланса (см. в частности, Кругман, Обстфельд, 2004, с. 580-592; Политическая экономия, 1972, с. 527).

На практике комбинация жестко зафиксированных валютных курсов и полного подчинения внутренней экономической политики внешней ситуации была не очень эффективной в макроэкономическом плане и слишком обременительной в социальном плане, особенно в условиях спадов конъюнктуры и кризисов. Это обстоятельство и привело в последующем к замене этой первой международной валютной системы более гибкими механизмами – сразу после Первой мировой войны.

Параметаллический период. Период последовательно сменявших друг друга золотодевизного, золотодолларового и бумажноденежного стандартов. Резкое возрастание роли государства, а параллельно и межгосударственных институтов как необходимых регуляторов экономики, и развитие инфраструктур свободного перемещения капитала в глобальном масштабе. Благодаря развитию системы институционального регулирования мировой денежной системы при общей тенденции постепенного сужения денежных функций и, наконец, демонетизации золота де юре, удалось построить финансовый механизм, сглаживающий особо резкие конъюнктурные, циклические колебания мировой экономики и позволяющий осуществлять масштабную мобилизацию ресурсов на реализацию глобальных проектов и программ (Кругман, Обстфельд, 2004, с. 593-708).

На Генуэзской международной экономической конференции в 1922 г. золотослитковый и золотодевизный стандарты были юридически оформлены (при золотодевизном стандарте золото не использовалось не только во внутригосударственном денежном обращении, но выводилось из межгосударственного денежного оборота). Однако статус резервной валюты официально не был закреплен. На эту роль претендовали английский фунт и американский доллар – США были единственной страной, где длительное время сохранялся золотомонетный стандарт (до 1933 г.), а в Англии функционировал золотослитковый стандарт. Обе валюты базировались на экономическом

потенциале, развитой финансовой системе и политическом влиянии этих стран в мире.

Во время Второй мировой войны произошло становление доллара как мировой резервной валюты. В 1944 г. на Международной Бреттонвудской валютной конференции была заложена мировая валютная система на основе золотодолларового стандарта, когда доллар был по существу приравнен к золоту. Утвержденный устав МВФ усилил связь доллара с золотом: согласно этому уставу все другие страны получили возможность неограниченной покупки слитков золота по фиксированной цене – правом покупки по этой цене частные лица не обладали, доллары обменивались на золото только банкам и официальным дилерам. Пока США имели возможность свободной продажи золота на этих условиях, действовал своего рода золотодолларовый стандарт. С середины 1970-х гг., когда фактически был начат процесс демонетизации золота и США прекратили операции по обмену долларов на золото, золотые стандарты заменил бумажноденежный стандарт (Современный рынок золота, 2004, с. 74-77).

Ямайская мировая валютная система юридически зафиксировала завершение демонетизации золота в 1976 году. Согласно внесенным изменениям в устав МВФ золото исключалось из операций МВФ и устранялось из определения паритета валют; вводилась новая международная валюта – специальные права заимствования (СДР), - которая должна стать основой для международных расчетов и заменить золото; МВФ должен был продать запасы золота, ранее созданные за счет взносов стран в его уставной фонд; подтверждалась отмена официальной цены золота и государствам разрешалось осуществлять его куплю-продажу по аналогии с другими товарами, а МВФ должен был способствовать свободной продаже золота по рыночным ценам. Эти решения должны были лишить золото функции денег и придать ему статус товара (Современный рынок золота, 2004, с. 114-125).

Помимо субъективного стремления США вытеснить золото из каналов международного обращения как конкурента доллара в качестве мировых денег,

демонетизация золота имела и ряд объективных причин, обусловленных характером глобализации мировой экономики во второй половине XX века.

Эти причины связаны, с одной стороны, с резким ростом производства и еще более мощным (кратным по отношению к росту производства) ростом международного товарооборота, за которыми далеко не успевал рост добычи золота, а, с другой стороны, с неизмеримо возросшей ролью государств и межгосударственных институтов в регулировании денежной сферы, опирающейся на использование активной политики денежных властей и широкое применение разнообразных финансовых инструментов, для реализации которых использование денег, основанных на золоте, создавало чрезмерно жесткие рамки. В результате золото и во внутреннем, и в мировом аспектах уже не выполняло функции меры стоимости и средства платежа. Мировые цены на товары (в условиях как фиксированной, так и рыночной цены на золото) фактически уже не реагировали на изменение цен на золото: цены на товары и цены на золото изменялись независимо друг от друга. Так, с 1965 по 1994 годы цены на золото увеличились в 11 раз, а цены на продовольствие – в 2,4 раза, на сельскохозяйственное сырье – в 5,3 раза, на напитки (чай, кофе, какао) – в 3 раза, на цветные металлы (никель, медь, алюминий) – в 2,9 раза (Современный рынок золота, 2004, с. 116-117). С другой стороны, государства и межгосударственные институты (как МВФ или Европейский валютный институт) оказались способны эмитировать деньги, которые собственной стоимости не имеют, но успешно служат для определения цены товаров, для выражения стоимости.

Вместе с тем, фактически демонетизация золота далеко не завершена. Даже в уставе МВФ нет прямого отрицания роли золота как международного резервного актива: золото государственных резервов превратилось в запасы высоколиквидного товара, который при необходимости может быть легко и быстро превращен в иностранную валюту, или в надежный залоговый актив для получения иностранных займов. Причем, эти резервы (при условии хранения в своей собственной юрисдикции) лучше защищены от политических рисков, чем валютные резервы. Несмотря на соглашение о демонетизации золота, государства

и межгосударственные организации сохранили крупные централизованные золотые запасы. Как свидетельствуют данные табл.4, государственные золотые запасы остаются еще очень значительными. Характерно, что инициатор демонетизации золота - США почти полностью сохранили свой золотой запас. Золото было активно использовано при эмиссии эю (евро) – единой европейской валюты, которая выпускалась и распределялась между участниками валютного союза под залог золота: она передавалась стране после того, как ее центральный банк депонировал в Европейском валютном институте (после 1998 г. преобразованного в Европейский Центробанк) одну пятую часть своих золотовалютных резервов. В порядке обеспечения эмиссии общей европейской валюты было депонировано почти 3000 т золота, что повысило его значение в государственных резервах и превратило его, хотя и частично, в эффективно работающий актив (Современный рынок золота, 2004, с. 133-134, 166).

В параметаллический период окончательно оформилась система глобальных финансовых рынков и система глобального нефтяного рынка, глобальные рынки постепенно пронизали все важнейшие сектора мировой экономики: сформировались глобальные рынки электронной промышленности, аэрокосмической и атомной промышленности, широкой гаммы продукции металлургии, химии и фармацевтики, широкой номенклатуры машиностроения, легкой и пищевой промышленности, проектирования и строительства, авиационных и контейнерных перевозок, услуг связи и массовых коммуникаций, и сформировался глобальный рынок золота-товара как рынок реального золота и как глобальная торговля золотыми фьючерсами и опционами и т.д. Инструментом реализации периода стали крупные транснациональные компании, а также финансовые группы, крупнейшие инвестиционные фонды и банки, технологии массового производства товаров и услуг, самое широкое использование нефти и электричества в производстве и на транспорте, развитие новых технологий и систем сообщений и коммуникаций, а с 1970-х годов – «новая информационная индустрия» – тесное сращивание в единый сектор хозяйства вычислительных средств, телекоммуникаций и контента, когда информационные технологии

распространились во все сферы экономики и общественной жизни и кардинально трансформировали их (см., например, Кругман, Обстфельд, 2004; Лоран, 2010; Линдси, 2006; Максаковский, 2010; Михайлов, 2000; Нагирная, 2013; Россия на мировых рынках..., 2009; Сокольский, 2010; Тапскотт, 1999; Титов, 2006; Экономидес, Олини, 2004).

Для периода характерны периодические масштабные – глобальные – политико-экономические трансформации, связанные с переделом мира, в том числе развалом четырех монархий, расширением колониальных империй Англии и Франции по итогам Первой мировой войны и их ликвидацией по итогам Второй мировой войны, разделением мира на два блока с параллельным развитием «движения неприсоединения» по схеме «Запад – Восток – Юг»; а по итогам «холодной войны» – захват мировой валютной системой, транснациональными корпорациями и интеграционными группировками пространства бывшего «восточного блока». Возобладала схема международного разделения труда по принципу «вынос производства все расширяющихся групп промышленных товаров в страны – бывшие колонии и их сбыт в бывших метрополиях». Далее эта схема трансформировалась в организацию международного разделения труда по принципу «вынос производства промышленных товаров в «новые индустриальные страны». Происходит деиндустриализация Запада, ослабление его роли глобального экономического и технологического лидера. Появились новые полюса экономического роста, прежде всего Китай и Индия, и на этой основе резко обостряется мировая природно-ресурсная ситуация.

К середине 1990-х годов мировая экономика во многом приобретает тот единый и многополярный характер, который она имела на пике монометаллического периода своего развития. Вместе с тем, по мере ослабления функций золота как мировых денег, последовательно усиливаются тенденции возрастания роли государства и, особенно, межгосударственных институтов как необходимых регуляторов денежного обращения и экономики в целом, на фоне развития инфраструктур свободного перемещения капитала в глобальном масштабе, когда наблюдается значительная либерализация денежного

регулирования с 1970-х годов при развитии региональных интеграционных группировок. Развиваются коммуникационно-технологические, институциональные и внешнеторговые предпосылки дальнейшей ослабления доллара, в том числе появляется евро как (первая) валюта-конкурент в качестве мировой резервной валюты.

Резюмируя, можно было бы назвать параметаллический период золотодолларовым в том смысле, что он характеризовался тремя тесно взаимосвязанными трендами: во-первых, становления доллара в конкурентной борьбе с фунтом стерлингов (или английскими попытками предложить в Бреттонвудсе новую международную валюту) в качестве мировых денег, эквивалентных золоту; во-вторых, последовательных попыток США по демонетизации золота как конкурента доллара в качестве мировых денег; в-третьих, последовательного усиления роли государственного и межгосударственного регулирования, соответствующих политических и монетарных властей как необходимого условия устойчивого функционирования мировой денежной системы. Заметим попутно, что последнее обстоятельство ставит под сомнение расхожий тезис об ослаблении функций государства в ходе глобализации.

Если теперь перейти к комплексному - параллельному и итеративному - применению параметрического и структурно-функционального подходов к анализу международного оборота золота, учесть пространственную динамику и вековую смену лидеров его добычи и организации обращения, а также связать эти факты с развитием глобальных рынков, то можно выделить пять основных этапов долговременной, исторической динамики глобализации мировой экономики.

Долговременная, вековая динамика мировой добычи золота в ее макрорегиональной привязке выглядит следующим образом (достоверные данные здесь начинаются с последней трети XIX века, по более ранним периодам имеются лишь более или менее достоверные оценки):*

- всего до открытия Америки в 1492 году в мире было добыто около 12,7 тыс. т золота, причем за предшествовавшее ему тысячелетие средневековья – только

2,5 тыс. т (главным образом в Средней Азии и в Индии, а в позднем средневековье главным источником добычи золота стала Тропическая Африка, куда в XV веке проникли португальцы, продвигаясь все далее на юг вдоль западного побережья Африки);

- в XVI веке мировая добыча составила менее 1 тыс. т, причем Южная Америка дала свыше трети мировой добычи;

- в XVII веке – 1,1 тыс. т, половина из которых поступила из Южной Америки (из Колумбии и Боливии как и в предыдущее столетие);

- в XVIII веке – 2,2 тыс. т, две трети которых было добыто в Южной Америке (теперь – в Бразилии);

- в XIX веке в мире было добыто 11,5 тыс. т золота – в 1831-1840 годах Россия дала более трети мировой добычи и сохраняла лидерство до конца 1840-х годов, хотя до середины XIX века главным золотодобывающим районом мира оставалась Южная Америка; с начала 1850-х годов рывок добычи произошел благодаря Калифорнии и Австралии, а ближе к концу века – Канаде и Аляске, т.е. Северной Америке;

- В XX веке бесспорным лидером добычи стала Южная Африка и произошел небывалый рост добычи – 1901-1917 год – 10,3 тыс. т, 1918-1990 год – 77,5 тыс. т, 1991-2000 год – 23,8 тыс. т.

* Рассчитано по: Современный рынок золота, 2004, стр. 35, 282; Аникин, 1988, 61, 64.

Если принять во внимание многообразие не только процессов добычи, но также обращения, перераспределения и присвоения золота в мире, изменения его экономических функций, контроля над этими процессами – прямого и опосредованного – то возникают объективные основания долговременной, вековой периодизации процесса глобализации и выделения государств-лидеров этого процесса для каждого его особого исторического этапа. Таких этапов глобализации можно выделить пять.

На начальном, стартовом этапе глобализации, приходящемся на XV век, глобальным лидером выступала Португалия, которая играла ведущую роль в обороте золота Тропической Африки, хотя по меркам последующих этапов этот оборот был незначительным.

На втором этапе глобализации, охватывающем XVI век, глобальным лидером выступала Испания, которая вывезла из своих американских колоний в период их покорения несколько десятков тонн золота и серебра, накопленных индейскими цивилизациями, а позже организовала там масштабную добычу не только серебра, но и золота, превратив Южную Америку на три столетия в их главный центр.

На третьем этапе глобализации, в XVII веке, глобальным лидером выступила Голландия, сконцентрировав важнейшую часть мирового оборота золота благодаря развитию глобальной торговой и финансовой инфраструктуры.

Четвертый этап глобализации возглавила Англия, которая в XVIII веке контролировала оборот золота португальских колоний, когда Бразилия добывала его больше всех в мире, а в XIX веке сконцентрировала также и основную часть мировой золотодобычи в своих доминионах Австралии, Канаде, Южной Африке.

Наконец, на текущем, пятом этапе, приходящемся на большую часть XX века и начало XXI века, лидером глобализации выступают США, располагающие самым большим золотым запасом в мире, осуществляющие хранение значительной части золота, принадлежащего другим государствам, обеспечивающие через свои биржи основную часть заключения фьючерсных контрактов на поставку золота в мире, а также самым активным образом влияющие на глобальную политику в отношении денежных функций золота.

Переход от этапа к этапу знаменовало кардинальное изменение геополитических условий – обычно в результате масштабных для своего времени многосторонних войн (или династических браков), – создававшее принципиально новую картину контроля территорий и материально-финансовых потоков, а также предпосылки очередного изменения институциональной структуры мировой экономики. Поэтому переходы от этапа к этапу не вполне совпадают с

календарными сменами столетий, но приходится на их первое двадцатилетие, когда обычно окончательно оформляются и юридически закрепляются геополитические итоги предыдущего столетия.

Мировой рынок, как предпосылка и поле развертывания глобализации мировой экономики, сложился в XVI веке, в результате Великих географических открытий середины XV – середины XVII веков. На первом, стартовом или подготовительном, этапе глобализации, который приходится на XV век, глобальные рынки еще не могли сложиться, формировались только их многообразные предпосылки, в том числе технические, организационные, инфраструктурные и финансовые. Португальцы постепенно осваивали западное побережье Тропической Африки, откуда в Европу поставлялись золото, слоновую кость, местный перец, а также, пока в ограниченных масштабах, – рабы.

На втором этапе глобализации, в XVI веке, сложилась мировая торговля серебром и «колониальными» товарами. Рынок серебра стал первым «до конца», «буквально» глобальным рынком – цепочки его устойчивых обменов опоясывали с двух сторон земной шар – они начинались в испанских колониях Южной Америки (в Перу, Боливии, Мексике) и заканчивались в Китае, приходя туда и с запада, и с востока. При этом серебро много раз переходило из рук в руки при западном (для Китая) маршруте, через Атлантику и Индийский океан, и поступало туда напрямую от испанцев по восточному, тихоокеанскому маршруту. К глобальным рынкам, сложившимся на этом этапе, следует также отнести рынки пряностей и натуральных красителей, шелка и фарфора, слоновой кости, а также, увы, - рабов, которых вывозили для использования на плантациях и рудниках осваиваемых колоний. В XVII веке, в дополнение к глобальным рынкам XVI столетия, сформировались глобальные рынки мехов, сахара, кофе, какао, чая, табака, широкой номенклатуры изделий из черных и цветных металлов бытового и производственного назначения – от железных гвоздей и рыболовных крючков до огромных медных чанов для вываривания сахарного тростника. В следующем, XVIII веке к ним добавились глобальные рынки хлопчатобумажных тканей,

хлопка-сырца, а также «корабельных товаров» - широкой номенклатуры материалов и изделий, необходимых для оснастки и эксплуатации парусных кораблей, начали складываться глобальные рынки фрахта, государственных займов, продовольствия (зерна) и, увы, – опиума. Иными словами, происходил значительный рост номенклатуры и объемов глобальных рынков.

В XIX столетии, в продолжение тенденций XVIII века, глобальными стали рынки продовольствия (не только зерновых), ряда важнейших видов ископаемого сырья, увы, наркотиков. Новыми для этого века стали глобальные рынки каменного угля и нефтепродуктов (прежде всего, керосина), проката (прежде всего – рельсов), продукции общего машиностроения (включая судостроение), оружия. Важной особенностью XIX века является формирование глобальных рынков услуг – фрахта, банковских и других финансовых услуг, услуг связи (телеграфной). На переломе XIX и XX веков важнейшим фактором развития международной торговли становится вывоз капитала – рынок капиталов стал глобальным, самое позднее, в последнюю четверть XIX века. Именно вывоз капитала позволил обеспечить реализацию во многих странах мира масштабных инфраструктурных проектов, знаковых объектов глобализации – Суэцкого и Панамского каналов, а также Трансамериканской и Транссибирской железных дорог.

В XX веке окончательно сформировались система глобальных финансовых рынков, а также рынков банковских и страховых услуг, система глобальных рынков биржевых товаров, в том числе нефти, сложились глобальные рынки широкой гаммы продукции машиностроения и электроники, химии и фармацевтики, легкой и пищевой промышленности, изысканий, геологоразведки и сервиса («сервисных услуг»); проектирования и строительства, туристических и медицинских услуг; авиационных и контейнерных перевозок, телекоммуникационных и информационных услуг; научно-исследовательских и образовательных услуг; консалтинга и инжиниринга; юридических и риэлтерских услуг и т.д.

Глобальные сырьевые рынки продолжают играть важнейшую роль в мировой экономике и на пороге XX-XXI веков (см. например, Брюне, Гишар, 2012). Производство сырьевых товаров и торговля ими по-прежнему выступают ключевым фактором экономической деятельности в качестве источника валютных и налоговых поступлений, роста доходов и расширения занятости для стран, в которых проживает большинство населения современного мира. Почти четверть мирового товарного экспорта в конце XX века приходилась на необработанные сырьевые товары, см. Таблицу 2.2.5.

Таблица 2.2.5. Доля необработанных сырьевых товаров в мировом товарном экспорте (%)*

Группа товаров	1995г.	2000г.
Топливо	7,4	10,5
Руды, металлы, драгоценные камни, монетарное и немонетарное золото	4,5	4,0
Все продовольственные товары	8,9	6,7
Сельскохозяйственное сырье	2,7	1,9
Всего	23,5	23,1

*Составлено по: Можаров, 2010, стр.21.

Исторически сырьевые товары выполняли важнейшую функцию по стимулированию экономического роста. Однако, в позднеиндустриальную и постиндустриальную эпоху они (за рядом исключений) не выступают более эффективным двигателем экономического роста – конъюнктура большинства сырьевых товаров (кроме, прежде всего, нефти и газа) десятилетиями характеризуется медленным ростом спроса и снижением реальных цен (Можаров, 2010, с. 16). Одна из причина здесь кроется в снижении удельного спроса, в том, что в типовой структуре затрат западной производственной компании с 1950 года по 1990 год удельные расходы на сырье значительно снизились (как и расходы на оплату труда основных работников), зато пропорционально возросла доля

накладных расходов (на организацию сбыта, общехозяйственных и административных), а также доля покупных компонентов (Кох, 2003, с. 293-295).

Более того, несбалансированное стремление к использованию благоприятной среднесрочной конъюнктуры даже нефтегазовых рынков и даже развитыми странами приводит, в конечном счете, к ослаблению внешнеторгового потенциала и экономическому застою. Это явление получило название «голландской болезни» как фиксация негативного опыта Нидерландов по использованию благоприятной для них конъюнктуры энергетического кризиса середины 1970-х годов путем добычи и экспорта значительных объемов природного газа, что привело к утрате ими позиций в производстве и торговле многих видов наукоемкой продукции. Эта «болезнь» затронула тогда же Норвегию и Великобританию. В 1985 году в экспорте Нидерландов на машины и оборудование приходилось лишь 16,3%, а, например, Швеции – 42% ((Иголкин, Мотылев, 1988, с. 102-103).

Понадобились срочные государственные компенсационные меры для динамичного изменения сложившегося положения, которые последовали в виде реформ 1982 года (в Великобритании глубокие реформы были проведены на три года раньше). Правильно и своевременно проведенные реформы дали позитивные результаты. Так, в начале 2000-х годов в рейтинге «сетевой готовности», оценивающем потенциал готовности экономики и общества стран мира в области информационных технологий и телекоммуникаций, и составляемом Всемирным экономическим форумом, Голландия вошла в первую десятку, с одинаковым показателем со США, пропустив вперед Швецию и Финляндию, но обогнав Норвегию и Великобританию (Колодко, 2009, с. 205, 393). Пример названных североевропейских стран показывает, что активная государственная политики в отношении основных сфер, от которых зависит устойчивое национальное развитие, обеспечивающая реинвестирование (временных) сверхдоходов от сырьевого экспорта в целях диверсификации экономики, является эффективным инструментом устойчивого развития, в том числе и самого сырьевого сектора.

Вариацией «голландской болезни», но для богатых минеральными ресурсами развивающихся стран, является гипотеза «ресурсного проклятия». По результатам анализа динамики ВВП в 1970-х – 1980-х годах почти 100 развивающихся стран, эксперты Всемирного банка отметили, что страны с высоким показателем отношения экспорта природных (минерально-сырьевых) ресурсов к ВВП имели за расчетный период значительно меньшие показатели экономического роста, чем страны с низким значением этого показателя. В исследованиях начала 2000-х годов эксперты Всемирного банка и ЮНКТАД связывали это явление не только с собственно «голландской болезнью», но также и с неустойчивой конъюнктурой сырьевых рынков (особенно для моноспециализированных стран), необоснованной амбициозной промышленной политикой в неконкурентоспособных секторах и проектах, с популистски или иначе политически обусловленным сверхпотреблением, наконец, с неэффективным государственным управлением в силу коррупции и несовершенства государственных институтов (Можаров, 2010, с. 21-24).

Оценка влияния сырьевой специализации на развитие страны должна носить конкретный характер – конкретно-исторический, конкретно-политический, конкретно-экономический, конкретно-географический. Она бывает позитивной при развитой диверсифицированной структуре хозяйства, суверенитете над сырьевыми ресурсами и отраслями, использовании доходов от сырьевого экспорта в интересах национального развития, в том числе их перераспределения в пользу конкурентоспособных прогрессивных техно- и наукоемких отраслей и воспроизводства самого сырьевого сектора. Например, в 1985 году пять основных статей экспорта США в Японию составляли кукуруза, соевые бобы, пшеница, хлопок и уголь; однако, это не мешало США иметь в том же году самую высокую долю наукоемкой продукции в промышленном экспорте в мире – около 50%, превосходя по этому показателю ту же Японию (42%) или ФРГ (38%) (Иголкин, Мотылев, 1988, с. 101, 117-118).

Страны «золотого миллиарда» являются, зачастую при прямой поддержке своих правительств и межгосударственных структур, важнейшими

производителями широкой номенклатуры сырьевых товаров – хлопка, сахара, зерна, древесины, железной руды и т.д. (Можаров, 2010, с. 17). Поэтому максимизация выгод от глобальной сырьевой специализации требует активной государственной политики в отношении всех основных сфер, от которых зависит устойчивое национальное развитие. Политика территориального развития в данном случае самая важная и интегрирующая, так как глобальная сырьевая специализация основана на производительном использовании природных и материальных ресурсов и условий территории страны. Важнейшим инструментом политики территориального развития служат организационно-территориальная структура и уровень институционализации, отвечающие задачам национального развития.

2.3. Идеальная составляющая территориального развития

Не следует смешивать идеальную составляющую территориального развития с ментальными картами, изображающими «поверхности предпочтений» пространственной организации (городской) среды тех или иных социальных групп или индивидов, когда подобный анализ «образов мест» воспринимается в географии, скорее, как задача социологов, архитекторов и планировщиков (см. например, Десбаратс, 1979). В то же время следует констатировать рост внимания географов к тематике идеального, в том числе как «киберпространства», «второй реальности» или «виртуального» (Batty, 1997; Dodge, Kitchen, 2001; Смирнягин, 2012; Kinsley, 2014).

Ситуации территориального развития имеют выраженную «субъект-объектную» специфику. Субъектная или идеальная сторона ситуации территориального развития – воля, интересы, мотивы, представления, знания, оценки и цели ее участников, служащие основанием постановки и принятия решений, – являются частью ситуации и влияют на ее ход. Наличие этой идеальной составляющей, в том числе телеологических связей между событиями, размывает пространственно-временные границы ситуации. Их нельзя увидеть на

фотоснимке и трудно положить на карту. Нельзя категорично сказать, что они существуют именно «в данном месте в данное время».

Так, ситуация территориального развития России под воздействием ее участия в глобальных сырьевых рынках парадоксальным образом начала складываться в XVI в. еще до прямого выхода нашей страны на эти рынки. В 1525 г. посол Василия III Дмитрий Герасимов сообщил в Риме писателю и ученому Павлу Иовию о том, что из Европы в Китай можно пройти водным путем через Северные моря. Благодаря книге Иовия о посольстве Герасимова и о России идея Северо-Восточного прохода на Дальний Восток стала широко известной и популярной в Западной Европе. Особенно в Англии и Голландии, так как южный путь в Индию и Китай был монополизирован Португалией, западный (как тогда еще считалось) – Испанией, а Франция искала Северо-Западный проход в Канадской Арктике. Для англичан и голландцев путь на северо-восток выглядел как шанс открыть свое направление торговли с Китаем. На деле поиски ими этого пути привели в последней трети XVI в. к установлению непосредственных морских торговых связей Западной Европы с Россией, в которых Россия выступала пассивной, принимающей стороной (Всемирная история, 1958, с.98-99). Но для обслуживания этой торговли в дельте Северной Двины на месте Михайло-Архангельского монастыря в 1584 г. был заложен Архангельск, ставший на 120 лет главным морским портом Русского государства, базой дальнейших шагов территориального развития, в том числе освоения Сибири с моря.

Как показывает пример, движущие силы (основные факторы) динамики ситуации территориального развития можно разделить на операционные, или реальные: исторический фон, деятельностный контекст, структура, и ориентационные, или идеальные: содержание, смысл и значение. Совмещенный анализ пар факторов динамики ситуации, взятых из ориентационного и операционного блоков, позволяет ответить на базовые, «квинтилиановские» (по имени сформулировавшего их в I в. н. э. римского ратора) вопросы анализа ситуации территориального развития. Такой совместный анализ контекста и исторического фона, с одной стороны, а также смысла и значения, с другой,

позволяет ответить на вопросы «кто» и «зачем» сложил и двигает ситуацию, а совместный анализ содержания и структуры – на вопросы «как» и «чем» действуют и взаимодействуют участники ситуации. Тогда значительно облегчается поиск ответов на вопросы «что», «где» и «когда» в ситуации территориального развития происходит в ходе развертывания цепочки событий ее жизненного цикла.

Смысл ситуации – это характер и способ ее осознания участниками. Задачи анализа смысла ситуации сводятся к выявлению влияния многообразного «человеческого фактора» – т.е. интеллектуальных, волевых, ментальных, психологических, социально-психологических, морально-этических, эстетических, духовных и прочих подобных «идеальных» факторов, – на формирование цепи взаимосвязанных событий, составляющих ситуацию, на характер и динамику ее жизненного цикла. И обратно – к выявлению влияния развертывания жизненного цикла ситуации на трансформацию вовлеченного (прямо или косвенно) в нее «человеческого фактора». Смысл ситуации определяет представления о ее содержании (основных противоречиях) и значении (последствиях): сложно отвечать на вопросы о противоречиях и последствиях, не разобравшись сначала с тем, что происходит и что делать. При этом вся эта триада должна анализироваться в едином понятийном поле – в связанной совокупности понятий, представлений и мировоззренческих установок.

Характер и способ осознания ситуации ее участниками, используемые ими понятия, представления и мировоззренческие установки – это то «окно», «фильтр» или «призма», через которое они «усматривают», понимают смысл ситуации, т.е. осознают ее суть, выявляют важнейшие для организации своего действия характеристики ситуации. Это, в конечном счете, те способы, которыми они ставят для себя вопросы «что происходит» и «что делать» и способы, с помощью которых они на эти вопросы отвечают. Рамки представлений участников о конкретной ситуации территориального развития – это часть их «картины мира», т.е. общего мировоззрения. Оно является производной культуры, приобретаемой через образование, род занятий, жизненные интересы, жизненный

опыт, круг общения. Именно мировоззрением определяется подход к анализу ситуации, установки на поиск того, «что происходит» и «что делать» – основания построения модели ситуации, оценка важности и желательности тех или иных ее событий, движущих сил и факторов, выбор линии поведения.

В анализе смысла ситуаций территориального развития важнейшую роль играет анализ концепций территориальной организации – административно-управленческих, экономических, архитектурно-планировочных, научно-исследовательских и т.п. Такие концепции представляют собой сочетание установок, методов, традиций организации деятельности и управления, отраженные в соответствующих решениях и публикациях, либо непосредственно реализованные в соответствующих вариантах организационно-территориальной структуры мирового хозяйства, страны, региона, города. Организационно-территориальную структуру формируют процессы организации, руководства и управления, результаты которых фиксируются в сетках административно-территориального деления, экономического районирования, а также в территориальном распределении полномочий и прерогатив различных органов и институтов власти и управления, способов разработки, принятия, реализации и контроля реализации управленческих решений.

В качестве иллюстрации рассмотрим, как выбор мировоззренческих установок и представлений о том, какая общесоюзная специализация и, соответственно, ресурсы должны быть основой экономического развития Сибири, решающим образом влиял на подходы к ее экономическому районированию и выбору модели развития региона, в том числе территориального, в первые десятилетия советской власти.

Уже к августу 1920 года был подготовлен проект районирования Западной Сибири комиссией при омском Институте сельского хозяйства и промышленности под руководством профессора Н.М. Огановского. В проекте предлагалось за основной районообразующий признак при выделении административных единиц принять уровень развития сельскохозяйственного производства, связанный с природно-климатическими особенностями территорий,

и в соответствии с этим принципом «разделить Сибирь на шесть областей, примерно совпадающих с географическими поясами: тундры и северной тайги, лесистого урмана, лесостепи, горного леса, ковыльных и полынных степей с лучшим орошением, малоплодородных южных степей, переходящих в песчаную пустыню (Тимошенко, 1993, с. 131).

В качестве докладной записки в правительство страны в январе 1921 года свой проект экономического обустройства Сибири подготовил профессор Томского государственного университета Н.Я. Новомбергский. Как и в омском проекте, во главу угла экономического развития Сибири было положено сельское хозяйство: в первую очередь предлагалось рационально организовать программу переселения по образцу американской колонизации, основное внимание уделяя не количеству переселенцев, а качеству их жизни на новых местах. Проект был положен в архив (там же, с. 125-127).

Первый проект административно-территориального деления Сибири, одобренный Наркоматом внутренних дел, был выполнен в 1921 году специалистами Сибревкома. Авторы стремились не нарушать низовое административно-территориальное деление, соблюдать «принцип неделимости волостей старого состава», подвергать перегруппировке только губернии, уезды и волости в целом. Но, тем не менее, по новому были сгруппированы практически все губернии и была сформирована одна новая – Новониколаевская, с административным центром в одноименном городе (там же, с. 132-133).

Параллельно работы по созданию концепции экономического районирования страны в целом, и в том числе Сибири, велись в Госплане под руководством И.Г. Александрова. В отличие от дореволюционной России, в основу административно-территориального деления страны предлагалось положить не только количественный состав населения и хозяйственные традиции, но также и «однородные по энергетически-производственному признаку территориально-хозяйственные комплексы», фактически – перспективы развития производительных сил. Энергетический метод районирования, созданный в Комиссии по электрификации России, заключался в определении энергетической

базы экономического района для развития в первую очередь отраслей тяжелой промышленности – установка на развитие энергетики, крупной машинной индустрии была важнейшим звеном концепции социалистического строительства.

Поэтому, когда в особом Сибирском бюро Госплана под руководством И.А. Федоровича, профессор М.А. Великанов, бывший сибиряк, предложил разделить Сибирь на экономические районы по бассейнам крупнейших рек, аргументируя это тем, что при слабом развитии сухопутного транспорта «крупнейшие реки являются главными, а иногда и единственными магистралями, а их притоки – сплавными и подъездными путями к этим магистралям, т.е. бассейн реки является не только водосбором, но и грузосбором области» и отсюда «вытекает первый принцип районирования такой страны как Сибирь: нужно проводить границы районов по водоразделам рек... Далее следует выделять районы с преобладанием лесоводства, скотоводства, зернового хозяйства, принимая, конечно в расчет мелиоративные перспективы, затем районы с угольной и металлургической промышленностью и проч...» – выдвинутые им принципы не соответствовали общему замыслу, разрабатываемому в Госплане, и требовалось усиление промышленной направленности проекта. В связи с этим в октябре 1922 года на III сессии ВЦИК XI созыва председатель секции районирования И.Г. Александров представил схему экономического районирования страны, в качестве основного принципа которой выступал принцип «экономической законченности», положивший начало организации ТР советской экономики через систему территориально-производственных комплексов. На территории Сибири, граничащей на востоке с Дальневосточной республикой, обозначалось пять областей: Западно-Сибирская с центром в Омске, Кузнецко-Алтайская – в Томске, Енисейская – в Красноярске, Ленско-Ангарская – в Иркутске, и Якутская – в Якутске (Тимошенко, 1993, с. 135- 137).

Проблемами развития хозяйства Сибири и Дальнего Востока в качестве руководителя Сибирской секции Госплана занимался далее близкий соратник И.Г. Александрова Н.Н. Колосовский. Он проводил, в том числе, большую организационную работу на местах по созыву съездов для обсуждения проблем

экономического районирования и развития производительных сил Западной Сибири (Новониколаевск, 1923 год) и Восточной Сибири и Дальнего Востока (Чита, 1924 год). Результаты исследовательской работы Н.Н. Колосовского были в 1925 году изложены в докладной записке на имя председателя Госплана СССР А.Д. Цюрупы. Они положили начало работам по Урало-Кузнецкому комбинату и Ангарской проблеме: в 1930 году ему была поручена организация комиссии Госплана по Урало-Кузнецкому комбинату, а в 1931 году он перешел в Управление по исследованию Ангары заместителем академика И.Г. Александра (Калашникова, 1970, с. 7-8).

Н.Н. Колосовский развивает базовое представление Госплана 1921-1922 годов об экономическом районе как о территориально-производственном комбинате со всесоюзной специализацией и дополняет его глубокой проработкой факторов районообразования: «Госплановский термин «районный комбинат», как не трудно заметить, может иметь значение энергетическое и транспортное. По отношению к остальным элементам производственных процессов районов он имеет весьма ограниченное толкование... Комбинат можно рассматривать как частный случай комплекса, а последний, в свою очередь, как частный случай группировки... Устойчиво повторяющийся, массовый тип производственного процесса и может быть положен при отыскании закономерностей районообразования... Представление о производственно-территориальных группировках и сочетаниях (комплексах) в одинаковой мере может быть использовано для изучения процесса формирования, как госплановских районов, так и для более мелких экономических единиц внутреннего районирования, вплоть до анализа конкретных группировок производств вокруг небольшого городского поселка» (Колосовский, 1947).

Н.Н. Колосовский вводит в научный и практический оборот понятие производственного комплекса и определяет экономический район как территориально-производственный комплекс со специализацией во всесоюзном масштабе. Согласно его определению, производственный комплекс – это «... такое экономическое (взаимообусловленное) сочетание предприятий в одной

промышленной точке или в целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного (планового) подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением» (Колосовский, 1958, с. 138). Особое внимание обращалось на отбор сочетания и качества подлежащих освоению природных ресурсов: – «Реализуемый здесь эффект может быть назван эффектом качества природных фондов. Он измеряется разницей производительности труда, при одинаковых условиях его вооружения, для районов с богатыми ресурсами по сравнению с районами, имеющими в этом отношении средние условия» (Колосовский, 1969, с. 297).

Таким образом, «...экономический эффект районирования заключается в том, чтобы путем рационального разделения труда между районами, путем внедрения комплексности в районное хозяйство и путем районирования сбыта достигнуть роста средней производительности общественного труда как по районам, так и по Советскому Союзу в целом. В итоге достигается повышение работоспособности всей системы. Далее необходимо отметить, что специализируя производства в экономических районах, мы не увеличиваем неравномерность в производительности труда в системе районов СССР, а сглаживаем эти различия, так как направляем труд в каждом районе в те производства, которые выгоднее в нем развивать» (там же, с. 296).

Н.Н. Колосовский отмечал, что «источником новой возможной экономии является производственное комплексирование и комбинирование в районном хозяйстве, ... а также новых районных форм организации транспортной работы... Достаточно напомнить, что излишне дальние и встречные перевозки отсекаются в корне: 1) комплексным районированием производства в экономических районах, 2) более расширенным распределением по стране общегосударственных баз основных продуктов (угля, нефти, хлеба, леса и т.д.), 3) районированием сбыта, то есть установлением точных зон распространения различных продуктов и устранением уникальности и гигантомании в технической политике. Кроме того, строгая классификация состава перевозок и направления этих перевозок

позволяет технически и экономически более эффективно организовать работу межрайонных транспортных магистралей, переходя к особым формам скоростного, массового и дешевого транспорта» (там же, с. 297, 299, 300).

Концепция межрайонного комплекса металлургических заводов и всех сопутствующих производств юга Урала и юга Западной Сибири на базе встречных потоков магнитогорской руды и кузнецкого угля («урало-кузнецкий маятник») стала в первую пятилетку основополагающим инструментом ТР всей страны, направившим основной в то время шаг по сдвигу размещения производительных сил СССР на восток. В постановлении ЦК ВКП(б) «О работе Уралмета» от 15 мая 1930 года отмечалось, что «индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу» и указывалось на необходимость создания «на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР, путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири». На базе этой концепции разрабатываются и реализуются планы промышленного освоения соответствующих территорий. Так, в предвоенные годы добыча угля в Кузбассе возросла с 1,3 млн. т в 1917 году до 21,1 млн. т в 1940 году. В этот период были построены Кузнецкий металлургический комбинат, Кемеровский химический комплекс, Новокузнецкая тепловая электростанция (Перцик, 1980, с.81-82).

Превращению концепции территориально-производственных комплексов в основной инструмент территориального развития СССР не только в годы первых пятилеток, но и во все последующие периоды, значительно способствовала разработка Н.Н. Колосовским метода энергопроизводственных циклов. «Типическую, устойчиво существующую совокупность производственных процессов, возникающих взаимообусловлено (соподчинено) вокруг основного производственного процесса, для данного вида энергии и сырья назовем энергопроизводственным циклом. Цикл зависит не только от исходного сырья, но и от вида энергии, используемого в процессе и влияющего на технологию процесса. Цикл надо понимать как историческую категорию, развертывающуюся

во времени. Итак, под энергопроизводственным циклом понимается вся совокупность производственных процессов, последовательно развертывающаяся на основе данного вида сырья и энергии, от первичных форм – добычи и облагораживания сырья – до получения всех видов готовой продукции, которые можно произвести на месте, исходя из приближения производства к источникам сырья и энергии и рационального использования всех компонентов сырья и энергетических ресурсов. В соответствии с конкретными условиями района и этапом развития СССР в целом, в отдельных районах данный цикл может быть полным (законченным) или неполным (усеченным). ... Характеристика районов при помощи метода циклов (полные плюс усеченные) может быть сделана не только количественно, но и качественно. Так как указанные энергопроизводственные циклы исчерпывают по своему замыслу все разновидности процессов, то при их помощи можно характеризовать (качественно и количественно) любой районный комплекс СССР, как ни был он многообразен. ... Между «моделью» комплекса и действительностью не только возможны, но и обязательно будут существовать значительные отличия. Нужно еще принять во внимание, что не все производства не всех циклов являются ведущими в комплексе. Одни из них имеют местное значение, другие же – общесоюзное. Последние и определяют значение комплекса в общесоюзном географическом разделении труда. Далее надо обязательно принять во внимание этап развития комплекса, влияющий на полноту циклов, иногда соединяющих переходы – скачки из одного качественного состояния в другое» (Колосовский, 1947).

Точно также как в области собственно хозяйственного, экономического обустройства территории Сибири, выбор мировоззренческих установок и представлений решающим образом влиял и на подходы к развитию ее городов в первые десятилетия советской власти. Реализация возобладавшей к началу первой пятилетки установки на развитие крупной машинной индустрии как важнейшего звена концепции социалистического строительства привела к бурной урбанизации Сибири в предвоенные годы – темпы роста ее городского населения даже превысили общесоюзные: если в 1897 году удельный вес городского населения

составил 8%, а в 1926 – 12%, то в 1939 – 29% (Невзгодин, 1999, с. 6). В целом городское население Сибири и Дальнего Востока с 1,5 млн. человек в 1926 году возросло до 5,0 млн. человек в 1939 году (Перцик, 1980, с. 81). Вместе с тем, жилищная политика в городах того времени базировалась на идеях псевдореволюционного аскетизма и принципах, в которых главенствовало производство, технологически организуемая деятельность, а жизнь людей рассматривалась в качестве средства, обслуживающего производство – в качестве приоритетов строительства рассматривалось возведение промышленных предприятий, а строительство социальной инфраструктуры велось по остаточному принципу, что не могло не наложить свой отпечаток на характер застройки индустриальных городов Сибири в период первых пятилеток. (Меерович, 1991, с. 152-153; Невзгодин, 1999). Эти, реализованные в первые пятилетки урбанистические концепции, также разительно отличались от идей сибирских профессоров-энтузиастов начала 1920-х годов, приведенных выше, как и возобладавшие и реализованные идеи развития собственно экономического, хозяйственного.

Ситуации территориального развития относятся к развивающимся объектам. Анализ содержания ситуации – это ее анализ в аспекте развития, это выявление противоречий, послуживших (или способных послужить) импульсом к ее запуску и реализации, противоречий, для и вокруг разрешения которых строится взаимодействие участников ситуации – противоречий, которые, трансформируясь в индивидуальные проблемы каждого участника ситуации, служат для каждого из них побудительным мотивом для взаимодействия. Содержание ситуации составляют основные противоречия, для и вокруг разрешения которых строится взаимодействие участников ситуации и которые являются поэтому внутренними движущими силами ее развития. Понять или описать ситуацию можно только через взаимодействие составляющих ее действий – собственное, особенное содержание ситуации не обнаруживается в каждом отдельном действии, оно заключено во всех них сразу: ситуации обладают функциональной, пространственной и временной целостностью.

Не всякое изменение ситуации является развитием. Развитие среди других изменений выделяет одновременное наличие трех свойств – необратимости, направленности и закономерности. Только при одновременном наличии всех трех указанных свойств изменение ситуации можно отнести к развитию. Поэтому содержание ситуации составляют такие противоречия, разрешение которых в ходе взаимодействия участников ситуации ведет к ее необратимым, направленным и закономерным изменениям. Обратимые изменения ситуации характеризуют процессы ее функционирования – воспроизведения системы функций, т.е. поддержания структуры ситуации в ходе ее реализации. При отсутствии направленности, изменения не могут накапливаться, поэтому процесс лишается характерной для развития единой внутренне взаимосвязанной линии (графически выражаемой кривой жизненного цикла ситуации). «Отсутствие» закономерности изменений означает, что не раскрыты какие-то важные движущие силы развития ситуации, способы и характер их взаимодействия, а также отношения и связи участников ситуации в ходе их взаимодействия или характер влияния динамики ситуации, в том числе – ожидаемой, – на проявление движущих сил ситуации и действия ее участников. «Закономерные изменения» применительно к развитию ситуации не значит, конечно, «неизбежные», – это такие изменения, для которых уяснены их причины и механизмы.

Результатом развития ситуации является разрешение противоречия в ходе ее реализации, выводящее взаимодействующие посредством нее системы деятельности (или какие-то их подсистемы) в качественно новое состояние. Развитие ситуации как ее необратимое, направленное и закономерное изменение приводит к изменению состава, структуры, характера активности этих систем деятельности (их подсистем), т.е. приводит к возникновению, трансформации или исчезновению каких-то их элементов, связей, отношений и линий поведения. Ситуации складываются и реализуются в ходе столкновения различных сил и тенденций, вокруг и ради разрешения противоречий, которое осуществляется (тем или иным способом – компромисса или конфликта) в результате развития ситуации.

Анализ содержания ситуации может по-разному (в зависимости от конкретной ситуации и стоящих задач ее анализа) рассматривать стороны противоречия и их отношения – как полюсы, находящиеся в отношениях взаимной дополнительности, как чередующиеся и замещающие друг друга крайности, как «совпадающие противоположности», как непримиримые противоположности, как противоположности, возникающие одна из другой, взаимопроникающие и переходящие в нечто новое. Как восточная (от Лао-цзы и «Книги перемен»), так и западная (от Гераклита и Николая Кузанского) традиция дают здесь большое разнообразие подходов и решений. Фиксация базового противоречия ситуации и характера и способов его трансформации в индивидуальные проблемы участников ситуации, как и самих этих проблем, является важнейшим предметом анализа содержания ситуации. Разрешение такого противоречия или их набора в ходе развития ситуации будет представлять собой равнодействующую реализации стратегий решения порожденных ими индивидуальных проблем каждым участником ситуации.

Анализ содержания ситуации предполагает выявление внутренних механизмов ее развития. Развитие ситуации как ее необратимое, направленное и закономерное изменение не является однородным – оно представляет собой цепь разнообразных и разнохарактерных событий, каждое из которых может иметь различное, в том числе противоречивое значение для различных участников ситуации. Механизм развития ситуации включает взаимодействие разнонаправленных, подчас – альтернативных, противоположных тенденций развития ситуации, а результат ее развития представлять собой их равнодействующую - достигнутый на момент исхода ситуации «баланс сил» ее участников. Способы реализации взаимодействия этих тенденций, точнее, их носителей, т.е. способы преодоления их разнонаправленности или противоположности – компромисс или конфликт – причем, с разбивкой по фазам жизненного цикла ситуации – также являются частью механизма развития ситуации. Однако, в любом случае, в основе механизма развития ситуации лежит столкновение и борьба различных, часто – противоположных, тенденций

разрешения основных сложившихся ситуаций противоречий и стоящих за ними сил и участников ситуации, оказавшихся взаимозависимыми и взаимосвязанными в ходе своего взаимодействия в рамках ситуации.

Главными «сторонами противоречия», разрешение которого служит причиной складывания и развития ситуации, являются взаимодействующие системы деятельности, в своем взаимодействии предполагающие и в чем-то отвергающие друг друга, но существующие как целостности относительно самостоятельно, как деятельностный контекст ситуации. Вместе с тем, те их подсистемы и компоненты, которые оказываются непосредственно вовлеченными в ситуацию и становятся непосредственными ее участниками, формируя ее структуру, оказываются в гораздо более тесном взаимодействии. Эти подсистемы и компоненты уже как элементы структуры ситуации могут входить даже в отношения взаимного проникновения, они одновременно и взаимно предполагают, и взаимно отторгают друг друга, хотя и иначе, чем системы деятельности, к которым они принадлежат. Это связано с тем, что помимо и наряду с целями и интересами, которые несут эти системы, у непосредственных участников ситуации существуют также их собственные интересы и цели, отличные от целей и интересов их объемлющих систем (как минимум – цели самосохранения). Таким образом, в механизме развития ситуации, в ее содержании всегда будет присутствовать два уровня или линии – одна идет от объемлющих взаимодействующих систем деятельности, деятельностного контекста ситуации, другая – от непосредственных участников ситуации, от ее внутренней структуры. И эти линии развития ситуации могут не совпадать и даже входить в противоречие друг с другом, что также является предметом анализа содержания ситуации.

Анализ содержания ситуации, нацеленный на выявление механизма ее развития, позволяет понять ситуацию как целостность, как сложную и разветвленную систему, заключающую в себе элементы и тенденции, непосредственно друг с другом не совместимые. Он ориентирует на выявление возникновения, существования, разрешения, но в то же время возникновения

новых противоречий, как основы складывания и реализации ситуаций. Он демонстрирует несостоятельность претензий на окончательность разрешения противоречий и решения проблем, ориентирует на раскрытие преходящего характера такого рода решений по мере изменения условий, в и для которых они были найдены, а также изменения состава и(ли) интересов взаимодействующих сторон. Таким образом, анализ содержания ситуации, нацеленный на выявление механизма ее развития, заставляет видеть мир как «постоянство перемен» и ориентирован на раскрытие их движущих сил.

Если смысл ситуации формируется характером сознания носителей действий и поведений, вовлеченных в ситуацию, влиянием его особенностей на структуру и содержание ситуации, на динамику ее жизненного цикла, воздействием на него исторического фона и деятельностного контекста ситуации, то значение ситуации определяется тем, какой именно «частью» механизма функционирования и развития системы деятельности, с позиций которой производится анализ, эта ситуация являются. Значение ситуации определяется последствиями ее реализации - как для непосредственно вовлеченных в нее носителей действий и поведений, так и для взаимодействующих систем деятельности, сформировавших ситуацию и выступавших внешними движущими силами ее развития. Значение ситуации - это то влияние, которое реализация жизненного цикла ситуации оказала на функционирование и развитие объемлющих систем (сфер и видов) деятельности и тенденции их изменений, изначально сформировавших ее саму, а также те конечные результаты для каждого из участников ситуации, к которым привел ее исход. При этом исход ситуации будет для всех них один и тот же, а влияние и результаты – т.е. значение – разными.

Хотя представление о значении ситуации, т.е. ожидания и устремления по поводу ее исхода в будущем, оказывают решающее воздействие на действия вовлеченных в неё участников в настоящем - формируя их цели, влияя на восприятие и оценку обстановки и воздействуя на объемы выделяемых для задействования в ситуации ресурсов, – оно во многом, а подчас – преимущественно, строится ими на основе языка, знаковых систем, понятий,

моделей, а также аналогий из опыта, норм и «рутин», привносимых из прошлого. Представление о значении ситуации всегда строится на основе частично неполного, недостоверного и недостаточного знания – как о возможном исходе ситуации, так и о его возможном влиянии и результатах, - т.е. в условиях неопределенности, которая усугубляется неустойчивостью самих ситуаций и нарастающим темпом и масштабом изменений в объемлющих системах деятельности.

Проявление последствий ситуации - ее значение - может выходить далеко за рамки окончания последних фаз ее жизненного цикла (разрешения и трансформации). На фазе запуска ситуации ее значение является ожидаемым и потенциальным, оно все больше актуализируется в ходе реализации жизненного цикла ситуации. По мере реализации жизненного цикла ситуации, неопределенность относительно ее возможных исходов снижается (при условии сохранения участниками ситуации изначально избранных целей и способов действий), т.е. все больше ограничивается поле ее возможных исходов. Казалось бы, сужается поле анализа ее возможных последствий, появляется возможность судить о конечных последствиях по аналогии с последствиями уже реализовавшихся по ходу развития ситуации событий, актуализировать ожидаемое значение ситуации. Однако, резкая и внезапная для других смена – или обоснованная возможность смены – целей и способов действий хотя бы одного из участников ситуации уже в ходе ее реализации может генерировать новую неопределенность. Иными словами, снова расширять поле возможных исходов ситуации и выбора альтернатив при принятии решений на действие, снова превращать, уже, казалось бы, актуализированное значение ситуации в ожидаемое.

Таким образом, задача анализа значения ситуации – это, прежде всего, задача анализа последствий ее реализации, всегда связанных с неопределенностью. Конкретизация этой задачи предполагает трансформацию и конкретизацию базовых вопросов ситуационного анализа. Вопрос «что происходит» трансформируется минимум в две группы вопросов. Первую можно

назвать аспектно-объектной, это вопросы о, например, политических, экономических, финансовых и т.д. последствиях исхода ситуации или отдельных ее событий. Эта группа вопросов непосредственно связывает значение ситуации с ее деятельностным контекстом и с историческим фоном. Вторую можно назвать субъектной – это вопросы, конкретизирующие последствия того или иного исхода ситуации для каждого из ее участников, а также стоящих за ними сил. Последняя группа вопросов напрямую связывает значение ситуации с ее структурой, смыслом и содержанием.

Отношения идеального и реального в ситуации интерактивны: налицо как прямые, так и обратные связи. Широта поля создания смыслов ситуации определяется тем, что их понимание (интерпретация) имеет субъективно-личностный, контекстуальный, т.е. именно ситуативный характер. При этом, в силу деятельностного характера ситуации – неопределенности обстановки, вариантности действий участников и неоднозначности ее исходов, – то или иное понимание смысла приобретает онтологический характер и становится неотъемлемой составляющей ситуации, активно направляя ее развитие – «овладевая массами, идея становится материальной силой».

Ситуации обладают свойством смыслопорождения. Слова, события, символы, тексты, действия, поступки, поведение, попав в ситуацию, часто приобретают новый особый смысл, которого не имели вне ситуации, т.е. воспринимаются и трактуются ее участниками иначе, чем вне ситуации. Смыслопорождающим «фильтром» служит цепь взаимосвязанных событий, происшедших или предполагаемых, образующих ситуацию.

Так, два слова – «mondo nuovo» (новый мир), – написанные Америго Веспуччи без претензий на открытие в частном письме влиятельному родственнику, помогли Европе оценить масштаб содеянного Колумбом. Хотя, строго говоря, на вопрос «что произошло» в результате плавания Колумба однозначно ответили нюрнбергские и амстердамские картографы, показавшие, что открыт не путь в Индию, а новый материк.

Или, одно событие – удар молнии ночью 9 мая 1421 года, вызвавший пожар в только недавно построенном Запретном городе Пекина, только недавно превращенного в столицу Китая, – стал поводом к свертыванию участия Китая в эпохе Великих географических открытий на море, которая началась для него лет на сто раньше, чем для Европы. В связи с важностью историко-географических и геополитических последствий (т.е. значения) этой ситуации, остановимся на ней подробнее.

На протяжении столетий классический Китай постепенно втягивался в дальнюю морскую торговлю, накапливая необходимый опыт, знания, технологии. Уже к концу второго столетия новой эры, в эпоху Хань, китайские купеческие суда плавали в водах Малайского архипелага (Лёве, 2005, с. 176). В Кантоне (Гуанчжоу) эпохи Тан (618-907 годы) уже имелась арабская община в несколько десятков тысяч человек. Она размещалась в отдельном квартале, у нее были свои обычаи и мечети, а отношения с администрацией строились по той же модели, что и у представителей китайских торговых гильдий (Каменарович, 2006, с. 172). Арабские купцы, а не сами китайцы занимались дальней торговлей с Западной Азией. Они вели также торговлю в Чжуанчжоу в провинции Фуцзянь, где в начале XII века (эпоха Сун) пост инспектора внешней торговли занимал Чжао Юйгуй, обобщивший собранные у них довольно точные и полные сведения о Западной Азии (Персия и Ирак), Северной (Египет и Марокко) и Восточной (Мадагаскар) Африке и преимущественно Средиземноморской Европе в книге «Все иностранцы» (Фицджеральд, 2004, с. 302-303).

После смерти Хубилай-хана в 1294 году и начала деградации монгольской империи (для Китая – это эпоха Юань, ее вторая часть), сухопутный путь на Запад (знаменитый «Шёлковый путь»), части которого находились теперь в руках враждующих между собой ханов, теряет свою важность, уступая первенство морскому пути. Даже при жизни Хубилай-хана морской путь был приемлемой альтернативой сухопутному – Марко Поло пришел в Китай по суше, а вернулся в Венецию морем, через Индию и Персию. Как акт по обеспечению контроля над важнейшим участком этого пути можно рассматривать более или менее удачные

походы Хубилай-хана на Яву. Легко победив неприятельские армии, монголы отводили войска из этих областей с тяжелым для них тропическим климатом, удовлетворившись данью и оставив страну ее собственным правителям. Хану удалось избежать в этом случае повторения своего японского фиаско на море (Фицджеральд, 2004, с. 307, 349, 350).

Когда монгольских правителей изгнали из Китая и династия Мин воцарилась на «троне драконов» (1368 – 1644 годы), вопрос об обеспечении плавания по морскому пути через Индийский океан к Красному морю встал с новой силой в связи с возрастанием его опасности из-за пиратства. В первой трети XV века при выдающемся императоре Чэн-ду (Юн-лэ) (1402 -1424) империя организовала ряд морских экспедиций, уникальных для Китая как по целям, так и по способу организации. Эти экспедиции направлялись и проводились непосредственно двором, а не чиновниками гражданской службы, военными или каким-то правительственным органом. Во главе экспедиции стоял евнух – Чжэн Хэ, ставший адмиралом всего огромного флота. Экспедиции были очень крупномасштабными и комплексными – их целью фактически было установление влияния и контроля минского Китая в бассейне Индийского океана. Состоялись эти плавания в Индийском океане в период между 1405 и 1433 годами. Всего было отправлено семь экспедиций, в которых приняли участие десятки тысяч человек. Самые первые экспедиции, преследовавшие политические цели в большей мере, чем остальные, и установили господство над Малайзией, Явой, Суматрой, Цейлоном. В Малакке, главном тогда порте Малайзии, султан безоговорочно признал суверенитет императора, и Китай сделал его своей главной заморской базой, контролирующей Малаккский пролив и обеспечивающей выход в Индийский океан (Фицджеральд, 2004, с. 308, 309).

Флот, вышедший в 1405 году из гавани Люцзяхэ, насчитывал 62 корабля, на которых находилось 27 800 человек, что превосходило масштабы любых экспедиций, проводившихся когда бы то ни было ранее – для империи это означало контроль морских путей (Адамчик, 2004, с. 389-390). В морях Малайского архипелага китайский флот постоянно наносил поражения

многочисленным пиратам, препятствовавшим развитию торговли Китая со странами Южной и Западной Азии. В 1418 году китайцам удалось уже достигнуть сомалийского побережья Восточной Африки. Посещались малабарское побережье Индии, Ормуз, Аден и Аравия. Флот каждой экспедиции насчитывал от 60 до 100 различных кораблей с общим экипажем 25-30 тысяч человек. (Всемирная история, 1958, с.88).

Чтобы совершить такое, необходимо было иметь килевой многомачтовый корабль, способный выдерживать бури в открытом океане, вести автономное плавание продолжительностью до года и, помимо команды, нести еще грузы для обмена, десант и пушки. Учитывая размеры флота, все перечисленное нужно было уметь производить, по крайней мере, в мануфактурных масштабах. Необходимо было, далее, уметь определять точку своего местонахождения в океане (особенно - по долготе), а также иметь систему кораблевождения, совмещающую показания компаса и положение корабельного руля. И все это в Китае появилось примерно на столетие раньше, чем в Европе. Однако, в итоге Китай просто не захотел составить ей конкуренцию в бассейне Индийского океана, придя и закрепившись там первым.

Причины лежали в основах социально-политического устройства средневекового Китая. Высокопоставленные чиновники всегда выступали против экспедиций, которые снаряжались двором и во главе которых стоял приближенный к императору евнух. Чиновникам никогда не нравилось могущество евнухов, и они делали все, чтобы ослабить их влияние (Фицджеральд, 2004, с. 314). Удар молнии ночью 9 мая 1421 года, предоставлял очень удобный повод. Разрушения были весьма значительны и имели явный символический смысл – среди множества построек и покоев сгорели Тронный зал и трон императора (Мензис, 2004, с. 67). Если учесть, что китайский император – это Сын Неба, то гнев Неба был выражен совершенно однозначно. Вставал вопрос – «за что?».

Ответ чиновники-мандарины искали не в обстоятельствах восшествия императора на престол – а он, тогда принц Янь, по сути, узурпировал трон,

свергнув законного наследника, которому доводился дядей, штурмом взяв прежнюю столицу Нанкин, приведя войска как раз из Пекина, где находилась его ставка как в то время главнокомандующего обороной от монголов (Фицджеральд, 2004, с. 327-328).

Причина бед была найдена в чрезмерных, разорительных тратах на строительство и содержание океанского флота, а также в его полной хозяйственной бесполезности: «Китай в состоянии производить все необходимые для жизни товары и продукты самостоятельно. Мы вас спрашиваем: зачем империи тратить средства на закупку дорогостоящих безделушек за границей?». Сразу после смерти императора Чэн-ду (Юн-лэ) в 1424 году чиновники-мандарины еще определеннее высказались в одном из первых эдиктов его наследника Чжу Гаоши: «Все путешествия Золотого флота отныне должны быть прекращены...Пребывающие в данный момент на борту больших кораблей чиновники и другие официальные лица, которым поручены те или иные правительственные задания, обязаны немедленно вернуться в столицу, те же, кого привлекли для участия в будущих путешествиях Золотого флота, могут разойтись по домам. Строительство и ремонт «плавающих сокровищниц» немедленно прекратить. Вырубку строевого леса производить отныне в пределах, установленных в годы правления императора Хон Ву. Порубку свыше указанной нормы запретить. Все государственные закупки, связанные с дальними морскими переходами, приостановить» (цитаты по: Мензис, 2004, с. 76-77).

Возобладала политика самоизоляции. Гонения на океанский флот, организованные чиновниками-мандаринами, не подорвали влияния евнухов при дворе – они еще сумели нанести смертельный удар династии Мин, открыв ворота Пекина манчжурам в 1644 году и обеспечив, таким образом, воцарение в Китае манчжурской династии Цин, длившееся до 1912 года. Однако, эти гонения основательно подорвали обороноспособность Китая на море, не только от европейцев, но и от японских пиратов, начавших систематические набеги на побережье страны.

Глава 3.³
XVII ВЕК: РОССИЯ – ЭКСПОРТЕР МЕХОВ

³ Основные положения Главы 3 изложены в (Савченко 2014, с. 85 – 127).

3.1. Движущие силы реализации ситуации территориального развития России XVII века

Содержание ситуации ТР России XVII века задавалось тем, что поступление металлических денег стало вопросом выживания государства и общества, но их источником в то время могло быть только достаточное положительное сальдо внешней торговли. Насущные задачи России в XVII веке – строительства мощного государства, укрепления его администрации, противостояния военным угрозам с запада и юга, формирования единого внутреннего рынка – требовали возрастающих объемов металлических денег, серебра и золота. Их достаточное поступление становилось вопросом выживания государства и общества, а источником тогда могло быть только положительное сальдо во внешней торговле. Выявить залежи драгоценных металлов в России в XVII веке не удалось, несмотря на интенсивные поиски, в том числе на новых землях Урала и Сибири.

В целях расширения базы фискальных доходов государство, даже проводя последовательную политику закрепощения крестьян, отдавало предпочтение, как и сами землевладельцы, оброку, а не барщине (в отличие от соседней Польши). Тем самым крестьянство и в крепостном состоянии вовлекалось в массовых масштабах в рыночные обмены, что стимулировало его участие в промыслах, ремесле, торговле и обеспечивало своеобразные условия становления оживленного внутреннего рынка. Формирование всероссийского рынка выступало основным содержанием экономического развития России в XVII веке. Более отчетливые черты приобрело общественное разделение труда, в частности, отделение города от деревни.

Потеря выхода к Балтике не прервала торговлю с Европой полностью. В поставках через Ригу, Нарву, Ревель русского зерна (дефицит которого нарастал и в Северной, и в Южной Европе в связи с Тридцатилетней войной, бурным развитием мануфактурного производства, колониальной экспансией), а также пеньки для корабельных канатов были заинтересованы, прежде всего, голландцы, тогдашний экономический лидер. Значение этой торговли для Голландии

демонстрирует не только тот факт, что в середине XVII века, когда общий торговый оборот Соединенных провинций достигал 75-100 миллионов флоринов в год, на русско-голландские сделки приходилось 2 миллиона флоринов в год – т.е. 2 – 3% от общего оборота (Всемирная история, 1958, стр. 297).

Между Голландией и Россией в те времена складывались долговременные, стратегические отношения, которые отчетливо проявились в период Тридцатилетней войны 1618 – 1648 гг. в Европе. Россия поддержала антигабсбургскую коалицию, вдохновителем которой выступала Голландия, и на весьма льготных условиях снабжала страны антигабсбургского лагеря хлебом и селитрой, в которых они остро нуждались. Так, русское правительство выдавало разрешение на вывоз селитры тем странам, которые играли ведущую роль на том или ином этапе войны против Габсбургов. Точно также, если в 1624-1625 гг. русское правительство выдавало разрешение на вывоз хлеба только голландцам и англичанам, то после 1625 г. первое место занимает Дания, а затем Швеция. В 1626-1629 гг. Дания вывозила из России хлеб в большом количестве, беспошлинно и по весьма низким ценам. Однако, после подписания Любекского мира и окончания «датского» этапа войны, предпочтение и льготы переходят к Швеции (Всемирная история, 1958, стр. 724). И в 1628-1633 гг. шведское правительство преимущественно в Вологде скупило около 2 млн. пудов хлеба (История народного хозяйства..., 1960, с. 92).

В 1632 – 1637 гг. в разгар Тридцатилетней войны, голландским предпринимателем А. Винниусом были построены Тульские железоделательные заводы по последнему слову тогдашней техники, включая доменную печь. Вскоре предприятиями завладели два иностранных компаньона Винниуса (голландец и датчанин), расширившие его дело строительством в соседнем Каширском уезде еще четырех металлургических заводов. (История народного хозяйства..., 1960, с. 90). Тульско-Каменские заводы осуществляли масштабный экспорт оружия преимущественно в Голландию на последней, решающей фазе Тридцатилетней войны: в 1646 г. они поставили туда 600 орудий, а в 1647 г. – 360 (Широкоград, 2007, с. 4). Это напоминает, но в меньших масштабах, голландские инвестиции

XVII века в горнопромышленный сектор Швеции, ведущего участника антигабсбургской коалиции, когда обосновавшиеся в стране голландцы де Геер, «король железа», а также Трипп развернули масштабное металлургическое производство, введя домны из кирпича, и во многом контролировали деятельность горнопромышленного округа Бергслаген, расположенного недалеко от Стокгольма (Бродель, 1992, с. 253).

Внешняя торговля с Югом и Востоком преимущественно через Астрахань, по балансу тоже положительная, имела более широкую номенклатуру и выгодную для России товарную структуру, стимулировавшую ее экономику. Экспортировались не только кожевенное сырье, пушнина, скобяной товар, но и грубые холсты, железные изделия, оружие, воск, мед, продовольствие, плюс реэкспортировались европейские изделия – сукна, металлы, стекло, бумага, а импортировались дорогие ткани – шелк, парча, бархат, – дешевые хлопковые ткани, пряности и красители, сахар, жемчуг. При этом часто перевозки осуществлялись русскими кораблями на Каспии. Однако, торговля с Югом и Востоком приносила драгоценные металлы в основном в форме ювелирных изделий (Бродель, 1992, с. 455-456). К концу XVII века наладились прямые торговые связи с Китаем – импортировались преимущественно ткани (китайки, дабы, камки), затем шли посуда и чай; экспортировались меха, выделанные кожи, ремесленные изделия (История народного хозяйства..., 1960, с. 95).

Западная Европа оставалась единственным источником денежного серебра, остро необходимых технологий металлургии и металлообработки, производства стекла, бумаги и ряда других товаров. Торговля через прибалтийские порты преимущественно хлебом и коноплей в обмен преимущественно на металлы, стекло, бумагу, сукно имела постоянный профицит, покрывавшийся серебром, приносивший России многие сотни тысяч риксдалеров в год. Так, только через Ригу торговля в 1683 г. имела положительное сальдо в 824 тысячи риксдалеров (Бродель, 1992, с. 455). Однако каналы внешней торговли через контролируемые иностранными государствами прибалтийские порты были узки и ненадежны.

А единственным русским портом для связей с Западом был Архангельск на Белом море, с его непродолжительной навигацией и неудобным географическим положением по отношению как к Европе, так и к основным экономическим центрам России (кроме Севера и прилегающих к нему районов Нечерноземья). Чтобы компенсировать эти недостатки, а также малую грузоподъемность судов, в товарообороте должны были преобладать необъемные, но ценные и высоколиквидные продукты. В XVII веке Россия экспортировала пушнину, юфть, сало, лен и пеньку, холст (История народного хозяйства..., 1960, с. 142) – товары, вполне пригодные для вывоза морем через Архангельск. Корабельных товаров, даже самых ценных – канатов, скипидара, дегтя и т.п. – было явно недостаточно, а зерно не отвечало таким требованиям. Его место заняла пушнина – традиционный товар русского экспорта со времен «пути из варяг в греки». Экономический подъем и развитие буржуазного класса сделали спрос на меха в Западной Европе в XVII веке массовым, и их предложение стало глобальным. Меха в Европу стали поступать из Северной Америки от французов, а Россия устремилась за пушниной в Сибирь (Бродель, 1992, с. 468-472). Участие в глобальном рынке мехов задало *деятельностный контекст* ситуации ТР России в XVII в.

В этой ситуации Москва четко осознавала приоритетность задач «пушного освоения» Сибири и формировала ее соответствующую *структуру*. Своевременно воспользовавшись благоприятной конъюнктурой этого глобального рынка, Россия за полвека достигла Тихого океана и благодаря быстрому освоению пушных богатств громадной «нехоженой земли» стала в течение XVII века крупнейшим по территории государством мира. Удивительно быстрое продвижение по Сибири осуществлялось главным образом по рекам.

Из Западной Сибири в Восточную русские люди проникали двумя путями: северным – по рекам Нижняя Тунгуска, Вилюй и его притоку Чуну и далее Лене; и южным путем – по Верхней Тунгуске (Ангаре), ее притоком Илимом, притоком Лены Кутом и, наконец, Леной. У устья притока Лены Алдана эти два пути сходятся в один, идущий вверх по Алдану, его притоку Мае, которая своим верховьем близко подходит к верховью реки Ульи, впадающей в Охотское море.

Так, на южном направлении в конце 1620-х гг. из Енисейска была снаряжена экспедиция вверх по Верхней Тунгуске в попытке добраться до земли бурят, где предполагались большие залежи серебряной руды – казаки видели у бурят серебро. Результатом этой экспедиции стала постройка в 1631 г. Братского острога при впадении реки Оки в Ангару. Другой казацкий отряд с верхней Ангары по ее притоку Илимму и далее по притоку Лены Куту пробрался на Лену. В результате были основаны остроги Илимский на реке Илим и Усть-Кутский, послужившие отправными точками для дальнейшего движения по Лене. В 1632 г. казаки добрались до средней Лены и основали там Якутский острог. В 1638-1639 гг. отряд казаков по Алдану и Мае достиг Станового хребта и, перевалив через него, рекой Ульей спустился к Охотскому морю. Было обследовано морское побережье от реки Туи на севере до реки Уды на юге. В 1647 г. отряд казаков прошел вниз по реке Улье, а от устья Ульи переплыл по Охотскому морю к устью реки Охоты и основал там острожек. Так в 1647 г. был основан Охотск – первый русский порт на тихоокеанском побережье. Хотя формально порт со всеми штатами был утвержден там только в 1732 г. и просуществовал до 1849 г., но парусные суда в Охотске стали строить с 1660 г. и до 1849 г. построили примерно семь десятков парусных судов (Широкорад, 2004, с. 5-7).

Параллельно в 1633 г. первопроходцы на кочах, выйдя из устья Лены, достигли морем устья реки Яны, в 1636 г. – Индигирки, а в 1643 г. – Колымы. Оттуда также на кочах вышла в 1648 г. экспедиция Алексеева – Дежнева, которая в сентябре 1648 г. обогнула крайнюю северо-восточную оконечность Азии и прошла через пролив, отделяющий ее от Америки, достигнув реки Анадырь (Ципоруха, 2004, с. 228-243).

Таким образом, всего за полстолетия был пройден по незнакомой и труднопроходимой местности путь порядка 4 тысяч километров от Урала до Тихого океана. Тем самым наши соотечественники внесли ощутимый вклад, как в Великие географические открытия, так и в формирование мирового рынка. Но самое главное, они сделали Россию такой, какой мы ее знаем – европейско-тихоокеанской державой, элементом каркаса макротерриториальной структуры

мировой экономики. Предпосылкой столь быстрого расширения России на восток и северо-восток стала геополитическая «пустота» в полосе освоения. Продвижение приостановилось на линии Амура и его притоков, войдя в соприкосновение с Китайской (Маньчжурской) империей.

В 1643 г. Якутский воевода, получив сведения о крупной реке Амур и о том, что по ее берегам живут люди, не только промышляющие пушного зверя, но и сеющие хлеб, а также добывающие медную и серебряную руду, отправил отряд казаков во главе с В. Поярковым на реки Зея и Шилка. Выйдя из Якутска, отряд по рекам Алдану и Учтуру добрался до реки Гонам, там часть людей с грузами оставили зимовать. Остальные перешли Становой хребет, спустились вниз по реке Зее до областей, населенных даурами, и зазимовали в наскоро построенном острожке. Весной следующего года, дождавшись оставленных зимовать на реке Гонам, отряд проследовал до устья Амура, а далее на север вдоль побережья Охотского моря к русским зимовьям при впадении в него рек. Перезимовав в одном из них, на реке Улье, отряд поднялся вверх по ней на следующий год и, перетаскив волоком лодки в реку Маю, летом 1646 г. вернулся обратно в Якутск. В 1650 г. отряд казаков под предводительством Е. Хабарова вышел на Амур, для зимовки выстроил Ачанский городок, а в 1651 г. поставил городок Албазин на месте оставленного даурами поселения. Параллельно несколько отрядов казаков из Енисейска осваивали Забайкалье: в 1648 г. они основали Баргузинский острог на реке Баргузин и, опираясь на него, – Верхнеудинский острог в 1652 г. на притоке Селенги реке Уде и Нерчинский острог в 1654 г. при впадении реки Нерчи в Шилку (Широкоград, 2004, с. 7-11).

Весной 1652 г. произошло первое вооруженное столкновение с регулярными маньчжурскими войсками, присланными по указанию наместника китайского богдыхана, и атаковавшими Ачанский городок. Штурм был отбит, однако, городок пришлось оставить, хотя Е. Хабаров со своим отрядом с Амура не ушел. Он дождался представителя Московского правительства, прибывшего с жалованьем для казаков, сдал ему ясак и отбыл вместе с ним в Москву. На Амуре остался отряд казаков. В 1654 -1655 гг. столкновения с маньчжурскими войсками

возобновились, на этот раз маньчжурам пришлось оставить Амур и его приток реку Шингал. Тогда в 1656 г. последовал указ богдыхана о сселении местных племен вглубь Китайской (Маньчжурской) империи. Москва и сибирские воеводы не хотели большой войны с богдыханом и в 1654 г. из Тобольска в Китай было отправлено первое посольство. Оно поднялось вверх по Иртышу до впадения в него реки Белые воды и дальше сухим путем добиралось до Пекина (город Ханбалык), достигнув его в марте 1656 г. Посольство явно не удалось, послу в знак богдыханского гнева за отказ подчиниться унижительному этикету вернули даже его подарки и отправили назад в Россию. Из Москвы последовал приказ служилым людям и казакам укрепиться на Шилке и верхних притоках Амура. В 1658 г. маньчжуры заняли Шингал, а затем более десятилетия продолжались незначительные стычки. В 1666 г. русскими была восстановлена крепость Албазин, оставленная ими в 1658 г. В 1670 г. маньчжурский военачальник, занявший Шингал, предложил нерчинскому воеводе вступить в переговоры. Воевода в инициативном порядке отрядил казаков в Пекин и те вернулись с грамотой от богдыхана, которая дала повод Москве отправить в Пекин новое посольство. 1675 – 1678 гг. состоялась вторая русская посольская миссия в Пекин. Вновь последовал отказ Цинского правительства рассматривать Россию как равноправного партнера, предрешивший неуспех и этой миссии (Широкоград, 2004, с. 13-14).

В 1685 – 1689 гг. вооруженный конфликт между Россией и Маньчжурской империей на Амуре продолжился. Наконец в 1689 г. в Нерчинске был подписан Нерчинский договор России с Китаем, который фиксировал сложившийся на тот момент баланс сил. Русская крепость Албазин на Амуре подлежала срытию. Была установлена линия границы между двумя странами по реке Аргуни – Становому хребту – реке Уди до Охотского моря. Договор содержал специальную статью, стимулирующую взаимную торговлю, согласно которой людям с той или другой стороны «приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно да повелено будет». Наличие этой статьи договора превращало Нерчинск на какое-то время в важнейший пункт русско-китайской

торговли. (История народного хозяйства..., 1960, с. 95). Торговые отношения между двумя странами не прерывались, несмотря на пограничные столкновения. Начиная с 1653 года правительством формировались «официальные» торговые караваны, которые каждые три года отправлялись в Пекин (Бродель, 1992, с. 457). Вообще же русские торговые караваны отправлялись в Китай ежегодно. Объем торговли увеличивался неуклонно. В 1696 г. русский караван вывез из Китая товаров более чем на 150 тысяч рублей – это превышало годовой объем торговли со Средней Азией (История народного хозяйства..., 1960, с. 94-95). Вместе с тем, на территориях севернее Амура реально не было ни маньчжурского, ни русского присутствия. Здесь явно обозначился «вакуум силы», предпосылка будущих геополитических сдвигов.

Москва четко осознавала необходимость и приоритетность задач «пушного освоения» Сибири, стремилась задействовать все доступные внутренние ресурсы и консолидировать интересы участников освоения. На протяжении всего XVII века опорой государства в этих делах был крупный национальный капитал царских гостей – двух-трех десятков богатейших купцов, имевших разнообразные общенациональные предприятия и интересы, способных к проведению операций с длительным, многолетним оборотом средств – внешнеторговых и связанных с освоением новых территорий. Среди купцов-царских гостей влиянием и богатством выделялись «именитые люди» Строгановы, державшие приказчиков даже в Нидерландах и Бухаре, которые в 1574 г. получили от царя Ивана IV Грозного грамоту, разрешавшую им строить и вооружать городки на Тоболе, Иртыше, Оби, и организовавшие в 1581–1585 гг. поход казацкого атамана Ермака, положивший начало освоению Сибири (Всемирная история, 1958, с. 465, с. 496). В освоение Сибири вкладывали капиталы и усилия многие царские гости. Так, в 1640 г. в Мангазее вели торговлю четыре царских гостя, пять приказчиков других гостей и четыре самостоятельных купца. Среди царских гостей, получавших значительные прибыли от мангазейской торговли, были такие известные в то время купцы как Иоаким Усов, Надея Свешников, Осип Елезов, Петр Унбин, Кирилл Босов, Василий Гусельников, Исак Ревякин (Белов, 1956, с. 120).

С начала XVII века сложились государственно-частные и частно-государственные формы освоения Сибири, которые обеспечивали весьма быстрое продвижение вперед, обустройство новых территорий и вовлечение в хозяйственный оборот значительных ресурсов. Государство строило и поддерживало опорные пункты усилиями «служилых людей», а многообразная хозяйственная деятельность на обширных осваиваемых пространствах осуществлялась «промышленными и торговыми людьми». Организация и проведение многочисленных дальних походов в неведомые земли зачастую были результатом взаимодействия тех и других со значительным финансовым участием богатейших купцов-царских гостей. Основная конечная цель этих походов была всегда одна – получение ясака в виде «мягкой рухляди» и освоение новых районов пушного промысла для поставки «мягкой рухляди» на рынки, прежде всего, внешние.

Пожалуй, наиболее отчетливо проследить сложившуюся систему взаимоотношений государства, крупного капитала, служилых людей и промышленников можно на примере организации и осуществления экспедиции Алексеева – Дежнева, история которой достаточно подробно проработана в силу значимости сделанных ею географических открытий.

Федот Алексеев (Попов) был торговым агентом, приказчиком крупного московского купца – царского гостя – Алексея Усова, который отправил его в 1638 г. во главе каравана с большой партией своих товаров в Сибирь. В 1641 г. Алексеев получил в Енисейске проезжую грамоту – таможенный пропуск – на Лену. А в 1642 г. от якутского таможенного головы он получил проезжую грамоту на «стороннюю» реку Оленек для соболиного промысла и рыбной ловли с указанием, что он везет с собой «хлебного запаса и промышленного заводу и русково товару». Однако, дела на реке Оленек не пошли, и Алексеев в 1646 г. прибыл на Колыму, где встретил Семена Дежнева – опытного сибирского казака, «якуцкого острогу служилого человека», сочетавшего службу с собственным промыслом, как это бывало принято в те времена. Дежнев входил в состав объединенного казачьего отряда, который прибыл морем из устья реки Алазеи в

устье Колымы в 1643 г. и поставил там Нижнеколымское зимовье. Алексеев решил организовать экспедицию на поиски с моря «захребетной» реки Погычи – с 1647 г. эту реку стали именовать Анадырь – и сумел снарядить четыре коча. Дежнев был по его просьбе включен в состав экспедиции в качестве официального представителя властей, ответственного за сбор ясака и получил на это наказную память от приказчика Нижнеколымского острога. Летом 1647 г. кочи вышли из устья Колымы в море на восток, но тем же летом вернулись назад в Нижнеколымск из-за тяжелых ледовых условий (Ципоруха, 2004, с. 266-272).

Зиму 1647-1648 гг. Дежнев провел на соболином промысле. Когда в 1648 г. Алексеев решил повторить попытку похода на четырех кочах, Дежневу пришлось конкурировать за право быть официальным представителем власти в экспедиции с другим казаком, снарядившим за свой счет один коч. Но Дежнев отстаивал свои позиции, он возглавил в экспедиции отдельный отряд, в снаряжении которого он принял личное участие, на отдельном коче. Помимо Алексеева в походе приняли участие приказчики богатого московского гостя Василия Гусельникова – Андреев и Астафьев, которые возглавили отдельный отряд на двух кочах. В итоге из устья Колымы на восток 20 июня 1648 г. отправилось семь кочей. Четыре из них сумели обогнуть мыс, который ныне носит имя Дежнева, и вышли из Северного Ледовитого океана в Тихий. В Беринговом проливе кочи Дежнева и Алексеева разминувшись, достоверных сведений о дальнейшей судьбе Алексеева и его людей нет. Отряд Дежнева зазимовал в районе устья Анадыря. К лету 1649 г. они построили речные суда и после ледохода пошли вверх по реке. На Верхнем Анадыре, чуть выше устья его правого притока Майна, Дежнев основал зимовье, где занимался сбором ясака и собственным промыслом (Ципоруха, 2004, с. 273-278).

В марте 1650 г., не имея вестей от Дежнева, колымские власти по сухопутному пути через долину реки Анюй отправили небольшой отряд казаков во главе с Моторой, который был назначен приказчиком на Анадыре. Оба отряда встретились в Анадырском зимовье, причем Дежнев сразу признал старшинство Моторы. Дежнев стал предводителем объединенного отряда и приказчиком на

Анадыре только после гибели Моторы. Служба Дежнева на Анадыре закончилась по его просьбе в 1660 г. За это время он успел подробно изучить бассейн реки, в том числе обнаружил в ее устье крупное лежбище моржей. При своей замене Дежнев отправился с грузом «костяной казны» сухим путем на Колыму, а оттуда морем в Жиганск на Лене и в 1662 г. прибыл в Якутск. В конце того же года он отбыл в Москву. В 1664 г. он доставил в столицу 289 пудов моржовых клыков. В январе 1665 г. с ним был произведен полный расчет, так как с 1641 г. по 1660 г. (почти 20 лет! – А.С.) служилый человек Дежнев не получал ни денежного, ни хлебного жалованья. За лично добытые моржовые клыки – почти 32 пуда – он получил еще 500 рублей (годовое жалованье рядового казака – 5 рублей). Кроме того, Дежнев был за заслуги поверстан в атаманы и в этом качестве служил в Сибири на реках Оленек, Яна, Вилюй. В конце 1671 г. он еще раз прибыл в Москву, сопровождая на этот раз соболиную казну (Ципоруха, 2004, с. 279-281).

В XVII веке в стране возникло мануфактурное производство, прежде всего, в металлургической и металлообрабатывающей промышленности, однако, не оно позволило пройти за полвека огромное пространство от Урала до Тихого океана. Быстрое продвижение по «нехоженной землице» обеспечило наличие в стране уникального, традиционного, веками накопленного комплекса технологий преодоления лесной пересеченной местности по рекам и волокам, ледового каботажного плавания, жизнеобеспечения (выживания) в условиях Севера, быстрой постановки сложных деревянных построек, включая остроги. Этот комплекс технологий обеспечивал как быстрое продвижение, так и быстрое закрепление на неосвоенной территории. Крайне важным оказалось то, что суда и постройки быстро создавались минимальным набором инструментов из подручных местных материалов, причем такими навыками обладали массы населения, особенно поморов, составивших костяк первопроходцев.

Вершиной российских технологических достижений в области судостроения, предназначенных для освоения необжитых пространств вдоль побережья Северного Ледовитого океана и впадающих в него великих рек,

выступали кочи поморов – суда оригинальной конструкции, отлично приспособленные для каботажного плавания в высоких широтах.

Главной особенностью коча была яйцевидная форма корпуса, благодаря которой при сжатии льдов судно выталкивалось вверх. Этот опыт поморов был использован, в частности, О.С. Макаровым при проектировании первого в мире арктического ледокола «Ермак» в конце XIX века. Коч представлял собой результат трансформации новгородского ушкуя – военного и торгового судна, строившегося еще в XIII – XV веках. Детали набора коча изготавливали из сосны и лиственницы или кедра. Килем служил ствол, на концах которого устанавливали «корги» - штевни, а по всей длине с интервалом примерно в полметра размещали «упруги» - шпангоуты и кряжи-обручи. Сверху те и другие соединяли «перешвами» - бимсами, а на них настилали верхнюю палубу. Ниже ее к шпангоутам скобами и реже гвоздями крепили набои и обшивины – доски наружной обшивки, заполняя пазы просмоленной паклей. Несколько выше и ниже ватерлинии укладывали дополнительную обшивку – «ледяную шубу» или «коцу». Доски обшивки были длиной 2 м и шириной 0,7 м, их получали, раскалывая дерево на 3– 4 плахи и обтесывая их. На строительство коча шло свыше 3000 крепежных скоб и около 1 км канатов и веревок. Мачту крепили вантами, к ней прикрепляли стрелу для подъема грузов. На мачту поднимали «раину» - рей со свободно скользящими деревянными, реже железными, кольцами. Раину поднимали с помощью веревочных «дрог», а управляли парусом «вожжами» - шкотами. Парус был прямоугольным, площадью до 150 кв. м, он имел 13-14 м в высоту и 8 – 8,5 м в ширину. Его сшивали из холщовых полотнищ. Служили такие суда 3 – 4 года (Соломонов..., 2012, с. 37-39).

Кочи считаются первыми русскими судами с навесным рулем вместо рулевого весла. Их длина могла превышать 20 м, ширина – 6 м, а грузоподъемность достигать 400 т. Они имели три якоря (один запасной). Корпус коча обычно делился на три «чердака» - отсека. Носовой, где ставили печь – для команды (10 - 15 человек); центральный, с «творилом» - водонепроницаемым люком – для грузов и пассажиров; кормовой – для кормщика-капитана. Перед ним

крепились две лодки (на больших судах – два малых карбаса) – для рыбной ловли и промысла морского зверя, для связи с берегом и снятия судна с мели. Коч мог проходить до 250 км в сутки при попутном ветре. В безветренную погоду он мог передвигаться с помощью четырех пар весел. Мог ходить галсами, а также курсом бейдевинд, когда судно идет круто под ветер. Кочи имели малую осадку – порядка 0,9 м, что было крайне важно для каботажного плавания по мелководному фарватеру или при резких колебаниях глубин, что было характерно, например, для Обской губы. Результат длительной технической эволюции – кочи оптимально соответствовали условиям, в которых использовались. Это подтверждает, в частности, тот факт, что, несмотря на запрет строительства судов традиционных типов, наложенный Петром I специальным указом в начале XVIII века в стремлении переориентировать судостроителей на создание парусников исключительно европейских типов, кочи успешно строились и использовались поморами вплоть до начала XX века. Так, они упоминаются даже в отчете о деятельности Архангельского порта за 1912 г. (Соломонов..., 2012, с. 38-40).

Возможности строительных технологий, в том числе, темпы возведения сложных построек, в том числе – острогов, можно проследить на примере «поставления» Мангазеи, в самой начальной, стартовой крайней северо-западной точке «меховой волны» освоения XVII века, а дополнить – на примере «поставления» Нерчинска, расположенного на юго-восточной периферии конечной фазы этой волны.

Мангазея была расположена на высоком удобном для обороны берегу реки. Сразу в 1601 г. был возведен, «срублен» деревянный острог, «стоячий на углах», т.е. защитная стена из вертикально установленных сплошным рядом заостренных бревен, и с небольшими башнями по углам. При этом южная часть стены проходила совсем близко от берегового обрыва. Внутри острога были расположены воеводский двор, «стрелецкая сторожка» – караульное помещение, тюрьма, съезжая изба. При приеме людей в съезжей избе воевода был отгорожен от них железной решеткой (Белов..., 1980, с. 59). Собственно Мангазейская

крепость была срублена в 1607 г. из стволов лиственниц, ели и кедра. Крепостная стена с башнями имела общую длину почти 300 м и была возведена из бревенчатых городен – клеток длиной 3-4 м и шириной чуть менее 3 м. Высота крепостной стены до кровли достигала почти 6 м. При постройке этой стены, прежние острожные стены частично были сохранены и составили для кремля внешнюю линию обороны у северной и западной новых городских стен. Башен было 5: угловые глухие – Давыдовская, высотой до кровли более 9 м, Зубовская – более 8,5 м, Ратиловская – более 7,5 м, Успенская – почти 9 м; проезжая, «воротная» Спасская башня имела высоту до кровли более 11 м. Мангазейский кремль был вооружен девятью железными затынками, размещенными в верхних этажах башен (Ципоруха, 2004, с. 172).

В 1654 г. правительство в Москве принимает решение учредить в Даурии новое воеводство – Нерчинское. Наказ на службу в даурской земле назначенному воеводе был прислан в Енисейск в 1655 г., и весной следующего года он отправился к новому месту службы во главе особого отряда. К этому времени была досконально исследована дорога от опорной базы этого похода – Иргенского острога – к водному пути на Шилку, в том числе волок к реке Ингоде. Перезимовав в Братском остроге, воевода весной 1657 года перебрался через Байкал и уже в конце лета был на Иргенском озере. Здесь он поставил новый «острог с жилыми избами и всякие крепости учинил». Чтобы не терять времени, зимой воевода перешел волоком за Ингоду и там заготовил лес «на ваш государев острог в вашу государеву новую даурскую землю восемь башен, а в том числе две башни с проезжими вороты да на четыре стены сплочено и изготовлено двести сажень острогу». По первой полой воде весной 1658 г., «остроги сплота в плоты», сплыл воевода по Ингоде и Шилке до устья Нерчи и там поставил острог. С 1658 г. и начинается более чем трехсотлетняя история города Нерчинска (Градостроительство Сибири, 2011, с. 77).

Сравнение темпов и объемов строительства Мангазейской и Нерчинской крепостей показывает, что на протяжении всего XVII века навыки возведения из местных материалов сложных деревянных построек, в том числе – острогов,

совершенствовались – окончательное возведение первой из крепостей, пятибашенной, потребовало шести лет, вторая, восьмибашенная, была построена за неполный год.

В XVII веке недостатка в желающих переселяться на слабо или вовсе не освоенные земли за Урал не было. Во второй половине столетия все выше поднимается волна крестьянских побегов, как ответ на усиление феодальной эксплуатации. Заселение Урала и Сибири шло довольно быстро, наряду с народной колонизацией земель «Южной Украины» или Дикого поля, т.е. земель к югу от Оки. В Приуралье значительным был приток населения в Кунгурский уезд, население которого с середины XVII до начала XVIII века увеличилось в 12 раз. А в Зауралье наибольшее число переселенцев из Европейской России привлекли Верхотурский, Тобольский и Тюменский уезды Западной Сибири. Массовое переселение крестьян, в том числе беглых, в Зауралье облегчало то обстоятельство, что техника земледелия оставалась крайне простой, а значит повсеместно доступной – соха, борона, серп, коса-горбуша и топор составляли основной набор орудий земледельца. Плуг был еще редкостью и применялся главным образом в усадьбах крупных феодалов в Европейской России (История народного хозяйства..., 1960, с. 83-85).

Значение ситуации ТР России как экспортера мехов XVII в. состоит, прежде всего, в том, что в результате ее реализации наша страна стала крупнейшей по территории державой мира, был сформирован осто́в современной государственной территории и системы расселения в Сибири, Россия стала европейско-тихоокеанской державой, элементом каркаса макротерриториальной структуры мировой экономики.

3.2. Трансформация организационно-территориальной структуры

В XVII веке организационно-территориальная структура России под воздействием участия в глобальном рынке пушнины развивалась по двум основным направлениям. Во-первых, нормативными актами стимулировалась крупная отечественная торговля, регулировались условия конкуренции с

иностранными купцами и их проникновение в Сибирь. Во-вторых, возникла система администрации освоения Сибири, прежде всего ее пушных богатств.

Так, Михаил Романов сразу по воцарении в 1613 г. пожаловал особой грамотой царским гостям и гостиной сотне ряд важнейших привилегий, в том числе: освобождение их дворов от тягла и постоя, неподсудность местным областным управителям в поездках по торговым делам (их самих, детей и приказчиков) – иски на них мог принимать только московский Казенный приказ. Алексей Михайлович сохранил эти привилегии грамотой от 26 августа 1648 г. Жалованная сословная грамота стала источником сословных прав. Этим новым юридическим явлением был вызван новый ряд законодательства: до XVII века московское законодательство, выделяя общественные классы, определяло преимущественно их государственные обязанности. Эта жалованная грамота высшего купечества была предвестницей жалованных сословных грамот Екатерины II (Ключевский, 2003, с. 531 – 532).

В 1619 г., из опасения проникновения иностранцев в Сибирь с моря, был запрещен «морской ход» из Архангельска в Мангазею и, в дополнение к обычным путям через Тобольск, была официально открыта для торговых и промышленных людей северная, зырянская дорога «от Архангельского города на Березов город».

Эти процессы происходили на фоне укрепления в стране самодержавной власти царя, превращения России из сословно-представительной монархии в монархию абсолютную. Параллельно усиливалось закрепощение крестьянства и его эксплуатация со стороны землевладельцев и государства. Юридическое закрепление крепостное право нашло в Уложении 1649 г., подтвержденном Земским Собором. Феодалное землевладение в течение всего столетия укрепляло свои позиции. В результате массовых раздач земель в Замосковском крае почти исчезли «черные», т.е. принадлежащие государству волости и станы, резко сократился фонд дворцовых земель, также переходивших в руки помещиков и вотчинников. Только в 1620-х – 1630-х гг., когда раздача земель носила массовый характер, служилые люди получили несколько миллионов десятин земельных

угодий. И правительство издавало законодательные акты, направленные на обеспечение землевладельцев рабочей силой. Так, согласно Уложению, крестьяне были объявлены «крепкими» своим феодалам, а «урочные годы» сыска беглых отменялись. Право владеть землей и крестьянами стало привилегией служилых людей и гостей (высшего купечества), укреплению экономического положения которых способствовало постепенное стирание различий между поместьем и вотчиной. Согласно данным переписных книг 1678 г., подавляющая масса дворовладельцев – а тягловых дворов в них учтено 888 тысяч – являлись крепостными: 67% – светских феодалов, 13% – церковных, 9% – царя. Только немногим более 10% дворов принадлежало посадским людям и черносошным крестьянам (История народного хозяйства..., 1960, с. 81-83).

Принятие Соборного Уложения, которое на два последующих столетия оставалось полнейшим сводом российских законов, является одним из важнейших достижений царствования Алексея Михайловича – следующий за ним «Свод законов Российской Империи» выйдет только в 1832 г., т.е. почти через двести лет.

Предшественник Соборного Уложения – Судебник Ивана Грозного 1550 г. охватывал только уголовное право и был создан за столетие до него в других реалиях. Требовались актуализация, систематизация и кодификация законов. Со времен Судебника было принято множество частных указов на разные случаи. Каждый такой случай не находил разрешения в Судебнике 1550 г. и рассматривался поэтому как прецедент для судебных решений в будущем. Такие указы записывались в «Указных книгах» и накапливались в соответствующих Приказах как руководство наряду с Судебником в судебных и административных делах. За столетие таких разрозненных указов накопилось весьма много, причем по разным Приказам-ведомствам, и они часто противоречили друг другу. Это создавало широкие возможности для злоупотреблений, порождавших естественное недовольство, а также затрудняло администрирование. Необходим был единый свод законов, взаимосвязано охватывающий государственное, гражданское и уголовное право.

Корпус Уложения состоит из 25 глав, включающих почти 1000 – 967 – статей (см. Соборное Уложение...1987). Памятник имеет достаточно «рыхлую» структуру, но в нем можно проследить определенную структурную тенденцию, выделив пять крупных разделов: государственное право (главы 1 – 9), судебная система и судопроизводство (главы 10 – 14), имущественное право (главы 15 – 20), уголовное право (главы 21 – 22), особые случаи – главы о стрельцах, о казаках, о корчмах (главы 23 – 25).

По сравнению с Судебником 1550 г., который полностью посвящен уголовному праву, в Уложении 1649 г. ему отводится только десятая часть глав, в три раза меньше, чем имущественному праву. Понимание своевременности и необходимости обеспечения институциональных условий развития общероссийского рынка прослеживается здесь весьма четко. В этом же направлении следует, например, глава 19 в выделенном выше разделе по имущественному праву, посвященная посадским людям. Отныне посадское население обособлялось в особое сословие и прикреплялось «безлетно и бесповоротно» к посаду. Из посада теперь нельзя было просто так уйти, но и войти в него можно было только при условии вступления в тягловую общину. Все жители посада должны были нести тягло – т.е. исполнять повинности в пользу государства и платить подати. Иными словами, все, кто занимался торгами и промыслами должны были нести посадское тягло. Параллельно свободные ранее от тягла «белые слободы», т.е. свободные от податей и повинностей государству, принадлежащие светским феодалам и Церкви (отсюда, кстати, и «Белый город» в Москве), безвозмездно прикреплялись к государственным посадкам.

Эта глава была специально принята по многочисленным челобитным посадских людей, не прислушаться к которым после недавнего Соляного бунта 1648 г., охватившего Москву, а также Сольвычегодск, Устюг, Козлов, Талицк, Томск, Курск, Елец, составители Уложения, руководимые князем Н.И. Одоевским, просто не могли. Эта глава Уложения удовлетворяла требованиям посадских людей оградить их от конкуренции разных чинов людей, которые, исходя из служилых, духовных, крестьян, торговали и занимались разными

промыслами близ посадов. Не неся при этом посадское тягло. Таким образом, согласно В.О. Ключевскому, «посадское тягло с торгов и промыслов стало сословной повинностью посадского населения, а право городского торга и промыслов – его сословной привилегией». Однако, это зафиксированное законом положение не было до конца реализовано на практике и весь XVII век посадские люди продолжали ходатайствовать о ликвидации «белых мест», расширении городских территорий и запрещении крестьянам заниматься торгами и промыслами. Со своей стороны, боярская верхушка, понеся определенные материальные потери, встала на путь полного прекращения Земских соборов – после 1649 г. они собирались только трижды. Отныне верховная власть опиралась не на земское представительство, а на придворную и приказную бюрократию. Началась бюрократизация управления, получившая логическое завершение при Петре I (Бушуев, 1994, с. 129-131).

Предоставляя определенные привилегии богатейшим царским гостям и отчасти купцам других разрядов, Русское государство (в отличие от той же Польши) стремилось активно контролировать хозяйственную деятельность, прежде всего, через монополизацию торговли пушниной, а также солью, поташем, водкой, пивом, медами. Рынок зерна уже функционировал в национальном масштабе, но на экспорт требовалось царское разрешение. Вместе с тем, первые Романовы поочередно возлагали на царских гостей (финансировавших казну в форме пожертвований, займов, безвозвратных ссуд) ведение экспортных операций с товарами, которые относились к государственным монополиям, управление Архангельской и Астраханской таможней, сбор налогов, даже управление Монетным двором и Сибирским приказом. Два-три десятка царских гостей фактически состояли на царской службе и были облечены и огромными привилегиями, и огромной ответственностью. За выполнение возложенных на них задач они отвечали не только своим имуществом, но и своей головой. Масштаб безвозвратных поступлений от царских гостей на различные государственные цели можно оценить на примере Строгановых, организовавших и финансировавших первый

поход в Сибирь. Так, они предоставили только на первую и вторую польскую войну (соответственно, 1632-1634 гг. и 1654-1656 гг.) царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу 412 тысяч рублей (Бродель, 1992, с. 456-458). Для сравнения – эта сумма почти вдвое превышает совокупный доход бюджета государства за 1616 г. или составляет треть его дохода за 1679/1680 г. (единственных годов по которым сохранились сводные бюджеты и поэтому возможны сравнения).

Совсем как на Западе, ни один из крупнейших купцов - царских гостей не был узко специализирован, и каждый из них обязательно вел торговые операции крупного масштаба, охватывающие разнообразные территории. Например, один из самых богатых гостей Григорий Никитников занимался продажей соли, рыбы, сукон, шелков; был вовлечен в экспорт через Архангельск; участвовал в торговых операциях на Волге, владея судами в Нижнем Новгороде; вел дела в Москве. А купец Шорин перевозил товары из Архангельска в Москву, из Москвы – в Нижний Новгород, а оттуда – в Астрахань; однажды он по уговору с компаньонами одновременно скупил 100 тысяч пудов соли. Гость Гаврила Никитин вел торги от Архангельска до Китая, в торговле с которым он выделялся размахом своих операций наряду с гостем Филатьевым. Кроме того, все крупнейшие купцы, помимо других активностей, занимались розничной торговлей в Москве. В итоге, поддерживая гостей, царская власть – в противоположность тому, что происходило в Польше – поддерживала самостоятельную торговую жизнь, которая охватывала всю территорию страны, связывала внешнюю и внутреннюю, оптовую и розничную торговлю (Бродель, 1992, с. 458; История народного хозяйства..., 1960, с. 92, 95). Иными словами, таким путем государство активно способствовало укрупнению сбыта, вовлечению областных (региональных) рынков и местных торжков в процесс формирования единого общероссийского рынка, укреплению рыночных связей внутри государства и становлению конкурентоспособных участников внешней торговли, а в конечном счете – активному развитию территориального разделения труда в

масштабах всей растущей страны и эффективному участию в международном разделении труда.

Государственная власть активно опиралась на национальный капитал, создавала особые условия купеческому сословию, прежде всего, конечно, его богатейшим слоям, формируя институциональные основы общероссийского рынка, ограждая национальный капитал от иностранной конкуренции. Так, в 1649 г. по требованию русского купечества англичан лишили торговых привилегий.

В 1653 г. принимается Торговый устав, ставший важнейшим шагом к формированию общероссийского рынка. Он ликвидировал сложившуюся очень сложную систему внутренних таможенных пошлин: Устав вводил единую торговую пошлину с торгового оборота на всей территории государства (первоначально – за исключением Сибири). Ставка пошлины составляла 5% с продавца (10 денег с рубля) и 2,5% с покупателя (5 денег с рубля). Многочисленные мелкие пошлины упразднились. Унификация таможенного обложения со временем проводилась и в Сибири, что также способствовало ее вовлечению в общероссийский рынок. Торговый устав запрещал также взимание проездных пошлин во владениях светских и духовных феодалов. Он ограничивал крестьянскую торговлю торговлей с возов. Повышались пошлины на товары иностранных купцов. (История народного хозяйства..., 1960, с. 93).

Новоторговый устав 1667 г., составленный под руководством главы Посольского приказа А.Л. Ордина-Нащокина в лучших традициях тогдашнего европейского меркантилизма, предоставлял русским купцам льготы в целях расширения экспорта (беспошлинная торговля во всех пограничных городах и на ярмарках) и защиты внутреннего рынка. Стимулировалось создание торговых компаний на комиссионных началах. Покупка иностранцами русских товаров ограничивалась определенными сроками и местами (два раза в год и только на ярмарках); вводился запрет для иностранных купцов на розничную торговлю в городах России, а беспошлинная оптовая – разрешалась только в пограничных городах (Архангельск, Новгород, Псков и др.). Правда, территориальные ограничения не распространялись на восточных купцов. С иноземцев взимались

более высокие таможенные пошлины, чем с русских купцов, причем в иностранной валюте. Ввоз заграничных товаров подлежал строгому учету и контролю. Вывоз из России золота и серебра запрещался, но иностранцы, привозившие в страну золото и серебряные талеры (ефимки) и менявшие их на границе на русские деньги, могли беспошлинно покупать и вывозить русские товары за границу (История народного хозяйства..., 1960, с. 95-96).

Включение России в мировые экономические связи, распространение и развитие товарного производства и товарного обращения, рост потребностей государства способствовали усилению денежного обращения в стране. Это четко прослеживается в изменении государственного бюджета, в том числе в изменении в его доходной части значения пушного ясака, на протяжении XVII века. Характер этих изменений вскрывается при сравнении единственных сохранившихся сводных бюджетов – за 1616 и 1679/1680 гг. (напомним, что 1616, это еще «смутный» год, последний поход на Москву был организован поляками в 1617-1618 гг.). Учитывая, что в XVII веке в структуре государственного управления не было еще единого финансового ведомства, сводный бюджет понимается как сумма доходов и расходов по всем Приказам.

Совокупный доход бюджета в 1616 г. составил 257,5 тыс. рублей, а в 1679/1680 гг. – 1 млн. 220 тыс. рублей, т.е. вырос, даже с учетом инфляции, которая может быть оценена за весь XVII век на уровне 25%, не менее, чем в четыре раза. В 1701 г. доходы всех приказов определялись уже в 4 млн. 600 тыс. рублей, т.е. снова возросли примерно в четыре раза. Основными статьями государственных расходов были преимущественно содержание войска и дворцовое управление: в 1679/1680 гг. на эти цели расходовалось, соответственно, 62% и 20% бюджета. При этом государственные издержки на казенные промышленные предприятия составляли всего 5%. Система взимания налогов была реформирована в 1679 – 1681 гг. – поземельное обложение (с «сохи», включавшей определенную площадь пашни) было заменено подворным, когда единицей обложения стал двор. После реформы все налоги были объединены в стрелецкую подать с особыми тарифами для различных районов страны –

пределы колебаний составляли от 80 копеек до 2 рублей со двора. Фискальная реформа расширила круг налогоплательщиков, так как в результате ими становились и лишенные земли бедняки-дворовладельцы. Принцип круговой поруки и раскладки повинностей по имущественному положению оставался в силе. Наряду с этими прямыми существовали и косвенные налоги с населения, представленные главным образом таможенными сборами и доходами от продажи спиртных напитков. Ряд нововведений в этой сфере не удался, как например, введение повышенной пошлины на соль в 1646 г., окончившееся Соляным бунтом. Важную роль в государственном хозяйстве играли и натуральные повинности – этими путями строились оборонительные сооружения – «засечные черты», обслуживались подводами «ямы», а вплоть до последней четверти XVII века уезды Поморья были обязаны поставлять хлебные запасы в Сибирь. Особое место занимал ясак с коренного населения Сибири, который собирался натурой. Уже в 1616 г. стоимость поступивших в казну сибирских мехов по московским оценкам превышала 40 тыс. рублей, в 1680 г. – 102 тыс. рублей, в последние годы века она колебалась от 130 до 140 тыс. рублей (История народного хозяйства..., 1960, с. 96-98).

Таким образом, в течение XVII века поступления сибирских мехов в казну возросли более чем в три раза. В то же время, на фоне более динамичного роста доходов государственного бюджета в результате общего экономического подъема в стране, их доля в поступлениях бюджета падала: если в 1616 г. поступление сибирских мехов в казну составляло примерно 1/6 доходов бюджета, то в 1680 г. эта доля сократилась вдвое, составив примерно 1/12, а в конце века сократилась еще в три раза, составив примерно 1/36 государственных доходов. Вместе с тем, «мал золотник, да дорог» – значение поступления «мягкой рухляди» в казну определялось не столько ее формальной долей в общих доходах, сколько прежде всего тем, что дорогие меха, поступающие в царскую казну из Сибири, были важным источником денежного металла, главным образом серебра. Крайне необходимое для государственных нужд серебро – не только для чеканки монеты, но и, например, для оплаты иностранных военных специалистов в «войсках

иноземного строя» или для технологического трансферта – в XVII веке в России не добывалось и могло поступать только из-за границы в ходе внешней торговли. Именно меха выступали эксклюзивным экспортным товаром, за который иностранные контрагенты готовы были платить серебром.

Серебро поступало в виде иностранной монеты – иохимсталлеров и риксдалеров, именовавшихся в России «ефимками», а также предметов из серебра. На Монетном дворе производилась перечеканка заграничного серебра в русскую монету. На этой операции казна получала прибыль, достигавшую 25-35%. В обращение поступали серебряные деньги мелкого достоинства – копейка, денга, равная полукопейке, и полушка, составлявшая четверть копейки. Попытки правительства замещать серебряные деньги в обращении бесконтрольным выпуском медных денег, когда предполагалось выдавать жалованье медными деньгами, но взимать при этом налоги в серебряной монете, предпринятые в 1654 – 1662 гг., не оправдали ожиданий по пополнению дефицита государственного бюджета, но, напротив, спровоцировали в 1662 г. Медный бунт в Москве и ряде других городов (История народного хозяйства..., 1960, с. 96-97).

В 1599 г. сибирские территории были переданы в ведение Казанского приказа, где, в отличие от большинства областных приказов, действовали разрядный, поместный и денежный столы, которые осуществляли теперь свою деятельность на всех вновь присоединенных территориях. В 1621 г. учреждается Сибирская епархия. Следующим шагом стало создание в 1637 г. специального Сибирского приказа с широкими полномочиями – от административно-финансовых до военных и дипломатических. Общероссийская система административного деления и управления (уезды во главе с воеводами) постепенно распространялась и на Сибирь. Согласно «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова, составленной по распоряжению Сибирского приказа в 1699-1700 гг., уездов-земель, приписанных к определенным городам, было 18.

В Сибирском крае была создана четкая иерархия управления. С 1590 г. московские власти стали вести все сношения с правителями вновь присоединенных к России Сибирских областей только через Тобольских воевод.

Старшинство тобольских воевод, несмотря на явное сопротивление этому со стороны воевод других сибирских городов, было подтверждено в наказах царей Бориса Годунова и Василия Шуйского. После завершения «смутного времени» окончательно складывается Тобольский разряд, в состав которого первоначально входили все города Сибири: Верхотурье, Тюмень, Туринск, Тара, Пелым, Березов, Мангазея, Сургут, Нарым, Томск, а также остроги: Кетский, Енисейский, Кузнецкий (Ципоруха, 2004, с. 139).

Тобольский разряд (область), вначале включавший Березовский, Верхотурский, Енисейский и другие уезды, после образования в 1629 г. Томского, в 1639 г. Ленского, а в 1677 г. Енисейского разрядов, все равно сохранил статус «столицы Сибири», и правительственные указы требовали от уездных воевод согласовывать свои действия с тобольскими воеводами. Через Тобольск шли основные пути в Сибирь и обратно. Помимо административных он выполнял важнейшие логистические функции, играя, в частности, роль своеобразного речного адмиралтейства всего Зауралья, предназначенного снабжать плотбища не только Обского, но также Енисейского и Ленского бассейнов всем необходимым для постройки судов.

Решение транспортных задач и четкое взаимодействие при этом всех субъектов деятельности входили в круг первоочередных задач воевод наряду с исправным сбором и отправкой пушного ясака. Напротив, таможенный голова, который кроме взимания таможенных сборов, мог весть снабжением населенных пунктов продовольствием, откупам и наймом проводников – «вожжей», назначался не воеводами, а непосредственно Казанским и затем Сибирским приказом. Часто на такую должность назначались поморские купцы.

Эффективность сибирской администрации XVII века, ее соответствие местным реалиям косвенно подтверждается «долгожительством» Сибирского приказа (после превращения в 1711 г. в Московскую канцелярию Сибирской губернии его пришлось воссоздать в 1730-1763 гг. как центральное государственное учреждение).

На исходе первой трети XVII века, в 1632 г. в правление первого царя династии Романовых, Михаила Федоровича (годы правления – 1613 –1645) в российской армии организуются войска «иноземного строя» – части регулярной армии, принципиально отличавшиеся от дворянского войска – по сути милиционной армии, которая обеспечивалась во многом раздачей поместий с крепостными крестьянами, и обязывалась собираться по воле государя «людно, конно и оружно» лишь на время военных кампаний. На исходе третьей трети XVII века, в правление внука царя Михаила Федоровича, царя Федора Алексеевича (годы правления – 1678 –1682) сложились военные и финансовые округа. Важнейшая причина их формирования – необходимость обеспечения финансирования войск «иноземного строя», численность и значение которых неуклонно возрастали. Сложившемуся тогда делению страны на военные и финансовые округа в целом соответствовало административное деление страны на губернии, принятое в результате областной реформы 1707 – 1709 гг., проведенной Петром I во многом со схожими целями (Авшаров, 1982, с. 92).

3.3. Трансформация территориальной структуры хозяйства

Сибирский острог XVII века – центр «объясачивания» местного населения, сбора пушнины государством, торговли ею и промысла пушного зверя первопроходцами – был типовым элементом территориальной структуры освоения Сибири наряду с водными путями. Поэтому ход вовлечения зауральских земель в пушной промысел ради сбыта на глобальном рынке, динамику соответствующей «волны освоения» территории можно проследить по датам основания острогов в бассейнах сибирских рек (см. Схему 1.3.3., помещенную в конце параграфа).

Поход казацкого атамана Ермака, организованный купцами и солепромышленниками Строгановыми в 1581–1585 гг. и положивший начало освоению Сибири, еще не дал прочных результатов, но показал необходимость государственного вмешательства в форме отправки «служилых людей» и строительства опорных пунктов для закрепления на обретаемых

«промышленными и торговыми людьми» землях. Закрепляя движение первопроходцев в Западную Сибирь, строятся в 1586 г. Тюмень на Туре, в 1587 г. – Тобольск при впадении Тобола в Иртыш, который стал главным административным центром Сибири, а затем в 1594 г. Тара на Иртыше. В 1593 г. «ставится» Березов, в 1594 г. Сургут, в 1598 г. Нарым и в 1604 г. Томск. Вся Обь – нижняя, средняя и верхняя – оказывается в составе Русского государства.

На Европейском Севере, при впадении Северной Двины в Белое море, для обеспечения возрастающей торговли с англичанами и голландцами мехами, поташем, канатами и т.п. в обмен на оружие, сукно и, что очень важно, серебро, на месте Михайло-Архангельского монастыря в 1584 г. закладывается Архангельск, который почти на полтора века стал основным морским портом Русского государства – произошел первый важный шаг развития территориальной структуры страны под влиянием участия в глобальных сырьевых рынках. Архангельск имел самые большие обороты внешней торговли с европейскими странами, оставляя далеко позади такие традиционные внешнеторговые города как Новгород (в свое время входивший в Ганзейский союз), Псков, Смоленск. Количество иностранных кораблей, прибывавших ежегодно в Архангельск, колебалось от 30 до 80. На протяжении XVII века, наряду с мехами, через беломорский порт вывозились кожи, сало, поташ, холст, хлеб. (История народного хозяйства..., 1960, с. 93-94).

Архангельск становится базой освоения Сибири с моря, а архангелогородцы, наряду с устюжанами и вологодцами, составили костяк первопроходцев, осваивавших Сибирь, а позднее – крайний северо-запад Америки, вплоть до Ново-Архангельска на Аляске, т.е. за полтора столетия основавших поселения от 40* вост. долготы до 140* зап. долготы. Период интенсивного освоения Сибири с моря продлится неполных три десятилетия, до выхода в 1619 г. правительственного запрета использования «Мангазейского хода» – морского пути из Архангельска в Обскую и Тазовскую губу.

Сибирь осваивалась главным образом «по суху». В 1596 г. была устроена «официальная» дорога через Урал – Соликамско-Верхотурский путь, который

служил почти два столетия основным путем, связывающим Европу и Северную Азию, Европейскую Россию и Сибирь. Этот путь начинался от Соли Камской, шел по долинам небольших мелководных притоков Камы, затем переваливал через Урал и выходил в долины речек, принадлежащих бассейну реки Туры (а, значит Иртыша и далее Оби). Здесь, на рубеже Европы и Азии в 1598 г. был основан город Верхотурье, ставший воротами в Сибирь, считавшийся первым от Москвы сибирским городом. Только через этот город должны были проезжать купцы, промышленники и служилые люди. В 1600 г. в Верхотурье был выстроен большой гостиный двор и одновременно издан указ производить торги во всем Верхотурском уезде только на этом гостином дворе. Правительство из фискальных соображений стремилось направить все сообщение с Зауральем через Верхотурскую заставу. Все купцы, везшие товары из Сибири или в Сибирь, подвергались здесь досмотру и должны были платить пошлину. Власти активно боролись с попытками прокладывать обходные дороги, приказывая всякий раз такую вновь открывшуюся дорогу «засечь накрепко, чтобы отнюдь конным людям проезду, а пешим проходу не было». По Соликамско-Верхотурскому пути в Сибирь шли русские и западноевропейские товары, а в обратном направлении – не только сибирские, но и бухарские и китайские. Особенно оживлялся город зимой. Зимняя перевозка предпочиталась летней особенно потому, что зимой крестьяне не были заняты полевыми работами и охотно занимались этим отхожим промыслом (Градостроительство Сибири, 2011, с. 63-64).

В первый же год XVII века волна освоения вышла за пределы Обско-Иртышского бассейна: в низовьях реки Таз в 1601 г. была основана Мангазея. Она была прозвана «златокипящей» как центр богатейшего промыслового района первой половины столетия: из Мангазейского уезда, раскинувшегося по тундре и тайге на многие сотни тысяч квадратных километров, ежегодно в течение первой половины XVII века вывозилось 100-150 тыс. соболиных шкурок (Ципоруха, 2004, с. 170). Естественным восточным продолжением Мангазеи на Енисей в 1607 г. стал Туруханск. Движение вверх по Оби закрепилось основанием в 1604 г. Томска, а затем в 1618 г. – Кузнецкого острога в верховьях Томи. В следующие

два десятилетия было освоено среднее течение Енисея, поставлены Енисейск в 1619 г. и Красноярск в 1628 г., разведаны пути по его правым притокам к Лене. Базой освоения ее бассейна с юга стал заложенный в 1630 г. на одноименном притоке Ангары Илимский острог.

Местоположение Мангазеи при основании Тазовской губы – выше устья в 300 км – на правом берегу, оказалось удобным для продвижения как на восток по системе рек Таймырского полуострова (Пясине, Хете и Хатанге), так и на юг, на Средний Енисей, что превратило на какое-то время этот заполярный город в опорный центр дальнейшего расселения по всей обширной прилегающей территории. Туруханское зимовье, основанное в 1607 г. находилось в конце дороги-волока, начинавшейся с реки Таз от Мангазеи, на реку Турухан, левый приток Енисея. Путь водой на малых судах занимал три-четыре недели, и волок был длиной примерно в версту через гору. Значение Туруханска определялось его положением в районе устья Нижней Тунгуски – полноводной реки, ведущей вглубь Восточной Сибири в широтном направлении, что делало его важным пунктом на пересечении северных широтных и меридианальных речных путей (Градостроительство Сибири, 2011, с. 68).

Запрет прямых плаваний из Белого моря в Мангазею 1619 г. вызвал увеличение торговых перевозок из Тобольска и Березова кочами по рекам и далее по Обской и Тазовской губе. Если до 1619 г. власти использовали этот путь главным образом для доставки в Мангазею служилый людей и продовольствия для гарнизона, то после запрета плаваний из Архангельска большую роль в использовании Тобольского маршрута стали играть купцы-гости. Наиболее ранние сохранившиеся сведения о торговых плаваниях по речному маршруту в Мангазею относятся к 1626 г., когда из Тобольска прошли «на кочах многие торговые люди с хлебными запасами». В обратном направлении в 1628 г. из Мангазеи на Обдорск на судах торгового каравана отправились примерно полторы сотни купцов и промышленников, которые далее проследовали через Урал на Русь. Частные торговцы завозили в Мангазею и Туруханск столько хлеба, что цены на него стали падать, оказалось, что казне дешевле закупать хлеб у торговцев в Мангазее,

чем завозить его туда самим. В результате власти отказались от казенной хлебной торговли (Белов, 1956, с. 120, 121).

Плавание по Нижней Оби и далее в Мангазею в то время было весьма интенсивным. Так, в ноябре 1630 г. в Мангазею из Тобольска прибыл торговый караван, состоящий из 28 кочей, на которых находилось 345 человек. При этом многие торговцы-владельцы кочей привозили товаров на крупную по тем временам сумму в 1000 рублей и более. Купцами завозилось практически все необходимое для быта и для обмена на меха: хлеб, крупа, соль, кожи, сети, лыжи, одежда, нитки, сукна, свечи, котлы, бусы, колокольчики, ожерелья и т.д. Частным торговцам запрещалось торговать «заповедными товарами» – оружием, воинским снаряжением, железными изделиями и вином, – торговля этими товарами и снабжение воинских гарнизонов были привилегией казны (Ципоруха, 2004, с. 183). Большинство товаров, завозившихся купцами и их приказчиками обменивались на меха – соболей, писцов, бобров. О масштабах торговли мехами можно судить по данным таможенных книг – сдаче в виде пошлины подлежала каждая десятая из предъявленных собольих шкурок, добытых или купленных. В 1630-1637 гг. эта десятая часть составляла в среднем 146 сороков (5800 шкурок) (Белов, 1956, с.122; Белов..., 1980, с. 80).

Значительно южнее, основание Кетского в 1602 г. и Томского в 1604 г. острогов также приблизило границы освоения к Среднему Енисею. Река Кеть открывала связь между бассейнами Оби и Енисея: во-первых, небольшой волок соединял ее с левым притоком Енисея рекой Кас, а во-вторых, другой волок вел к другому левому притоку – реке Кемь. Оба маршрута приводили в район впадения в Енисей полноводного правого притока Енисея – Верхней Тунгуски (Ангары), открывавшей южный путь в Восточную Сибирь. В 1618 г. на волоке между Кетью и Кемью срубили острог, а так как его местоположение символизировало вершину-макушку между бассейнами Оби и Енисея, то его назвали Маковским. Енисейский острог, Енисейск поставили на левом берегу Енисея, но не в устье Кеми, часто менявшей русло, а недалеко от него, в устье более стабильной реки Мельничной. Енисейск занял центральное положение в регионе на пересечении

южных широтных и меридианальных речных путей. Эта новая дорога в Восточную Сибирь по Оби на Кеть и Маковский волок и далее через Енисейск на Ангару была удобнее и короче, чем прежняя, северная. Эта дорога связывала водные пути по трем великим сибирским рекам – Оби, Енисею и Лене – и надолго стала главной магистралью в Восточную Сибирь. В свою очередь, дальнейшее продвижение по Енисею на юг было связано со строительством в 1628 г. крепости Красный Яр (названной так по красному цвету пород обрывистого берега Енисея у впадения в него реки Качи), которое надолго обезопасило не только Енисейск, но даже Томск (Градостроительство Сибири, 2011, с. 68-69).

Южный путь в Восточную Сибирь оказался более легким и востребованным. Постепенно на него переместилось снабжение региона по Нижнему Енисею и Нижнему Тазу, в том числе и Мангазеи. Так, в Туруханск хлеб доставляли на речных судах из Енисейска. Из-за трудностей и постоянных аварий кочей путь от Березова по рекам и Обской и Тазовской губам в Мангазею постепенно переставали использовать. И в 1667 г. на основании указаний Сибирского приказа Тобольский воевода отдал приказ о запрещении плаваний по Обской и Тазовской губам: «впредь кочевого хода не будет, а посылать через Енисейск». (Белов, 1956, с. 125).

В 1630-х гг. настало время освоения бассейнов Лены, Яны, Индигирки. Якутский острог в среднем течении Лены и Жиганский в нижнем ее течении начали строить в 1632 г., Вилюйский на одноименной реке – в 1634, Олекминский острог на Витиме – в 1635 г. Опорные пункты «шагали» дальше на восток: Верхоянское зимовье казаки поставили в 1638 г. на Яне, Зашиверское в 1639 г. – на средней Индигирке. В 1640-е гг. пришла очередь Колымы (1644 г. – Нижнеколымское), Охотского моря (1646 г. – Охотск), Чукотки (1649 г. – Анадырь). Вдоль Лены и по ее притокам складывались локальные группы поселений. Главным центром региона стал Якутск. Локальные группы поселений появились также в устьях Колымы, Индигирки и Яны, в среднем течении Колымы и в верховьях Анадыря.

Затем волна освоения повернула на юг – Иркутск на Ангаре был основан в 1652 г., Нерчинск на Шилке – в 1654. В 1679 г. возник второй опорный пункт России близ Охотского моря – Удский острог. А в 1689 г. была построена Верхнеудинская крепость (современный Улан-Удэ) у слияния рек Уды и Селенги. Однако ряд заложенных острогов на Амуре пришлось временно оставить по Нерчинскому договору 1689 г. с Циньской империей.

Таким образом, к 1690 г. первая волна территориального развития России под воздействием глобальных сырьевых рынков достигла своих пределов – физико-географических на севере и востоке, геополитических на юго-востоке (см. Схему 1.3.3.). Одновременно на западе, у ее истоков, стал ощущаться и биогеографический (сырьевой) предел – в 1672 г. по царскому приказу Мангазея была покинута, ее гарнизон переведен в Туруханск. Хищнический промысел привел к полному оскудению угодий, которые еще в середине века были так продуктивны.

Важную роль в освоении пушных богатств Сибири, этой первой волны территориального развития, связанной с глобальным сырьевым рынком, сыграло устройство водно-волоковых сообщений в период летней навигации, в том числе в направлении запад-восток, между бассейнами великих сибирских рек. Оно было регулярным и интенсивным. Перевозки хлеба, соли, военных грузов из Европейской России в бассейн Лены обеспечивали, в частности, 4 регулярных каравана. Первый – от Верхотурья, считавшегося первым от Москвы сибирским городом, конечного пункта Камско-Туринского волока, до Тобольска. Второй – от Тобольска до Маковского острога на Енисее. Третий – от Енисейска до Илимска и далее до Усть-Кута на Лене. Четвертый караван собирался в Усть-Куте до Якутска. В середине XVII в. караваны в Тобольске, которые весной изготавливались «в Ленскую службу, в ход до Маковского острогу», могли насчитывать свыше сорока дощаников – крупных плоскодонных парусно-гребных судов длиной до 20 м и грузоподъемностью до 40 т (Ципоруха, 2002, с. 174-175).

Для поддержания речного судоходства во всех трех великих речных системах Сибири были созданы центры судостроения, причем самые крупные –

на водоразделах, что облегчало переброску из бассейна в бассейн привозных материалов для судов (металлоизделия и такелаж везли из Европейской России в начале века, но со второй его половины уже производили и в Зауралье, где даже имелись необходимые посевы конопли).

В Обско-Иртышском бассейне наиболее крупным было Верхотурское плотбище. От его основания и до закрытия «Мангазейского хода» здесь строили даже «морянки» (кочи), а всего для казенных нужд на исходе первой четверти XVII в. – свыше 80 различных судов в год. Существовали и частные судостроители, работавшие на открытый рынок и не зависевшие от казенного снабжения. Судостроительными центрами того же бассейна были Тюмень, Тобольск и Томск. В бассейне Енисея основным плотбищем было Енисейское (где для нужд казны во второй половине века изготавливалось за год не менее 20 дощаников и много более мелких судов) значительными – Иркутское и Красноярское. Главное плотбище Лены находилось в Усть-Куте (10-15 дощаников, 3-4 коча, десятки мелких судов), а другим значительным центром со второй половины столетия стал Якутск; в последней трети века судостроительным центром стал и Охотск (Ципоруха, 2002, с. 174-177; Широкопад, 2004, с. 7).

От создания верхотурского плотбища в бассейне Оби до енисейского прошло примерно 20 лет, до создания усть-кутского в бассейне Лены – около 40, до создания охотского – 60 лет. Таким образом, «межбассейновый» шаг волны территориального развития в сибирском судостроении XVII века составил примерно двадцать лет.

В XVII веке основными центрами строительства кочей были верфи Соловецкого монастыря, Усть-Кола, Кемь, устье Северной Двины, Холмогоры, Пустозерск в устье Печоры, а в Зауралье – Березов, Обдорск, Верхотурье, Мангазея (до запрещения «Мангазейского хода»), позднее – Якутск и Колымский острог. Именно на крупных кочах, построенных в Колымском остроге, отправилась в свое путешествие экспедиция Алексеева-Дежнева, результатом

которой стало открытие в 1648 г. пролива между Ледовитым и Тихим океанами (Соломонов..., 2012, с. 36-40).

В Зауралье – в Верхотурском, Тобольском и Тюменском уездах, которые привлекли наибольшее число переселенцев из Европейской России, – к концу XVII века сложился крупный очаг русского земледелия, позволивший правительству почти полностью отказаться от доставки хлебных запасов за Урал из уездов Поморья и Поволжья. Далее на восток выделялись земледельческие районы, приуроченные к крупным очагам освоения вокруг основных острогов на великих сибирских реках: Томско-Кузнецкий, Енисейско-Красноярский, Илимоленский, сложились очаги земледелия и в Забайкалье – в окрестностях Нерчинска. На рубеже XVIII века общая возделываемая площадь за Уралом достигала 100 тыс. десятин. По составу высеваемых хлебов Сибирь не имела заметных отличий от остальной России – преобладали «серые хлеба»: главными культурами были рожь (озимая и, отчасти, яровая), овес, ячмень; значительно меньше были распространены пшеница, гречиха, просо, горох. Продуктивность земледелия во многом зависела от почвенно-климатических условий и отличалась поэтому сильными колебаниями. Так, для ржи – от сам-2 в Подмосковье до сам-8 в Зауральских уездах. Из технических культур преобладали лен и конопля. На Урале и в Сибири большое распространение получил сбор дикорастущего хмеля, который был ходовым товаром на рынке. Скотоводство было распространено в той или иной степени всюду, однако, в XVII веке не наблюдалось еще резко выраженных порайонных различий в разведении рабочего, мясного и молочного скота (История народного хозяйства..., 1960, с. 84-85).

Сельское хозяйство, точнее хлебопашество, сыграло важнейшую роль на начальном этапе становления и развития городов Сибири. В этом смысле, не только меха, но и хлеб – пока он был дефицитен и дорог – выступали экономической базой первой волны сибирской урбанизации, особенно в развитии не военно-административных, а экономических функций закладывавшихся острогов-городов, т.е. когда «освоить» значило не только «присоединить и контролировать», но и «устойчиво закрепиться, преумножить и развить».

Так, Тюмень была первым значительным очагом русского земледелия в Сибири и в своем уезде – в отличие от Верхотурья – не имела в XVII веке больше никаких городских поселений. Это обстоятельство было зафиксировано даже в народной пословице – «Тюмень – столица деревень». Уже в первое десятилетие его существования, в 1596 г., в городе насчитывалось 26 «пашенных людей», т.е. он выступал не только административным, но и хозяйственным пунктом. В 1626 г. Тюмень являлась центром значительного по тогдашним сибирским меркам хлебопашенного ареала – из 520 служилых, посадских, крестьян и ямщиков, составлявших ее население, 70% имели пашни, которая в целом составляла 4 тысячи десятин. Горожане основали десятки деревень в округе. В эти же годы в Тюмени уже существовал крупный хлебный рынок. Крупнейшим покупателем тюменского хлеба в первой половине XVII века выступала казна. Помимо нее хлеб покупали торговые люди и мелкие промышленники. Цены на хлеб в то время были весьма высоки, и товарное сельское хозяйство было важным элементом экономики города, обеспечивая постоянный и значительный приток средств, в том числе и денежных. В значительной мере, поэтому наметившаяся с середины 1630-х гг. специализация Тюмени как центра кожевенного производства, вполне реализовалась только с 1650-х гг., когда приток слободского хлеба и развитие зернового хозяйства в других районах Сибири сбили цены на хлеб и сделали вложение средств в сельское хозяйство менее выгодным, чем в торговлю и промышленное производство (Курилов, 1981, с. 115-119).

Те сибирские города, которые в XVII веке назывались «непашенными», как правило, так и не развились в торгово-промышленные центры. Дополнительное свидетельство необходимости сельского хозяйства для успешного развития сибирских городов в XVII веке можно видеть в сравнении траекторий развития южносибирских городов и городов севера Сибири, расположенных в таежной и тундровой зоне. Ни один из этих последних – от Пелыма и Березова на северо-западе до Зашиверска, Среднеколымска на северо-востоке и Охотска на крайнем востоке – не превратился в устойчивый торгово-промышленный центр, но все они зависели главным образом от административных функций, в том числе Охотск,

где судостроение имело главным образом военный и экспедиционный характер. Даже Якутск, крупнейший административный центр, не стал в XVII веке городом в социально-экономическом отношении – в нем практически не было ни посадских, ни ремесленников. Напротив, на юго-западе Сибири нередко даже остроги, как Ялуторовский, или слободы, как Ирбитская, становились городами в подлинном (экономическом) смысле слова. Устойчивость «пашенным» сибирским городам и острогам придавало именно сельское хозяйство, обеспечивавшее не только приток средств от продаж, но и развитие деревенской округи. Оно выступало в XVII веке первичным элементом их социально-экономической структуры, над которым и в связи с которым могли развиваться другие элементы, формировавшие город как торгово-промышленный центр (Курилов, 1981, с. 113-114).

Если сельское хозяйство обеспечивало устойчивую локальную базу развития сибирских городов на стартовом этапе их становления, то главной экономической функцией сибирских городов, определявшей их место в общественном разделении труда, в частности, характер отделения города от деревни, в XVII веке выступала торговля, обслуживание – установление и поддержание – торговых связей. Эти связи могли иметь различный пространственный масштаб – локальный, региональный, международный. Так, через «столицу Сибири» – Тобольск – реализовывались торговые связи всех перечисленных масштабов: до конца 1680-х гг. Тобольск был главным центром российско-китайской торговли – за 1639-1687 гг. обороты российско-китайской торговли через Тобольск возросли более чем в 130 раз и в 1687 г. превысили 24 тысячи рублей. За 1639-1674 гг. Тобольск посетило 38 бухарских караванов. Торговля со Средней Азией велась также в Тюмени и Таре (История народного хозяйства..., 1960, с. 94-95).

При этом сибирские города были вовлечены в процесс формирования общероссийского рынка и характер торговли, осуществляемой в том или ином городе – ее объемы, товарная структура и структура основных участников – мог значительно изменяться от десятилетия к десятилетию XVII века, в зависимости от развития конъюнктуры не только данного регионального, но также и

общероссийского рынка (см. например, Курилов, 1978). Свою роль в развитии сибирских городов играли и геополитические факторы. Так, в 1689 г. был подписан Нерчинский договор России с Китаем, который содержал специальную статью, стимулирующую взаимную торговлю, и Нерчинск стал с тех пор играть важнейшую роль в русско-китайской торговле, а в Тобольске она постепенно свертывалась (История народного хозяйства..., 1960, с. 95). Отметим попутно этот шаг развития основного центра внешней торговли России на юго-восточном направлении в XVII веке в ходе реализации «меховой» волны освоения Сибири.

Важнейшим центром торговли мехами, сохранившим это значение даже в следующем, XVIII веке был Великий Устюг (История народного хозяйства..., 1960, с. 169). Однако, к концу XVII века в Сибири сложилась своя сеть региональных ярмарок, связанных одна с другой. Сюда относились Тобольская, Томская, Красноярская, Енисейская, Иркутская ярмарки, а после подписания договора с Китаем 1689 г. важным торговым пунктом приграничной торговли стал Нерчинск. Выехав из Москвы русский купец, направляющийся в Сибирь, задерживался в Макарьеве, у Нижнего Новгорода, затем – в Ирбите на Урале. Далее – во всех сибирских торговых центрах, ездя между ними туда и обратно (например, между Иркутском и Нерчинском). В целом, поездка длилась четыре с половиной года, с продолжительными перерывами и задержками в отдельных пунктах. Города и ярмарки Сибири, в конечном счете, связала двоякая сеть обменов: сеть дальней торговли – русские и европейские товары в обмен на товары из Китая, Персии, Средней Азии, а также сеть обмена местных продуктов – прежде всего пушнины – на продовольствие (Бродель, 1992, с. 471-472).

Своеобразие описанному положению придавало то, что эти «местные продукты» – меха, и продовольствие, прежде всего, хлеб – были экспортными товарами России, и выступали первоочередным предметом интересов царских гостей в Сибири (Курилов, 1978, с. 98). При этом, именно богатейшее купечество играло главную роль в дальней торговле с границей, т.е. организовывало каркас обеих названных выше сетей обменов, к которому «крепилась» на каждом локальном рынке остальная масса торгующих, в том числе и другими товарами –

купцов других разрядов, служилых (которые в те времена играли весьма заметную роль в торговле), посадских, и, наконец, «промышленных и пашенных людей» (см. например, Курилов, 1978). Во времена «меховой» волны освоения Сибири хлеб служил здесь не экспортным товаром, а средством получения – путем прямой торговли или как общее средство жизнеобеспечения и освоения региона – мехов, которые были тогда исключительным предметом сибирского экспорта. Ситуация поменялась только в пореформенный период XIX века, когда предметом экспорта из Сибири, преимущественно с юга Западной Сибири, выступал уже если не сам хлеб, то сливочное масло, при производстве которого зерно использовалось как фураж.

В результате реализации «меховой» волны территориального развития XVII века сформировалась морфология – «рисунок» – основного каркаса расселения Сибири, как это видно на рукописной карте начала XVIII века (см. Схему 2.3.3.). Специфика расселения, сложившаяся в результате освоения Сибири в XVII веке, определялась двумя главными факторами – характером речных путей (речной сети) и местами обитания местных племен, которых облагали ясаком – пушным натуральным налогом. В соответствии с географическими особенностями системы речных бассейнов, ареалами обитания местных жителей и наличием мест промыслов производилась и регионализация всей территории Сибири. Располагаясь в устьях рек и на пересечениях водных магистралей, группы поселений имели в XVII веке очаговый характер и были ориентированы на соответствующие остроги-города. Сеть речных коммуникаций (в том числе и удобные межбассейновые волоки) обеспечивала связь между отдельными группами поселений. По мере сельскохозяйственного освоения, прежде всего центра и юга Западной Сибири, а также в сельскохозяйственных районах, сложившихся восточнее, распространялись сельские поселения, во многом схожие с теми, что строились на Европейском Севере и в Предуралье.

Землепроходцы при возведении крепостей и основании поселений использовали свой веками накопленный опыт. Вместе с тем, они учитывали не только местные природно-климатические особенности, но и опыт местных

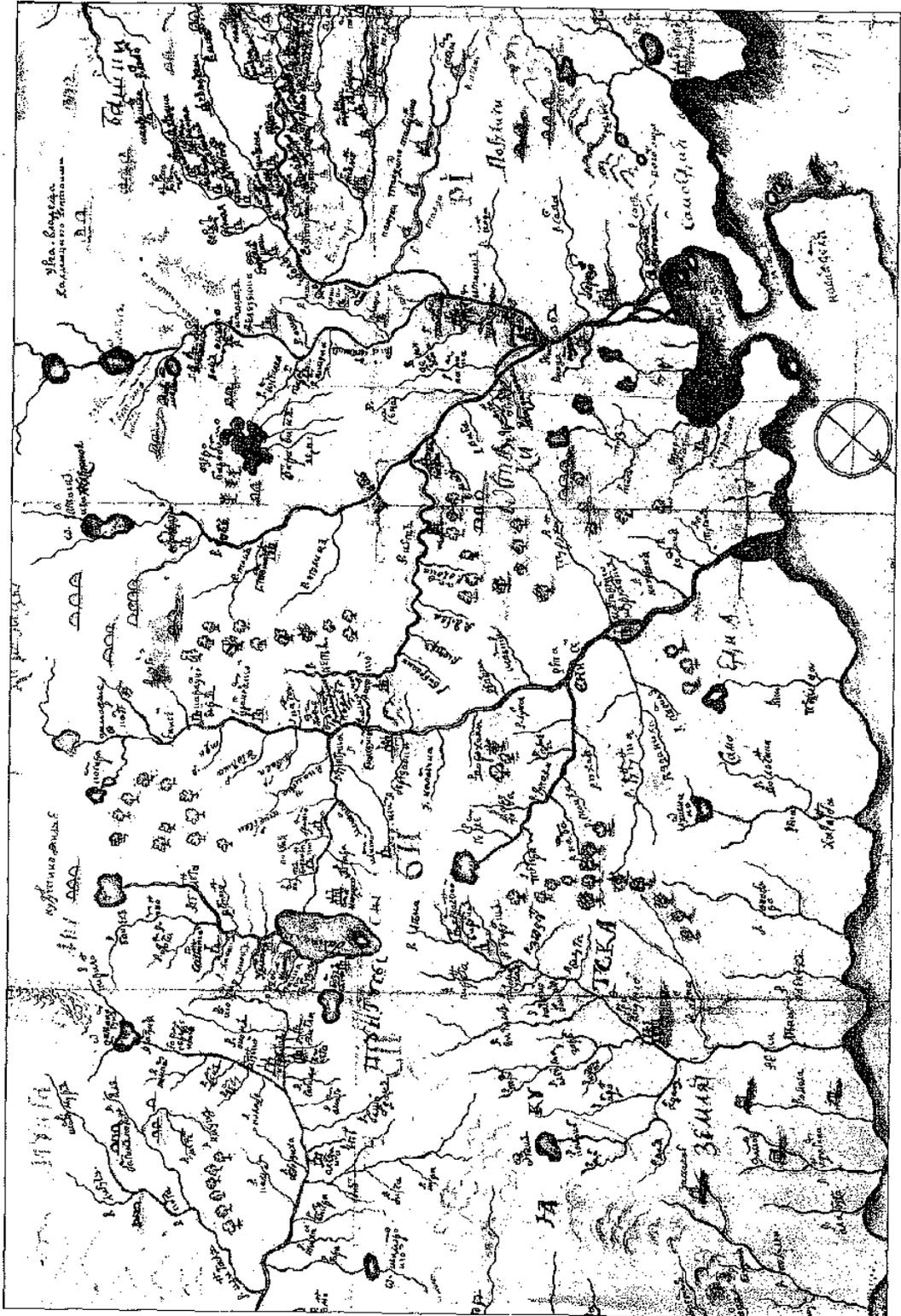
жителей, которые в суровых условиях Сибири научились определять самые пригодные места для проживания и хозяйственной деятельности, а также выработали ряд способов расселения и типов населенных пунктов, максимально соответствующих совокупности местных условий.

Так, большинство русских промысловых поселений были устроены по типу местных, сибирских которые имели несколько сезонных обиталищ — летнее, зимнее и промысловое. Летник располагался непосредственно на реке и предназначался для рыбной ловли; зимник — место постоянного жительства — устраивался на (высокой) террасе долины реки; третье (промысловое) пристанище, находившееся в лесу, использовалось в зимнее время для охоты. Отметим также, что смена местоположения населенных пунктов была распространенным явлением — например, для якутов характерны были мигрирующие и взаимозаменяющие ареалы расселения. Смена их местожительства проходила примерно каждые 10-15 лет в границах одного территориального ареала. Прежде всего, это было связано с родом хозяйственной деятельности, необходимостью естественного восстановления выпасов и охотничьих угодий. Кроме того, распространенным типом поселений у многих местных народов северо-востока Азии являлись ярмарочные пункты, предназначавшиеся только для торговых целей и населявшиеся два раза в год. Число подобных населенных пунктов с приходом русских землепроходцев увеличилось — так возникли Учурская, Анадырская, Анюйская, Майская, Чукотская крепостцы. Это были довольно крупные деревни, имеющие большое число жилых домов, складов, магазинов, церковь. Многие из них вмещали до тысячи человек одновременно. Кроме того, проводились крупные торги в Якутске и Охотске (Градостроительство Сибири, 2011, с. 74).

Так, большинство русских промысловых поселений были устроены по типу местных, сибирских которые имели несколько сезонных обиталищ — летнее, зимнее и промысловое. Летник располагался непосредственно на реке и предназначался для рыбной ловли; зимник — место постоянного жительства — устраивался на (высокой) террасе долины реки; третье (промысловое)

пристанище, находившееся в лесу, использовалось в зимнее время для охоты. Отметим также, что смена местоположения населенных пунктов была распространенным явлением – например, для якутов характерны были мигрирующие и взаимозаменяющие ареалы расселения. Смена их местожительства проходила примерно каждые 10-15 лет в границах одного территориального ареала. Прежде всего, это было связано с родом хозяйственной деятельности, необходимостью естественного восстановления выпасов и охотничьих угодий. Кроме того, распространенным типом поселений у многих местных народов северо-востока Азии являлись ярмарочные пункты, предназначавшиеся только для торговых целей и населявшиеся два раза в год. Число подобных населенных пунктов с приходом русских землепроходцев увеличилось — так возникли Учурская, Анадырская, Аннойская, Майская, Чукотская крепостцы. Это были довольно крупные деревни, имеющие большое число жилых домов, складов, магазинов, церковь. Многие из них вмещали до тысячи человек одновременно. Кроме того, проводились крупные торги в Якутске и Охотске (Градостроительство Сибири, 2011, с. 74).

Схема 1.3.3. Рукописная карта Сибири круга С.У. Ремезова*
около 1718 г. Фрагмент. ГИМ. Отдел картографии

*(приведено по: Градостроительство Сибири, 2011, с.81).

В XVII веке невиданно высокие темпы прохождения и освоения «нехоженой земли» неизбежно приводили к тому, что подчас места для «поставления» острогов и зимовий приходилось выбирать «на глазок», лишь поверхностно осмотрев местность. Поэтому иногда основанные поселения, в том числе и стратегически важные, приходилось переносить. Причиной переноса, а то и самоликвидации населенных пунктов чаще всего оказывался стихийный характер заселения новых районов при поверхностном знании местности. Недостаточно удобное микрогеографическое положение, уязвимость для нападений, подтопляемость паводковыми или грунтовыми водами, непригодность окружающих территорий для земледелия и скотоводства приводили к поиску новых мест размещения населенных пунктов, в том числе и опорных городов соответствующих регионов, наиболее подходящих к условиям обживаемого пространства. Радиус переноса был небольшим — от 1 до 60 километров. Больше двух раз перемещались Якутск, Охотск, Большерецк, Нижнекамчатск, Верхнекамчатск (Градостроительство Сибири, 2011, с.74).

В то же время, когда выбору места для основания крепости и населенного пункта предшествовала необходимая изыскательская работа, населенный пункт размещался изначально оптимально. Так было с Красноярском, место для которого выбрали в ходе специальной экспедиции, которая предшествовала закладке города на четыре года. Это место расположено на выходе Енисея из тесных отрогов Саян на равнину, на высоком остроконечном мысу (стрелке) при впадении в него реки Качи, что полностью соответствовало требованиям крепостного строительства и обеспечивало стратегическую роль крепости как приграничных ворот в Южную Сибирь. О привлекательности выбранного казаками места для основания города, сохранявшейся не одно тысячелетие, свидетельствуют и обнаруженные уже ближе к нашему времени следы крупных стоянок древнего человека у подножия Афонтовой горы у основания стрелки, а также на правом берегу Енисея (Градостроительство Сибири, 2011, с. 69-70).

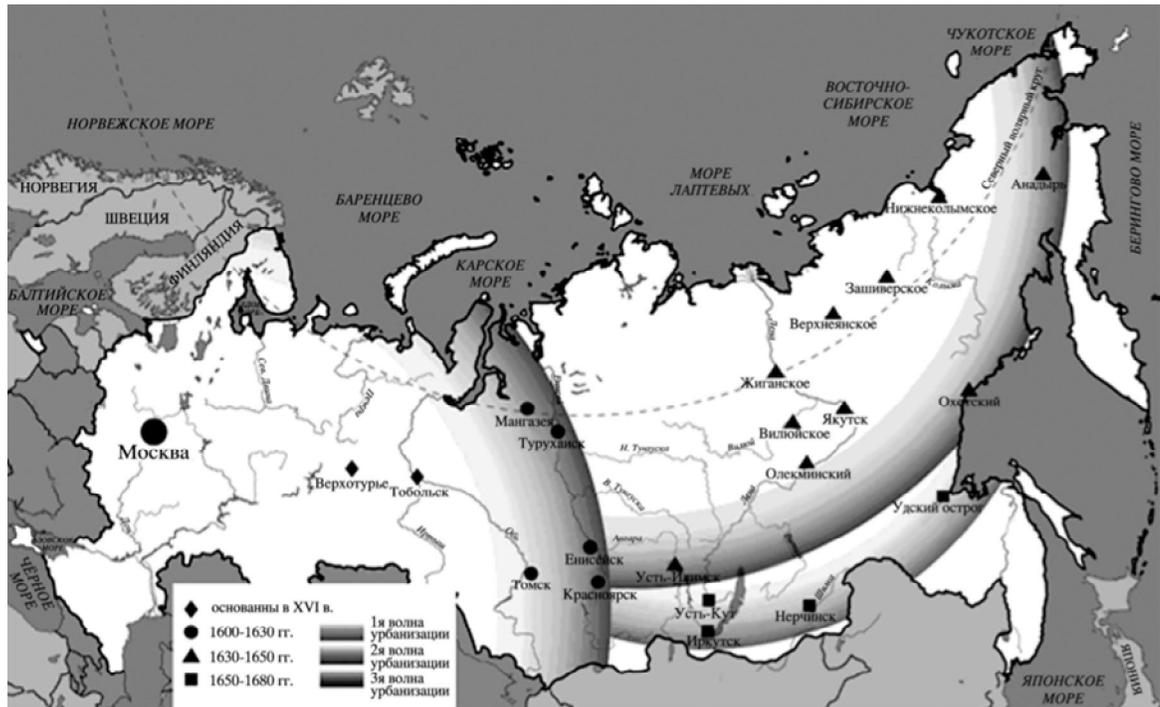
Форсированное освоение новых земель в Сибири – на востоке и северо-востоке, противостояние военным угрозам с запада и юга в Европейской части страны требовали значительных объемов производства металла и изделий из него. Железоделательная промышленность России базировалась в то время на низкосортных болотных рудах. В XVII веке она переходила к мануфактуре, постепенно сложился ее основной, центральный район, тяготеющий к Москве, наметился район на северо-западе, а к концу века обозначилось формирование металлургии на Урале.

В Москве старейшей мануфактурой по обработке металла был Пушечный двор. Здесь работали также Оружейная палата и Монетный двор. В 1641 г. в столице насчитывалось 128 действующих кузниц. В Подмоскovie работало несколько частных железоделательных заводов, принадлежащих представителям высшей боярской знати. К югу от Москвы располагался Тульско-Серпуховской район, где преимущественно трудились оружейники, работавшие на казну, однако тульское железо и серпуховской «уклад» (сталь) были хорошо известны населению страны и широко ходили на рынке. Во второй трети XVII века голландскими и датским предпринимателями по последнему слову тогдашней техники были построены Тульские заводы, а также заводы в соседнем Каширском уезде. В итоге они владели семью чугунолитейными и железоделательными заводами в Тульско-Каширском районе. Заводы выпускали разнообразную продукцию – пушки, ядра, стрелковое и холодное оружие шли в казну; сошники, ручные мельницы, строительная фурнитура поступали на рынок. Годовая производительность выражалась в нескольких десятках тысяч пудов железа и готовых изделий (История народного хозяйства..., 1960, с. 87-90). Необходимо отметить, что при Алексее Михайловиче Тульско-Каменские заводы приступили к масштабному экспорту оружия преимущественно в Голландию: начав поставки в 1646 г., в конце Тридцатилетней войны, они продолжали их и позднее. Так, в 1675 г. Тульско-Каменские заводы отправили за границу 116 чугунных пушек, 43892 ядра, 2934 гранаты, 2356 мушкетных стволов, 2700 шпаг и 9687 пудов железа (Широкорад, 2007, с. 4).

К северу и северо-западу от Москвы располагались такие сложившиеся центры металлообработки, как Устюжна Железнопольская, Устюг Великий, Заонежские Погосты и Тихвин, которые занимали устойчивое место в географическом разделении труда благодаря накопленным навыкам своих мастеров. Так, Великий Устюг был видным центром металлообработки в течение всего XVII века, хотя уже к середине этого столетия местные запасы болотных руд были исчерпаны и ремесленники работали почти исключительно на привозном сырье. В Олонецком крае возникают свои металлургические заводы. На Урале к концу XVII века Кунгур стал заметным центром ремесленной металлообработки. В 1630-х – 1650-х гг. казною был построен медеплавильный завод близ Пыскорского монастыря в Соликамском уезде (История народного хозяйства..., 1960, с. 89-91).

Своеобразным итогом территориального развития России в XVII веке явилось открытие в 1691 г. нерчинских месторождений золотосодержащего серебра, которые, однако, дадут свое первое серебро и золото только в следующем веке – соответственно, в 1704 г. и в 1752 г. (Бродель, 1992, с. 470-471). Таким образом, на юго-восточной оконечности третьей фазы «меховой» волны территориального развития в бассейне Амура, примерно век спустя после ее начала в бассейне Оби, было обретено то, что, в конечном счете, явилось причиной или, во всяком случае, одной из важнейших причин запуска самой «меховой» волны – месторождения денежных металлов, в которых страна остро нуждалась. Это открытие явилось прологом «золотой» волны территориального развития России XIX века, которая пройдет по Сибири по следам волны «меховой».

Схема 2.3.3. «Меховая» волна территориального развития России в XVII веке

Аспект	Характеристика
ФОРМА	фронтальная
АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ	в XVII в.: бассейны рек Обь, Енисей, Лена, Индигирка, Яна, Колыма, Анадырь, Амур; в XVIII в.: острова северной части Тихого океана
ДЛИТЕЛЬНОСТЬ	80 лет в XVII в.: 1600-е - 1680-е гг.; продолжение - 50 лет в XVIII в. : 1740-е – 1780-е гг.
КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ	в 1637 г. – учреждение Сибирского Приказа;
КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВА	1630-е – 1650-е гг. - 30 лет

Табл. 1. Характеристики «меховой» волны территориального развития России в XVII веке.

Глава 4.⁴
XVIII ВЕК: РОССИЯ – ЭКСПОРТЕР «КОРАБЕЛЬНЫХ ТОВАРОВ»

⁴ Основные положения Главы 4 изложены в (Савченко 2014, с. 128 – 170).

4.1. Движущие силы реализации ситуации территориального развития России XVIII века

Содержание ситуации ТР России XVIII века составляло противоречие между огромным и диверсифицированным ресурсным потенциалом территории, значительно расширенной по итогам реализации ситуации ТР XVII века, и крайней ограниченностью возможностей его реализации на внешних, в том числе, глобальных рынках, из-за ненадежности и низкой пропускной способности доступных каналов внешнеэкономических связей и значительного технического отставания от ведущих стран.

На базе достижений XVII века, обусловленных оперативным использованием конъюнктуры глобального рынка мехов, оплатой технологического трансферта в индустрии и военном деле во многом доходами от пушного экспорта, ростом товарно-денежного обмена и формированием единого внутреннего рынка благодаря регулярному поступлению из-за границы серебра, окрепшее Российское государство поставило и решило в XVIII веке задачу возвращения выходов к Балтийскому и Черному морям как каналам внешней торговли. Чтобы «прорубить» эти «окна в Европу», Петром I были проведены реформы, направленные на укрепление политической системы опирающегося на дворянство абсолютизма, расширение его финансовой базы и совершенствование администрации, развитие мануфактурной промышленности, модернизацию армии и создание флота.

Петровские реформы потому дали прочные результаты, в том числе и после смерти их вдохновителя и главного действующего лица, что для их реализации к началу XVIII века уже были созданы надежные предпосылки в ходе развития России в предыдущем столетии. Петр Великий унаследовал огромную по территории страну, обладающую весьма значительными ресурсами – природными, людскими, материальными, достигшую определенной зрелости экономического и политического развития. Значение природных ресурсов сразу обнаружилось, когда в порядок дня был поставлен вопрос о форсированном

развитии мануфактурной промышленности. На петровское правление приходится и начало разработки серебра в Нерчинске, и золота на Алтае и Урале. Земельные ресурсы страны выглядели особенно значительными. К концу XVII века был сформирован общероссийский внутренний рынок, в который были активно вовлечены даже самые широкие слои крепостного крестьянства и самые отдаленные осваиваемые территории. Были налажены устойчивые внешнеторговые связи на западе, юге и востоке. Купечеством были накоплены значительные капиталы. Вокруг Москвы сложился район мануфактурной промышленности. Существовала сеть городов, являющихся значительными центрами ремесел, а также имелся широкий слой кустарей – жителей деревень, для которых ремесло было уже основным занятием. Техника ремесла стояла на довольно высоком уровне в самых различных отраслях.

Вместе с тем, необходимость петровских реформ – и в этом смысле другую часть их предпосылок – сформировали вызовы, которые правящему классу России нельзя было больше игнорировать.

Прежде всего, во-первых, необходима была развитая и разнообразная мануфактурная промышленность. Иными словами, необходимо было быстрое и масштабное расширение технологической и экономической базы дворянского абсолютистского государства. Достигнутый по итогам XVII века уровень мануфактурного производства в России грозил обернуться крайне опасными последствиями в случае крупной войны на западе, а на фоне постоянного повышения активности в России иностранных купцов, прежде всего голландских и английских, создавал тенденцию потери национального контроля над внутренним рынком. Кроме того, без крупной мануфактурной промышленности невозможно было обеспечить дальнейшее развитие общероссийского рынка, т.е. экономически сплотить огромную, динамично растущую страну.

Во-вторых, необходимо было наладить связи самих дворянских имений с платежеспособным рынком, в тогдашних российских условиях ограниченности рынка внутреннего это означало – с внешним рынком. Иными словами, необходимо было расширение экономической базы самого класса дворян-

помещиков. Преобладавшее натуральное хозяйство дворянских имений дошло до пределов своего развития, и ни дальнейшее усиление эксплуатации крепостных крестьян в его рамках, ни введение каких-то агротехнических новшеств не могло решить проблему, так как приводило бы только к затовариванию, к увеличению производства, не находящего эффективного сбыта. По итогам XVII века основные выгоды от экспорта, особенно мехов, получали купцы – прежде всего богатейшие – и «промышленные люди». Чтобы сделать дворянство прочной опорой абсолютизма, необходимо было наладить массовый экспорт продукции дворянских поместий – как это уже сделали помещики ближайших западных соседей, но они вовсе не были заинтересованы широко выводить на европейский рынок российские товары.

В-третьих, готовясь к борьбе с сильными и развитыми государствами за обладание балтийскими и черноморскими каналами внешней торговли с Европой, необходимо было повысить не только ресурсный, но и мобилизационный потенциал России. Иными словами, поставить под возможно более полный контроль абсолютистского государства с помощью всеобъемлющей бюрократии оборот всех ресурсов страны, особенно – расширить его фискальную базу, сформировать механизм подчинения интересов всех подданных государства – включая и дворян – государственным интересам. Государственная администрация конца XVII века была ориентирована скорее на согласование интересов государства и различных социальных слоев его подданных, чем на обеспечение жесткого и всеобъемлющего диктата государства. Необходимо было сделать ее эффективным проводником воли абсолютизма.

Структуру ситуации ТР в течение всего XVIII века с оглядкой на дворянские интересы задавала экономическая политика, которую можно назвать крепостническим меркантилизмом.

Военно-политическая ситуация сложилась так, что каналом внешнеэкономических связей страны Балтика стала с начала XVIII столетия, а Черное море смогло играть эту роль лишь к его исходу. Это обстоятельство повлияло на участие России в тогдашних глобальных рынках и на

территориальное развитие страны. До последней четверти столетия лучшие черноземные районы по Дону, Кубани, Днепру и Южному Бугу либо не входили в состав государства, либо не были должным образом освоены, либо не имели выходов к портам и не могли служить базой экспорта зерна. Кроме того, отношения с Турцией нормализовались до уровня, обеспечивающего бесперебойную торговлю со Средиземноморьем, только к самому концу века. Поэтому начало массового экспорта зерна с этих южных земель через черноморские и азовские порты приходится только на начало следующего, XIX века.

Зато в хинтерланд обретенных балтийских портов, особенно после открытия в 1709 г. Вышневолоцкого канала между Мстой и Тверцой, попали обширнейшие территории Нечерноземья до Волги, Камы и Урала. Это давало возможность массового экспорта тамошних продуктов, среди которых преобладали «корабельные товары» – совокупность материалов, необходимых для строительства и парусного вооружения корабля. В XVIII веке спрос на них рос – то был век океанского парусного флота, дальних сообщений и торговли, что определило превращение рынка корабельных товаров в глобальный. Участие в глобальном рынке корабельных товаров задавало *деятельностный контекст* ситуации ТР России в XVIII в.

К исходу века, в 1793-1795 гг. ведущими статьями русского экспорта (в порядке убывания стоимости) были следующие сырьевые товары: 1) пенька и пакля, 2) лен и пакля, 3) железо полосовое, сортовое, обделанное, 4) сало, 5) льняные и пеньковые ткани, 6) рожь, пшеница, ячмень, мука, 7) юфть и кожи, 8) лесной товар, 9) семя льняное и конопляное, 10) грубые полотна. В заметных объемах вывозились также меха и щетина. (Иголкин, Мотылев, 1988, с. 43-44; История народного хозяйства..., 1960, с. 159). В этом перечне заметно преобладают корабельные товары и сырье для их производства, из перечисленных позиций к ним не относятся только сало (4), зерно, где на первом месте рожь, тоже продукт Нечерноземья (6), и юфть (часть позиции 7).

Железо и полотно – продукты мануфактурного производства – стали экспортными товарами России уже в конце правления Петра I, точнее с 1722 г. Вместе с тем, приходится констатировать, что идея крупного промышленного экспорта разделялась, по крайней мере изначально, далеко не всеми, даже в Берг-коллегии. Так, на донесение В.Н. Татищева, поставленного в 1720 г. руководить уральскими заводами и, по ознакомлении с положением дел на месте, представившего план с чертежом и сметой строительства железодельного завода на реке Исети с 4 домнами и 16 молотами, последовал в 1721 г. ответ, что надо стараться умножать заводы серебряные, медные, квасцевые, «которых в России нет», а нового железодельного завода не строить, так как «железных везде довольно» (Иофа, 1848, с. 57-58).

В 1793-1795 гг. ведущими статьями русского импорта (в порядке убывания стоимости) были также во многом сырьевые товары, оборот части из которых в XVIII веке носил уже глобальный, межконтинентальный характер: 1) сахар всякий, 2) сукна и другие шерстяные изделия, 3) хлопчатобумажные ткани, 4) красильные вещества, 5) шелковые товары, 6) кофе, 7) вина и другие спиртные напитки, 8) фрукты свежие и сухие, 9) соль, 10) деревянное масло. В заметных объемах ввозились также инструменты, хлопок, москательные товары. (Иголкин, Мотылев, 1988, с. 43-44; История народного хозяйства..., 1960, с. 159). В этом перечне преобладают те самые «глобальные товары», оборот которых имел уже межконтинентальный характер, причем это не только сырьевые товары – после первой промышленной революции в Англии глобальным стал и оборот основного ее продукта – хлопчатобумажных тканей (см. например, Бродель, 1992, с. 573-606). Таким образом, из перечисленных позиций к товарам собственно европейского рынка можно отнести только сукна (2), вина (но не ром) (7), фрукты (8), соль (9) – меньше половины позиций, четыре из десяти.

Торговый баланс был неизменно активным и давал все более значительное положительное сальдо: если в 1754 – 1758 гг. вывоз превышал ввоз лишь на 7,3 млн. рублей в среднем за пятилетие, то через сорок лет, в 1794 – 1798 гг. – уже на 90,8 млн. рублей. За тот же период резко возрос и объем внешней торговли –

импорта в 7,7 раза, а экспорта в 8,4 раза (История народного хозяйства..., 1960, с. 159).

Структура и объемы внешней торговли России конца XVIII века свидетельствуют, что начатые в его начале Петром Великим реформы дворянского абсолютизма были успешно реализованы. Ее основные цели достигнуты: возвращены каналы внешней торговли с Европой (а военное присутствие простиралось подчас в Средиземное море); по ним во все возрастающих объемах стала вывозиться продукция поместий дворян (безраздельно правящего класса страны) и посессионных и вотчинных мануфактур, технический уровень которых вполне находился тогда на европейском уровне.

«Россия даже великолепно приспособилась к промышленной «предреволюции», к общему взлету производства в XVIII веке. По велению государства и с его помощью появлялись горные предприятия, плавильни, арсеналы, новые бархатные и шелковые мануфактуры, стекольные заводы, от Москвы и до Урала. А в основе оставалась действующей громадная кустарная и домашняя промышленность. Зато, когда придет подлинная промышленная революция XIX века, Россия останется на месте и мало-помалу отстанет». (Бродель, 1992, с. 478).

Некоторые признаки этого будущего отставания можно видеть и в структуре внешней торговли конца XVIII века. Так, Россия вывозила железа примерно на такую же сумму, что ввозила сахара. Железо преимущественно вывозилось в Англию, а сахар преимущественно ввозился из английских вест-индских колоний. Железо выступало сырьем, которое во многом шло на развитие английского флота, строительство военных и торговых кораблей – т.е. высокотехнологичного по тем временам продукта, который, к тому же выступал средством развития торговли и расширения ресурсной базы Англии. А сахар выступал предметом потребления обеспеченных классов России. Напомним, сахар являлся крупнейшей статьей тогдашнего российского импорта. Такая структура внешней торговли, несмотря на все достигнутые прежде успехи, способствовала тенденции

развития технологического, производительного и ресурсного потенциала Англии и тенденции закрепления сырьевой специализации России, а также тенденции преимущественно непроизводительного потребления ее правящего класса – т.е. того, из-за чего она «останется на месте и мало-помалу отстанет» в промышленном развитии XIX века, по приведенным выше словам Ф. Броделя.

Если важнейшие свершения территориального развития в XVII веке достигались с помощью уникального комплекса традиционных отечественных технологий судостроения и деревообработки, то в XVIII столетии их обеспечили мануфактурные технологии, в ряде которых, прежде всего в черной металлургии и производстве полотна, Россия вполне соответствовала европейскому уровню, что показывает структура ее экспорта. Наметился и некоторый прогресс в агротехнике. Вместе с тем, товарное производство большей части корабельных товаров и зерна осуществлялось руками крестьян, закрепощение которых достигло апогея к концу XVIII века. За сложившейся структурой экспорта стоял мощный социальный слой дворян, имения и вотчинные мануфактуры которых, наряду с посессионными мануфактурами, в основном и поставляли продукты на вывоз. В результате петровских преобразований дворянство окончательно сменило боярство как правящий класс. Именно на него, а уже не на богатейших купцов-царских гостей абсолютистское государство опиралось в своем развитии, в том числе территориальном. При этом успехи политики крепостнического меркантилизма и общий подъем экономики к концу XVIII века, пусть и достигнутый преимущественно за счет экстенсивных факторов, создавали у подавляющей массы правящего класса дворян ощущение общего благополучия и постоянного прогресса. Более того, только сложившийся порядок вещей, закрепленный «Жалованной грамотой дворянству» 1775 г. обещал дальнейшее процветание дворянства на основе его социально-политического доминирования.

С оглядкой на дворянские интересы в течение всего XVIII века проводилась экономическая политика, которую можно назвать крепостническим меркантилизмом. Эта политика включала три направления: регулирование внешней торговли для обеспечения активного торгового баланса; поощрение

горной промышленности, особенно для пополнения запаса драгоценных металлов; поощрение мануфактур, в том числе с целью сокращения импорта.

При этом промышленный подъем и активная внешняя торговля достигались за счет торможения капиталистических и усиления крепостнических тенденций – распространения барщины в черноземной полосе и поместных мануфактур в Нечерноземье, приписке крепостных к государственным мануфактурам. В основе успехов в промышленности и торговле лежала, в конечном счете, крепостная эксплуатация крестьянского населения. В итоге, при очевидных успехах в производстве и экспорте сырья и материалов, слабое развитие получили предпринимательские, купеческо-промышленные сектора – финансовый, «заморская» и биржевая торговля, торговое мореплавание и судостроение, производство готовых изделий для экспорта. Слабость этих секторов тоже внесет свой важнейший вклад в то, что Россия «останется на месте и мало-помалу отстанет» в промышленном развитии XIX века.

Решение в XVIII веке главной геополитической задачи возвращения выходов к Балтийскому и Черному морям как каналам внешней торговли и обеспечивавших ее экономических задач развития мануфактурного производства и значительного повышения экспортного потенциала дворянских имений, обусловило перенос центра тяжести событий территориального развития России как ведущего мирового экспортера сырьевых товаров с Сибири, как это имело место в XVII веке, на Европейскую часть страны.

Сменился в XVIII веке и главный внешнеторговый партнер. В XVII веке важнейшим потребителем российских мехов, хлеба, конопли выступала Голландия, тогдашний экономический лидер, и между странами сложилось определенное стратегическое взаимопонимание. Сохранялись тесные экономические и политические отношения между нашими странами и в первой четверти XVIII века, когда именно Голландия вместе с Данией выступали главными союзниками России в Северной войне. Однако, в ходе XVIII века основным потребителем российских корабельных товаров постепенно оказалась Англия, ставшая «владычицей морей» в результате войны за Испанское

наследство в 1701-1713 гг. Отношения с Англией складывались далеко не так ровно, как с Голландией, они знали периоды и эпизоды, как сотрудничества, так и соперничества. Со второй трети XVIII века эти отношения оформлялись различными межгосударственными договорами.

Петр I посетил Англию еще во время «Великого посольства» 1697 – 1698 гг. Северная война России против Швеции – стратегического союзника Франции, велась на востоке Европы одновременно с войной Англии против Франции и Испании за Испанское наследство на западе континента. Это обстоятельство сближало интересы России и Англии в тот исторический период. Например, после ряда успехов России в войне против Швеции, в кампании 1716 г. российский линейный корабль «Ингерманланд», построенный по проекту самого Петра I, выступал флагманом соединенной англо-голландско-датско-русской эскадры против шведов (Соломонов..., 2012, с. 88). Однако, в 1720 г. последовал временный разрыв дипломатических отношений между двумя странами. Северная война, закончившаяся Ништадтским миром 1721 г., имела своим результатом не просто присоединение к России Ингерманландии, Лифляндии, Эстляндии и части Карелии, а русское преобладание на Балтике, низведение Швеции на роль второстепенной державы. В 1721 г. Петр I принимает титул императора, а Россия объявляется империей и решительно вступает с этого времени в сферу европейской политики.

Последующие правления не меняли двойственного характера отношений с Англией – сотрудничества-соперничества. В разные периоды XVIII века на первый план выходило то одно, то другое. В 1731 г. возобновляются дипломатические отношения между двумя странами. В 1734 г. заключается русско-английский торговый договор. В 1742 г. в Москве заключается русско-английский договор о союзе. В 1750 г. Англия присоединяется к русско-австрийскому договору о союзе. В 1756 г. Россия присоединяется к союзу Австрии и Франции против Пруссии, поддерживаемой Англией, при условии, однако, своего неучастия в войне с Англией. В 1780 г. Россия совместно с Голландией, Данией и Швецией принимают Декларацию о вооруженном нейтралитете в войне

Англии с ее колониями в Северной Америке, а также Францией и Испанией. В 1793 г. заключается англо-русская конвенция «относительно общих действий России и Англии против Франции». В 1795 г. заключается русско-австрийско-английский союз против революционной Франции. В 1798 г. Россия вступает во вторую антифранцузскую коалицию, заключив договор о союзе с Англией и Австрией, а также договор о союзе против Франции с Турцией. Наконец, в 1800 г. заключается конвенция России, Дании, Швеции и Пруссии о вооруженном нейтралитете против Англии.

Параллельно с бурными событиями в Европейской части страны вокруг Балтики и Черного моря, происходило развитие геополитической, экономической и научной активности России в Азии, а также в Америке. Хотя размах и относительное значение этой активности для государства уступали достижениям предыдущего, XVII века. По мере усиления феодальной эксплуатации продолжалось бегство крестьян, в том числе, на незанятые земли Сибири. В то же время, усиление закрепощения крестьянства в Европейской части страны, помещичье освоение причерноморского юга, а также Поволжья, усиление контроля за миграцией населения, резко сужали базу заселения и освоения Сибири. Сибирь и Тихий океан не оказывались по этой совокупности причин среди приоритетов правящих кругов, хотя начавшаяся в районе Нерчинска в 1704 г. добыча серебра, а с 1754 г. и золота (Бродель, 1992, с. 471) убеждали, что Сибирь богата не только мехами. Да и торговля мехами с Китаем была весьма для России прибыльной.

Первоочередной геополитической задачей XVIII века в Восточной Азии выступало урегулирование отношений с Китаем и в первую очередь – последовательная демаркация и укрепление границы с ним. Нерчинский договор 1689 г. оставил открытыми многие насущные вопросы в этой области. Как итог многообразных и разнонаправленных русско-китайских взаимодействий в первой четверти XVIII века в контексте возросшей мощи России в ходе Петровских реформ, в 1727 году между двумя империями был заключен Бурейский договор

об определении границы по реке Кяхте и Западным Саянам, которым признавалось вхождение Бурятии и Хакасии в состав России.

Еще в 1724 г. было решено отправить на китайскую границу в связи с участвовавшими пограничными конфликтами две тысячи конных и пеших солдат и прислать в Забайкалье из Тобольска, центра Сибирской губернии, специалистов в области фортификации, строительства крепостей, которые как раз перед этим создавали укрепления Иртышской линии на Алтае (Градостроительство Сибири, 2011, с.204). В 1725 г. в Китай был отправлен чрезвычайный посол граф С.Л. Владиславлев-Рагузинский с задачами уточнения границ и защиты русского купечества (в 1722 г. в Пекине произошел инцидент с высылкой купцов русского каравана). По пути следования в Иркутске Рагузинский встретился с приданными ему для съемки приграничных территорий четырьмя геодезистами и отправил двоих из них для съемки территорий «от реки Горбицы до Каменных гор и от Каменных гор до реки Уди», а двух других – «вверх по Иркуту-реке и оттуда исследовать пограничные места до реки Енисея, где Саянский камень, и до реки Абакана». С августа 1726 г. по май 1727 г. посол находился в Пекине, предлагая подписать трактат, фиксирующий статус-кво между двумя империями на тот момент. Китайская сторона, однако, выдвигала ряд территориальных претензий. После долгих споров богдыхан повелел трем своим министрам отправиться вместе с Рагузинским на границу и там подписать трактат. В итоге 20 августа 1727 г. на реке Бурее был подписан договор, по которому русско-китайская граница начиналась от крепости Усть-Каменогорская при впадении реки Ульбы в Иртыш и шла до Аргуни по гористой малонаселенной местности. Повернув затем по течению Аргуни на север, граница пересекала Амур и шла на восток к Охотскому морю. Для взаимной торговли предусматривалось два пункта – Кяхта на реке Селенге и Цурухайтуй на Аргуни (Широкорад, 2004, с. 27-29).

Направляясь с дипломатической миссией в Пекин через Сибирь – от Тобольска до Нерчинска, – С.Л. Владиславлев-Рагузинский на своем долгом пути не только знакомился со всеми местными материалами по истории российско-китайских отношений и демаркации границы, но и проводил инспекцию

состояния оборонительных сооружений и городов в Забайкалье. Они вызвали у государственного деятеля крайнюю тревогу, о чем он неоднократно информировал в докладных записках Сенат в 1726 г. Главным предметом озабоченности Рагузинского было полное несоответствие требованиям «пушечного боя» укреплений Селенгинска, что, по мысли государственного деятеля, многократно проявлявшего глубокий географический подход к решаемым вопросам, в случае серьезного вооруженного конфликта с Китаем открывало прямой незащищенный речной путь в 2500 верст в глубь страны до самого Енисейска. Учитывая важное значение, которое придавали в Петербурге миссии Рагузинского, последовал правительственный указ от 26 декабря 1726 г. «О построении крепости Селенгинской». Рагузинский даже лично подыскал новое, отвечающее всем фортификационным требованиям место для фортеции, которая и была там возведена в 1727 г. (Градостроительство Сибири, 2011, с. 203-204). Строительство крепости шло, таким образом, параллельно с ведением российско-китайских переговоров.

В 1753 г. Сенат по представлению графа П.И. Шувалова решил выяснить возможности организации судоходства по реке Амур. Коллегия иностранных дел представила соответствующую записку, по которой Сенат вынес решение «домогаться у китайского двора свободного плавания по Амуру», а пока найти удобное место у впадения реки Ингоды в Аргунь для постройки судов, для чего «употреблять морских служителей, оставшихся в Сибири от Камчатской экспедиции» и построить два судна, способных спуститься по Амуру и следовать морем в русские порты, и обеспечить эти суда припасами и командой. В 1756 г. в Пекин был отправлен для выяснения этого вопроса советник Коллегии иностранных дел. В 1757 г. китайский двор отказал в позволении русским судам плавать по Амуру, о чем было в 1758 г. по возвращении доложено Сенату. В 1764 г. году Сенат снова вернулся к вопросу о навигации по Амуру и снова с тем же отрицательным результатом (Широкорад, 2004, с. 31-32).

В 1756 – 1770 гг. в Забайкалье вдоль китайской границы было сооружено несколько крепостей – помимо Сенгинской крепости, еще Троицкосавская

(прикрывавшая Кяхту), Акшинская (посередине между Кяхтой и Цурухайтуем, в 50 верстах от границы), Новоцурухайтуевская (в 800 верстах к востоку от Кяхты и в 145 верстах к югу от Аргунского острога на левом берегу Аргуни), Кударинская, Старо-Тункинская, Харацайская и Чиндантская. В каждой крепости находился комендант. Крепости были по большей части земляные, в виде правильных многоугольников, с капонирами или бастионными фортами, с длиной полигона каждого фронта 200-300 м. Кроме того, было оборудовано три редута, и установлено 17 пикетов. В Троицкосавскую и Чиндантскую крепости было определено по 150 казаков, а в остальные – по 100. Все крепости были вооружены пушками и имели артиллерийскую прислугу. В крепостях и редутах пограничной линии по ведомости 1793 г. состояло: 845 человек пехоты, 1590 казаков, 29 артиллеристов. В 1810 г. гарнизоны из крепостей были выведены, а постройки проданы с торгов (Градостроительство Сибири, 2011, с. 206-207; Широкоград, 2004, с. 30). При таком уровне (де)концентрации сил и средств, трудно было вести активную политику в бассейне Амура. Хотя достигнутый уровень российско-китайской торговли и в целом также пассивное поведение китайской стороны в этом регионе, до поры, устраивали Россию, занятую решением более насущных геополитических проблем на юге и западе Европейской части страны.

На протяжении всего XVIII века Российским государством велась последовательная исследовательская работа в Северо-Восточной Азии, а также на северо-западе Северной Америки. В 1725-1730 годах состоялась первая Камчатская экспедиция В. Беринга. После окончания первой Камчатской экспедиции, по проекту В. Беринга, доработанному Академией наук, была осуществлена Великая сибирская экспедиция – широкая программа исследования Сибири, берегов Ледовитого океана, Камчатки, северной части Тихого океана. Число участников экспедиции доходило до 600, вся экспедиция была разбита на отдельные отряды, каждому из которых были поручены особые работы и районы исследования, главное начальство над всей экспедицией было поручено Берингу. Обширная экспедиционная программа была выполнена только к 1743 году: путь от Камчатки к Японии вдоль Курильской гряды был пройден и нанесен на карту в

1738-1739 гг.; впервые были составлены карты побережья Ледовитого океана; исследована Камчатка, Курильские и Алеутские острова; достигнуты берега Америки (История российского флота, 2007, с. 113-115).

Интенсивные исследования Камчатки и Аляски продолжались и в последующие годы. Важнейшую роль в них сыграла во многом инициированная М.В. Ломоносовым секретная морская экспедиция к берегам Аляски с 1764 г. по 1771 г. под командой капитана П.К. Креницына, подробно описавшая ряд Алеутских островов (Перевалов, 1949, с. 296-301; 435-458). Любопытно, что после окончания этой секретной экспедиции (даже изначально именовавшейся официально «Комиссией, посланной для описи лесов по рекам Каме и Белой и по впадающим в оныя реки») по личному распоряжению Екатерины II ее журнал был переведен и передан вместе с копией подлинной карты плавания шотландскому историку В. Робертсону для публикации в его книге «История Америки», вышедшей в Лондоне в 1777 г. (Магидович, 1953, с. 123). Первые русские поселения на Аляске, прежде всего, на острове Кадьяк, были основаны в 1784 году, сразу после провозглашения независимости США.

В последнее двадцатилетие XVIII века геополитическому вакууму у Тихоокеанских рубежей России приходит конец. Северная часть Тихого океана начинает привлекать внимание европейских держав. Во время третьей экспедиции Дж. Кук с 1776г. по 1780 г. плавал к северо-восточному побережью Северной Америки, в Беринговом и Чукотском морях, пытаясь открыть северо-западный проход между Азией и Америкой. Участвовавший в этой экспедиции английский мичман Биллингс, подавая графу И.Г. Чернышеву, ведавшему делами особого кабинета Екатерины II по вопросам морского флота, письмо с просьбой о принятии его на русскую службу, прямо указывал в нем, что надеется быть использованным не столько как офицер флота, сколько для организации торговли мехами котиков на островах, открытых этой экспедицией (Алексеев, 1966, с. 71). В 1787 г. французский граф де Ла Перуз на фрегатах «Астролябия» и «Буссоль» открыл пролив между островами Сахалин и Хоккайдо и проследовал далее проливом между Сахалином и материком на север до бухты Де-Кастри.

Обнаружив здесь песчаные отмели, он решил, что Сахалин – полуостров, а вход в Амурский лиман с юга не доступен для морских судов. В 1797 г. англичанин Броутон прошел Татарским проливом немного севернее, однако, подтвердил вывод де Ла Перуза. Отмечались английские и французские корабли и у побережья Камчатки. В 1799 г. начинает создаваться Охотская военная флотилия на Тихом океане, издается Указ об укомплектовании судов, строящихся в Охотске, военной командой. В том же 1799 году учреждается Российско-Американская компания, получающая привилегии на 20 лет, и сразу развернувшая активную деятельность.

В целом по итогам XVIII века присутствие России на севере Тихого океана и в прилегающем к нему регионе Северо-Восточной Азии носило локальный очаговый характер. Так, когда по Уставу 1822 г. сибирские города были разделены на три разряда в соответствии с количеством проживающего в них населения – многолюдные, средние и малолюдные, – в группу малолюдных городов в Охотском приморском управлении попали Охотск и Гижига; в Камчатском приморском управлении – Петропавловский порт; в Якутской области – Олекминск, Вилюйск, Верхоянск, Средне-Колымск. При этом все эти города не подходили по размерам даже под категорию малолюдных, но причислялись к ним по местоположению окружного управления. В Якутской области только сам Якутск был отнесен к средним городам, а ближайшим многолюдным городом оказывался Иркутск, центр одноименной губернии, в состав которой входили в то время все российские дальневосточные земли, включая Камчатку (Рабцевич, 1981, с. 169).

Значение ситуации ТР России как экспортера корабельных товаров в XVIII в. состоит, в том, что в результате ее реализации Россия активно вступила в сферу европейской политики и экономики, была сформирована система портов (торговых и военных) на Балтике и началось ее формирование на Черном море; в единый активно используемый судоходный путь были объединены бассейны Волги и Невы; были сформированы два мощных промышленных района – Северо-Западный и Уральский; началось активное очаговое горно-промышленное

освоение Зауралья, а Московско-Сибирский тракт стал каркасом формирования основной полосы расселения за Уралом. Закрепляя результаты ситуации ТР XVII в., но уже на новой технической, экономической и политической основе, на востоке пушной промысел вышел в Тихий океан, шло активное обустройство границы с Китаем и развитие с ним торговых отношений.

4.2. Трансформация организационно-территориальной структуры

В XVIII веке развитие организационно-территориальной структуры под воздействием участия в глобальных рынках корабельных товаров опосредовалось политикой крепостнического меркантилизма, включавшей покровительство отечественной горной и мануфактурной промышленности, рост налогообложения крепостного крестьянства и купечества при освобождении от налогов дворянства, резкое усиление регламентации самостоятельной активности и миграций населения, вмешательство в нее огромного бюрократического аппарата, общая бюрократизация государственного управления. Главным фактором развития организационно-территориальной структуры выступал постоянный рост фискальных потребностей государства.

Важнейшим инструментом развития фискальной администрации выступила губернская реформа 1707 – 1709 гг. А инструментом экономической политики крепостнического меркантилизма, получившей при Петре I промышленное направление, а также и собственно промышленной политики, последовательно проводившей принцип обеспечения экономической независимости страны, служил ряд коллегий, учрежденных с 1717 г. по шведским образцам.

Еще в 1700 г. был создан Рудный Приказ для организации разведки полезных ископаемых. Однако, он не оправдал возлагавшихся на него надежд и в 1711 г. был упразднен. Для руководства всей горной промышленностью в конце 1719 г. была учреждена Берг-коллегия. Параллельно на Урале была сформирована обособленная группа горнозаводской администрации – Бергамт, – тем самым главный, Уральский горнопромышленный район страны получил отдельный, специализированный орган управления (История народного хозяйства..., 1960, с.

124). Формирование и осознание Урала как важнейшего самобытного макрорегиона страны, «отделение» – административное, экономическое и социокультурное – его от Сибири состоялось именно в XVIII веке и именно в связи с формированием там мощного горнопромышленного района. Это явилось результатом углубления географического разделения труда, совершенствования общероссийского рынка, роста производительных сил Уральского региона. Важнейшую роль здесь сыграло и основание общепризнанного центра всего региона – административного, культурного, технологического, во многом и производственного, через который, в конечном счете, в середине XVIII века прошла и основная артерия, связывающая Европейскую Россию и Сибирь. Этим центром стал Екатеринбург (названный так в честь Екатерины I), инициатором и во многом реализатором создания которого выступил выдающийся государственный деятель и географ первой половины XVIII века В.Н. Татищев, руководивший горнозаводским делом на Урале в 1720 – 1722 гг. и в 1734 – 1737 гг.

До 1708 г. уральские заводы подчинялись сибирским воеводам, а после губернской реформы – сибирским губернаторам. После образования Берг-коллегии для развития уральской горной промышленности было решено создать специальное горное управление сибирскими заводами. В 1720 г. по именному указу Петра I Берг-коллегия под руководством Я. Брюса назначила В.Н. Татищева первым начальником этого управления. Ему поручалось «в Сибирской губернии на Кунгуре и в прочих местах, где обыщутся удобные разные места, построить заводы и из руд серебро и медь плавить» (Июфа, 1948, с. 54-55).

Вместе с Берг-коллегией возникла Мануфактур-коллегия, первоначально в рамках одного учреждения. С 1722 г. Мануфактур-коллегия стала самостоятельной. Находясь в Москве, она ведала легкой и пищевой промышленностью России. В Петербурге находилась Мануфактур-контора, курировавшая легкую и пищевую промышленность Северо-западного района – Петербурга, Новгорода, Пскова и их окружения. Коллегии действовали на основании регламентов. Так, регламент Мануфактур-коллегии, принятый в 1723 г.

обязывал ее заботиться о создании новых предприятий; об обеспечении предприятий сырьем; предписывал оберегать привилегии предоставленные предприятиям; с разрешения Сената субсидировать или кредитовать предприятия; передавать казенные заводы частным лицам; осуществлять надзор за организацией производства и качеством продукции; приглашать иностранных специалистов, гарантируя им предоставление квартир и ссуд, свободу от поборов, служб и постоев, свободный выезд; контролировать трудовые отношения и экзаменовать учеников мастеров; ведать судебными делами лиц, связанных с мануфактурами. Как и Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия распределяла льготы и привилегии в подведомственных отраслях, представлявших первоочередной государственный интерес. Мануфактур-коллегия раздавала разрешительные указы на создание мануфактур и присвоение привилегий. Поэтому возникла своеобразная категория «указных фабрикантов». Их ценными привилегиями – как и царских гостей в предыдущем веке – стало освобождение от произвола местных властей и солдатского постоя. Мануфактур-коллегию, ведавшую легкой и пищевой промышленностью, где были сильны капиталистические тенденции, упразднили в 1779 г. (История народного хозяйства..., 1960, с. 124-125).

Важнейшее значение имела объявленная Берг-Коллегией в 1719 г. «горная привилегия», разрешившая каждому жителю России искать руды и добывать их даже на чужих землях, не исключая помещичьих и казенных. Владельцу земли давалось лишь первоочередное право на устройство рудников. Если он уклонялся от этого, добычу мог вести сам разведчик, уплачивая владельцу земли 1/32 своей прибыли. Торжественно объявлялось, что никто не вправе отнять заводы у их законных владельцев. Берг-привилегия давала заводладельцам даже такие права, которые ущемляли привилегии дворянства – в чем проявлялся радикализм промышленной политики Петра I. Однако, это исключение: Петр I охранял интересы дворянства и особенно укреплял дворянское землевладение – указ 1714 г. о единонаследии фактически признавал поместья наследственными владениями, как и вотчины (История народного хозяйства..., 1960, с. 127-128).

При Петре I началось широкое строительство казенных заводов со значительными инвестиционными затратами. Не ограничиваясь раздачей привилегий, петровское правительство переходило к прямому финансированию мануфактур за счет казны. Более того, казенные заводы подчас передавались купцам. Так, еще в начале XVIII века, в 1702 г., Никита Демидов получил Невьянский завод на Урале, а в 1711 г. и 1720 г. компаниям купцов в Москве были переданы, соответственно, Полотняный завод и Суконный двор. Причем в последнем случае, компания купца Щеголина получила еще и беспроцентную ссуду на три года с обязательством погасить ее поставками сукон «на мундирное строение». Важнейшее значение для мануфактуристов имели меры правительства по обеспечению предприятий рынками сбыта и сырьем. Для этого практиковались, соответственно, введение монополий (например, в 1717 г. компания Апраксина получила монополию на производство шелковых тканей, в 1718 г. купец Вестов – на производство сахара, в 1719 г. Савельев и Томилины – на производство скипидара) и меры тарифной политики по освобождению ввоза сырья от пошлин или запреты на вывоз отдельных видов сырья (например, указ 1720 г. о запрещении вывоза шерсти и овчины), а также административные меры по распространению производства необходимых продуктов (например, указ 1715 г. предписывавший удвоить посеvy льна и продвигать его возделывание в губернии, где он раньше не сеялся). Особенно важными для мануфактуристов были меры по обеспечению промышленности рабочей силой. Первоначально мануфактуристов ориентировали на использование «вольных наемщиков», но их оказалось явно недостаточно. И, в конечном счете, указ 1721 г. разрешил «купецким людям» к имевшимся у них заводам «деревни покупать невозбранно» – т.е. была сформирована посессионная мануфактура, когда рабочие прикреплялись к предприятию, а не принадлежали его владельцу, когда тот не мог ни продать предприятие отдельно от людей, ни перевести их на другие работы вне предприятия. Было положено начало приписке крестьян к заводам (История народного хозяйства..., 1960, с. 126-129).

Петровские подходы в промышленной политике реализовывались и позднее.

Так, Инструкцией 1734 г. В.Н. Татищеву, поставленному Берг-коллегией управлять уральскими заводами, разрешалось к каждой домне приписывать по 100-150 дворов, а к каждому молоту «передельных» заводов – по 30 дворов. На уральские казенные заводы отправлялись рекруты. Сама квалификация рабочего могла становиться основанием для его закрепощения – указ 1736 г. предписывал «быть вечно при фабриках» тем наемным рабочим, которые «не в простых работах обретались». Заводчикам раздавались казенные мастера. Параллельно в 1739 г. был утвержден так называемый Берг-регламент, подтвердивший петровский принцип «горной свободы», а кроме того, гарантировавший различные льготы горнозаводчикам, а мастерам – свободу от рекрутчины и «всякой накладки». В 1742 г. последовала отмена запрета покупки к мануфактурам крестьян с землей и целыми деревнями, указом 1752 г. в этой области были установлены определенные нормы. Только в последней трети XVIII века, при Екатерине II, последовала некоторая либерализация промышленной политики – мануфактурная промышленность окрепла, прочно срослась с рынком и, по сути, нуждалась не в субсидиях и привилегиях, а, скорее, в устранении или ограничении монополизма. В этом направлении последовала череда указов – указ 1762 г. запретил покупку крепостных к мануфактурам; указ 1769 г. допускал свободу ткацких промыслов при условии платежа налога (изготовление сермяжного сукна, холста и полотна крестьянами освобождалось даже от него); Манифест 1775 г. в общей форме провозгласил свободу торговли и промышленности; наконец, в 1779 г. была ликвидирована сама Мануфактур-коллегия (История народного хозяйства..., 1960, с. 164-166).

В 1712 г. была создана Коммерц-коллегия, призванная «смотреть за всеми торгами и торговыми действиями», которая занималась таможенными, торговым правом и мореплаванием. Она пришла на смену созданной еще в 1699 г. в Москве Бурмистерской палате, которой были переданы функции регулирования торговой деятельности, изъятые из ведения воевод. Бурмистров разрешалось избирать самим торговым людям. В остальных городах купеческими делами ведали Земские избы, тоже выборные. Мерой по формированию структуры,

координировавшей центральные и местные органы управления и, отчасти, самоуправления торговой и предпринимательской деятельностью, выступило создание магистратов в 1720 г., во главе которых ставился Главный магистр, находящийся в Петербурге и подчиненный непосредственно Сенату. Регламент Главного магистрата предписывал ему курировать вопросы торговли и предпринимательства, в том числе развивать «корабельное хождение», заботиться об «умножении ярмарок и торгов», организации бирж. Параллельно городское население делилось на «регулярных граждан» – купцов, мануфактуристов, судовладельцев, врачей, аптекарей, ремесленников, – и «подлый народ», к которому причислялись «обретающиеся в наймах и в черных работах». Для «регулярных» вводился гильдейский строй – они делились на две гильдии: в первую зачислялись крупные торговцы, мануфактуристы, судовладельцы, лекари и аптекари, а во вторую – мелкие торговцы и ремесленники. В 1722 г. было декретировано создание ремесленных цехов, продолжившее линию на создание профессиональных объединений в экономической сфере, начатую в 1699 г. указом о создании русскими купцами компаний для торговли с иностранными государствами. Десяткам таких компаний были выданы государственные субсидии, государство заключало также торговые договоры с иностранными государствами, а Коммерц-коллегии предписывалось ознакомлять русских купцов с их торговыми уставами (История народного хозяйства..., 1960, с. 131-132).

В регламентации внешнеторговой деятельности последовательно проводились принципы меркантилизма. Государство предписывало, чтобы русские товары более «на деньги продаваны были, нежели на товары меняны». Пошлины взимались только золотом и серебром. В 1695 г. появился указ, разрешавший русским и иностранным купцам покупать беспошлинно товары на определенную сумму, если такое количество российских денег было получено в казне в обмен на «ефимки». В 1724 г. был введен первый жестко протекционистский таможенный тариф, фактически запретительные пошлины на ввоз промышленных товаров, производившихся в России, тогда как импорт ценного сырья ими не облагался. Так, на широкую номенклатуру промышленных

товаров вводилась фактически запретительная пошлина, когда предписывалось взимать 75% ввозной цены ефимками с большого числа промышленных изделий – железа, полотна, парусины, шелковых тканей, льна, иголок, купороса, воска и т.д. Высокие сборы – 50% – были установлены и на ввоз ряда предметов роскоши – карт, бархата, голландского полотна и т.д. Немалые пошлины – 25% – устанавливались и на товары, которые производились в России, но в недостаточном количестве – писчую бумагу, шерстяные ткани, полшелковые ткани, шляпы, бутылки, выделанные кожи и т.д. Зато импорт сырья, необходимого владельцам мануфактур, освобождался от пошлин – шелк-сырец и др. – или ограничивался вывоз нужного сырья. Поощрялся экспорт промышленной продукции снижением пошлин вдвое или их отменой – вывоз железа, меди, полотна некоторых сортов, красителей, крахмала и т.д. Если же товары вывозились на русских кораблях, пошлины снижались еще больше. Внешняя торговля по меркантилистским представлениям жестко регламентировалась, чтобы облегчить получение государством доходов от нее. В основном она была монополизирована и велась откупщиками или торговыми компаниями монопольного характера (История народного хозяйства..., 1960, с. 132-133).

Те же принципы меркантилизма реализовывали и последующие таможенные тарифы. В 1753 г. импортные пошлины были повышены в связи с отменой внутренних пошлин. Таможенный тариф 1754 г. был вполне протекционистским – большинство импортных товаров были обложены пошлиной в 33% их стоимости, а некоторые – в 60%, 80% или даже 100%. Зато ввоз сырья и полуфабрикатов облагался весьма незначительным сбором. Таможенный тариф 1767 г. запрещал ввоз целого ряда товаров, которые производились в России, и устанавливал высокие пошлины на ввоз предметов роскоши.

Противоречия крепостнического меркантилизма нашли отражение в нормативной базе. Меркантилистскую тенденцию представляет указ 1719 г. «Горная привилегия», предоставлявший право всем жителям России вести поиск руд и устраивать металлургические предприятия как на собственных, так и на

государственных землях. Крепостническую тенденцию олицетворяет указ 1722 г. о подушной подати, действовавший до 1887 г., в соответствии с которым на основании поголовной переписи (по указу 1718 г.) специальными канцеляриями, укомплектованными офицерами, поименно фиксировалась принадлежность «тяглецов» только к одной из трех категорий – помещичьих или казенных крепостных крестьян и посадских людей.

Период прямого администрирования внешней торговли выразился в указе 1713 г., жестко ограничившем экспорт через Архангельск (в разгар Северной войны, при господстве шведов на Балтике), в насильственном переселении тысяч купцов с семьями в новую столицу, в государственных монополиях на экспорт ряда ходовых товаров (пеньки, льна, хлеба, воска, икры и т.д.). Эти меры отрицательно сказались на деятельности купечества. А вот указ 1719 г. оставил «казенными товарами» только поташ и продукты смоляных промыслов, фактически знаменуя собой либерализацию торгово-экономической политики, выражавшей капиталистические тенденции. Это коснулось и внутренней торговли – указ 1711 г. допускал к занятиям ею «людей всякого звания», в 1752 г. были ликвидированы внутренние таможи, а в 1775 г. доступным для всех было объявлено учреждение всякого рода промышленных заведений.

Потребности армии и флота, важнейших инструментов территориального развития XVIII века, во многом определяли губернскую реформу территориального деления и управления 1707-1709 гг., развивавшую деление страны на военные и финансовые округа, сложившееся при царе Федоре Алексеевиче на исходе последней трети XVII века. Финансирование каждой воинской части было закреплено за одной из восьми петровских губерний, фактически военно-административных округов, и важнейшей функцией губернского управления стало содержание этих частей.

Именной указ 1709 г. об образовании губерний содержал, в том числе, роспись 339 городов и пригородов по губерниям. Ближняя канцелярия передала роспись по каждой губернии вновь назначенным губернаторам, которым следовало выехать на места и, не вступая в управление, «о денежных зборах, о

всяких делах присматриваться», а затем вернуться к назначенному сроку в Москву и о своих соображениях доложить Петру I. Губернаторы возвратились в Москву в конце 1709 г. – начале 1710 г. и совместно с Ближней канцелярией участвовали в составлении бюджета на 1710 г. (Авшаров, 1982, с. 93). Таким образом, изначально губернская реформа была связана с реализацией фискальных задач государства.

При подготовке реформы с 1707 г. Ближняя канцелярия старалась сохранить в новых губерниях прежнюю структуру военных и финансовых округов. Вместе с тем, ряд будущих губернаторов, привлеченных к предварительной работе над губернской реформой, пользуясь своим непосредственным подчинением Петру I, а не Приказам, старался внести и вносил коррективы в роспись городов и пригородов. Дело в том, что областная реформа 1707-1709 гг., перечеркнув городскую реформу 1699 г., вновь подчиняла посадское население региональной (местной) администрации. Поэтому будущие губернаторы были заинтересованы во включении в состав «своих» губерний возможно большего числа экономически развитых и(ли) активно развивающихся городов с многочисленным посадским населением как для расширения податной базы, так и для выполнения многочисленных повинностей. Как показывает сравнение сохранившихся трех последовательных (с 1707 г. по 1709 г.) вариантов росписи городов и пригородов, больше всего преуспел в изменении первоначального варианта росписи в свою пользу и в присоединении к «своей» губернии будущий губернатор Петербургской губернии. Хотя были также произведены определенные изменения и в пользу Киевской и Казанской губерний (Авшаров, 1982, с. 94-98).

К концу века, в ходе екатерининской реформы 1775 года, число губерний достигло 50, был расширен набор их функций, упорядочено взаимодействие с центральными органами. Такой вариант административно-территориального деления стал регулярным и удобным – Екатерина II сама разработала два критерия, важные для местных и фискальных нужд, которые были последовательно претворены в жизнь. Во-первых, примерно равные дистанции от губернского центра до границ губернии, а, во-вторых, примерно равное население

губерний – 300-400 тысяч податных мужских душ для губерний и 20-30 тысяч таких душ для уездов, составляющих губернии. Удобство, практичность такого варианта административно-территориального деления стали залогом его исторической стабильности (Тревиш, 2009, с. 171). Губернии стали комплексным инструментом территориального управления решением фискальных, административно-хозяйственных и полицейских задач.

В 1769 г. Россия, активный и успешный участник глобальных рынков сырья, сделала в Амстердаме, одном из мировых финансовых центров, первый внешний заем на сумму 7,5 млн. гульденов. Затем последовал займ в Генуе на сумму в 1 млн. пиастров. Примечательно, что делались эти первые займы для военно-политических, а не для экономических нужд: ими финансировался проход эскадры с Балтики на Средиземное море и пребывание там во время Русско-турецкой войны. Потом практика внешних заимствований была продолжена и в 1795 г. внешние долги России составляли 62 млн. гульденов или 41,1 млн. рублей ассигнациями (История народного хозяйства..., 1960, с. 160-161).

Примечательно также, что размещали займы не банки (их создание не относится к успешным начинаниям рассматриваемого века), а придворные банкиры. В 1798 г. Павел I даже учредил «Контору придворных банкиров и концессионеров» для внешних и внутренних операций по кредитованию русского правительства, которая поддерживала постоянные связи с главными банкирскими домами Лондона, Амстердама, Генуи, Гамбурга, Берлина, Дрездена, Вены и ряда других городов. Она использовала своих европейских корреспондентов для своевременной доставки денег в места дислокации русской армии и флота во время военных действий в Европе, а также российским дипломатическим представительствам за границей. В деятельности конторы участвовали предприниматели как европейского, так и российского происхождения. Все компаньоны по придворной конторе имели свои собственные торговые дома или банкирские конторы и активно участвовали в деловой жизни империи как частные лица. В момент создания конторы Павел I пытался ограничить частную

деятельность входивших в ее состав предпринимателей, но безуспешно (Ананьич, 1991, с. 13).

Другим начинанием Павла I по развитию участия России в глобальных рынках, стало учреждение в 1799 г. Российско-Американской компании. Она сыграла ключевую роль в освоении Аляски, продолжив на восток «пушную» волну освоения XVII века, и в превращении востока Сибири из «края света» в базу развития новых земель. Правление Российско-Американской компании поначалу даже размещалось в Иркутске, главном городе одноименной губернии, образованной в 1764 г. при делении огромной Сибирской губернии на Тобольскую и Иркутскую, административно оформлявшем признание различий условий, уровня и характера освоения Западной и Восточной Сибири.

4.3. Трансформация территориальной структуры хозяйства

В XVIII веке быстрые изменения территориальной структуры в результате активного выхода на рынки корабельных товаров, а также на европейский рынок зерна коснулись многих отраслей, районов и центров России (см. Схему 1.4.3., помещенную в конце параграфа).

В первой четверти XVIII века кардинально поменялось соотношение основных внешнеторговых портов. Санкт-Петербург, основанный в 1703 г., уже в 1725 г. обеспечивал в несколько раз больший внешнеторговый оборот, чем Архангельск – прежде единственный вывозной порт России. Всего за четверть века произошла полная переориентация экспортных грузопотоков с Белого моря на Балтику, где, наряду с Петербургом, свою роль играли Нарва, Выборг, Ревель, но особенно – Рига. В хинтерланд обретенных балтийских портов, прежде всего, после открытия в 1709 г. Вышневолоцкого канала между Мстой и Тверцой, попали обширнейшие территории Нечерноземья по Волге, Каме и до Урала. Это давало возможность массового экспорта тамошних продуктов, среди которых преобладали «корабельные товары» – совокупность материалов, необходимых для строительства и оснащения парусного корабля.

Внешняя торговля новой столицы стимулировалась, в значительной мере, в ущерб Архангельску. Богатые архангельские купцы были переселены в Петербург. По указу 1716 г. через Петербургский порт должна была экспортироваться шестая часть всех товаров, «отпускаемых за границу», – напомним, что в это время Северная война еще не была закончена, и на Балтике активно оперировал шведский флот. Через год – снова в военное время – были установлены квоты Петербурга и Архангельска также и по импорту, соотношение устанавливалось как два к одному в пользу города на Неве. По указу 1720 г., экспорт товаров через Петербург освобождался от пошлин, а импортные пошлины снижались с 5 % до 3%. И в результате предпринятых мер в 1724 г. в порт Санкт-Петербурга прибыло 180 кораблей, а в Архангельск – только около 50, несмотря даже на то, что шведские пираты мешали торговому судоходству в Балтийском море даже после подписания Ништадского мира и окончания Северной войны (История народного хозяйства..., 1960, с. 131, 142).

Активно росла и развивалась промышленность, трансформировалась ее территориальная структура. В конце XVII века в России было до 30 мануфактур, образующих компактный район вокруг Москвы и отдельные очаги в Поволжье, Предуралье и в Олонецком крае. Сто лет спустя, в конце XVIII века в стране насчитывалось свыше 1200 мануфактур, т.е. их количество возросло более чем в 40 раз, и сложилось три мощных промышленных района в Европейской части страны, один из которых – Уральский – по объемам производства и экспорта приобрел мировое значение. Началось точечное промышленное освоение Зауралья: в районе Нерчинска в Забайкалье и на Колывановских заводах Алтая уже в 1700-х гг. началась добыча драгоценных металлов. В 1735 г. Московско-Сибирский тракт соединил Нерчинск с Центральной Россией. Тракт представлял собой одну из самых протяженных дорог мира. Он шел через Тюмень на Тобольск, далее на Омск, Колывань, Томск, Ачинск, Красноярск, Канск, Иркутск. Далее дорога разделялась на два направления: одно – на Верхнеудинск и через Хоринские степи и Яблоневый хребет на Читу, Нерчинск и Нерчинские заводы;

другое – на юг, на Кяхту, к границе Китая (Градостроительство Сибири, 2011, с. 220).

Мануфактурная промышленность стала распространенным явлением и приобрела важнейшее экономическое значение к концу царствования Петра Великого. За петровский период, т.е. за первую четверть века, возникло 178 мануфактур – их стало почти в 6 раз больше, чем было к началу его царствования, но почти в 7 раз меньше, чем через последующие три четверти восемнадцатого столетия. Однако эти количественные соотношения не вполне передают структурное значение петровских промышленных преобразований.

Во-первых, за первую четверть века была «поднята планка» технологического уровня российских мануфактур, которые в своей массе по техническому оснащению, номенклатуре и качеству продукции зачастую не уступали западноевропейским аналогам – и это делало их конкуренто- и экспортоспособными, расширяло номенклатуру экспорта и диверсифицировало внешнеторговую специализацию России, обеспечило выход на новые для нее внешние рынки. Так, в 1726 г. было вывезено 55 тысяч пудов железа, при том, что выплавка чугуна достигала 800 тысяч пудов и Россия полностью отказалась от импорта железа и оружия. В том же году было экспортировано 7747 кусков парусины. В целом усилился промышленный характер экспорта и увеличился импорт сырья и вспомогательных материалов. Мануфактуры первой четверти XVIII века, как правило, были централизованными, концентрировали много рабочих и широко использовали не только разделение ручного труда, но и гидроэнергию, создавались большие плотины, применялись сложные агрегаты. Так, средняя производительность уральских домен превышала среднюю производительность английских (История народного хозяйства..., 1960, с. 139-142).

Во-вторых, быстрый рост мануфактурной промышленности способствовал углублению территориального разделения труда, в том числе развитию международной специализации страны, развитию общероссийского рынка и расширял материальную базу русской торговли. В-третьих, были заложены

основы новой территориальной структуры промышленности – сформирован костяк трех промышленных районов Европейской части и наметились пункты очагового промышленного освоения в Зауралье.

Из 178 «петровских» мануфактур на долю черной металлургии и оружейной промышленности приходилось 40, цветной металлургии – 15, лесопильной – 23, суконной – 15, кожевенной – 13, пороховой – 13, полотняно-парусной – 9, судостроительной – 7, стекольной – 6, писчебумажной – 6, позументной и ленточной – 6, шелкоткацкой – 3, прочих – 22 (История народного хозяйства..., 1960, с. 139-140). Таким образом, не менее половины «петровских» мануфактур обслуживали потребности армии и флота, примерно половина могла производить «корабельные товары» – продукцию экспортной номенклатуры. При этом все «петровские» мануфактуры, конечно, способствовали импортозамещению.

Волны территориального развития, связанные с черной металлургией, расходились в разных направлениях от Московского ядра. К концу века в России сложилось три мощных железоделательных района – Центральный, тяготеющий к Москве и протянувшийся на юг до Липецка (получившего статус города с 1779 г.); Северо-Западный, тяготеющий к Петербургу и включавший Петрозаводск (основан в 1703 г.), Выборг (вошел в состав России в 1710 г.); Уральский, промышленный район мирового значения, который вывел Россию в мировые лидеры по производству чугуна, в чем она опередила Англию.

С начала века промышленный Центр расширялся на юг за счет создания Липецких заводов, размещенных недалеко от старого центра железоделательного ремесла, Ельца. Развитие металлургии в Центральном районе сдерживалось недостатком топлива. По соседству с Липецком, в Воронеже, на Дону, было положено начало российскому судостроению при подготовке к Азовскому походу 1696 г.

Одновременно Петровский, Повенецкий и Кончезерский заводы в Карелии стали костяком Северо-Западного района. В Северо-западном районе сложился основной очаг судостроения, представленный верфью в Лодейном поле, созданной в 1703 г., а также Олонецкой и Петербургской Адмиралтейской

верфями и Ижорскими заводами. Поскольку в окрестностях Петербурга не было нужного леса, Петр I не останавливался перед организацией доставки дубовых бревен из Казанской губернии. Чтобы надежно связать Санкт-Петербург с Нечерноземьем и даже Уралом в 1703 – 1709 гг. был сооружен Вышневолоцкий канал, связавший Мсту с Тверцой, т.е. соединивший бассейны Невы и Волги. А в 1718 г. началось сооружение канала для обхода Ладожского озера с его тяжелыми для речных судов условиями навигации (История народного хозяйства..., 1960, с. 124, 125).

Главный, Уральский горнометаллургический район формировался последовательно. Уже в самом начале XVIII века казной там были построены Невьянский, Уктусский, Каменский и Алапаевский заводы. Невьянский завод вскоре был отдан Демидову.

К началу 1720-х гг. складывается уже целый горнопромышленный район: Демидовым и казной строится еще до десятка заводов. Уральские заводы часто имели широкую производственную линейку. Так, на казенном Уктусском заводе на восточном склоне Урала выплавлялся чугун, производились пушки и артиллерийские снаряды, плавилась медь. Однако, из-за маловодности речки Уктус, на которой был построен завод, постоянно возникали перебои с водоснабжением, приводившие к остановке производства. Поэтому, используя Уктусский завод как первоначальную базу, в том числе и местопребывания Управления уральскими заводами, административный, технический, культурно-образовательный и производственный центр Урала – будущий Екатеринбург – стали сооружать неподалеку, на реке Исети, в которую впадал Уктус, на лесостепной Исетской равнине. Это местоположение будущего центра горнопромышленного района, выбранное В.Н. Татищевым, обеспечивало удобное сообщение с остальными уральскими заводами, с Центром Европейской части России и с Сибирью. Географ и просвещенный государственный деятель В.Н. Татищев понимал, что в связи с перенесением главного порта страны из Архангельска в Петербург и активным освоением и заселением южных областей Сибири, в том числе в связи с открытием и началом разработки серебра, меди и

золота на Алтае и в Нерчинске, главная дорога на Сибирь должна пройти через центральную широкую седловину Урала по линии рек Сылва (на западе) – Исеть (на востоке), и что, расположенный севернее Верхотурский тракт теряет свое значение как более длинный и менее удобный (Иофа, 1948, с. 54-56).

В 1720-х гг. была сооружена целая группа железоделательных и медеплавильных заводов, в том числе Екатеринбургские, Толмачевский и Анненский. Так, уже к зиме 1723 г. в Екатеринбурге было закончено возведение плотины, домны, железоделательной, медеочистительной и медеплавильной фабрик. Кроме того были построены крепостной вал, казармы для солдат Тобольского полка (которых также использовали в качестве рабочей силы), много домов и несколько лавок. Хотя было подтверждено запрещение использовать любой путь в Сибирь, кроме Верхотурского, однако, было сделано первое исключение – кунгурских, казанских и уфимских купцов было разрешено пропускать на Ирбитскую ярмарку по новой дороге – через центральную уральскую седловину и Екатеринбург. В записке, поданной на имя Екатерины I в 1727 г., В.Н. Татищев развил тему новых маршрутов в Сибирь, альтернативных Верхотурскому тракту. Он отмечал, что «возможно два пути от Москвы сделать, которые едва не половиною-ль ближе будут: первый от Москвы через Владимир, Юрьеvec, Вятку, Кунгур, Екатеринбург, как возможно выкинув обходные кривизны, то до Тобольска дву тысяч верст не будет. Другая дорога в Дауры для пользы купечества и ездящих в оные места от Москвы через Казань, Уфимский уезд, через Царев Курган, Тару, Томск и не захватывая Енисейска в Дауры, которые ежели прямо сделают, можно весьма надеяться, что три тысячи верст умаляет» (Иофа, 1848, с. 60-61).

Получив повторное назначение на Урал в 1734 – 1737 гг. В.Н. Татищев разворачивает самую энергичную деятельность по строительству там заводов, число которых было доведено к началу 1740-х гг. до 40. Активно работала Екатеринбургская горная школа. Было намечено и впоследствии построено еще 36 заводов (Иофа, 1948, с. 44-45). Именно как центры главным образом черной металлургии почти одновременно основывались крупнейшие города Урала:

Екатеринбург – в 1723 г., Нижний Тагил – в 1725 г., Челябинск – в 1736 г., а вокруг них сформировались центры металлургии второго порядка, например, Златоуст (1754 г.) и Миасс (1773 г.). С 1760-х гг. Урал давал без малого 70% всей выплавки черных металлов в стране и 90% выплавки меди (История народного хозяйства..., 1960, с. 154). На Урале к середине века сложился и главный центр золотодобычи страны – на протяжении всего XVIII века золото добывали только из коренных месторождений или попутно извлекали при добыче меди и серебра (Современный рынок золота..., 2004).

Если в России в 1720 г. было несколько больше 20 домен, то в 1740 г. их было уже 35 – и по объему производства русская металлургия превзошла английскую, – в 1760 г. домен стало 62, в 1780 г. – 93, а в 1800 г. их число превысило сотню и достигло 111. В том году в России было выплавлено 162 тысяч тонн чугуна, а в Англии снова меньше – 156 тысяч тонн (История народного хозяйства..., 1960, с. 154). Однако география отрасли, заданная тремя районами, сложившимися в первой четверти века, существенных изменений не претерпела. Расширялись лишь границы самих районов, прежде всего главного – с середины века началось освоение Южного Урала.

Параллельно шло развитие цветной металлургии – производства серебра, золота, меди – в Зауралье – только за 1763 – 1814 гг. на Алтае было построено одиннадцать заводов, а в Нерчинском округе – семь (Градостроительство Сибири, 2011, с. 213).

За первую четверть XVIII века сложились и главные ареалы выращивания экспортных технических культур – конопли и льна, посевные площади под которыми на протяжении всего столетия расширялись. Важнейшим стимулом выступало то, что обычно возделывание этих культур приносило большой доход. Конопля доминировала на более богатых почвах в полосе от Брянска и Вязьмы до Волги через Калугу, Орел, Курск, Пензу. К ней тяготела часть полотняных мануфактур, возникших к югу от Москвы – в Боровске, Калуге, Серпухове. К концу XVIII века соотношение площадей под коноплей и под льном составляло 9 к 5, т.е. посевы конопли превышали посевы льна почти в два раза. Ареал

льноводства располагался севернее, в Нечерноземье, от Вологды на севере, через Ярославль, Владимир, Новгород, Псков и до Смоленска, Ржева и Балахны на юге. Это сырье использовали полотняные мануфактуры Петербурга, Пскова, Вологды, Ярославля, а московские – располагались между этими двумя ареалами, скрепляя их в своеобразный единый макрорайон. Не случайно из 32 текстильных мануфактур, созданных в петровский период, 18, больше половины, были размещены в Москве (см., например, История народного хозяйства..., 1960, с. 137, 140, 151).

Макрорайон «полотняной» текстильной промышленности был образован к концу первой половины XVIII века волной освоения (менее мощной, но более широкой, чем в металлургии), разошедшейся от очага мануфактурного полотняно-парусного производства XVII века – Москвы – на запад, север и юг. К началу XIX века число полотняных заводов, преимущественно с крепостной рабочей силой, превысило три сотни.

Иначе сложился во второй половине XVIII века другой, расположенный к востоку от Москвы, компактный Иваново-Шуйский текстильный очаг. Его базой выступили местные льняные промыслы Владимирской, Ярославской, Костромской губерний, объединявшиеся торговым капиталом, в том числе крестьянским, в рассеянные мануфактуры. Иваново-Шуйский текстильный очаг «поймал» конъюнктурную волну становления хлопчатобумажной отрасли в России в середине XVIII века: если в конце 1760-х гг. в ведении Мануфактур-коллегии находилось только 7 хлопчатобумажных мануфактур (но 85 полотняных), то в конце века число хлопчатобумажных предприятий в стране превысило две сотни. В хлопчатобумажной промышленности уже в XVIII веке безраздельно господствовала капиталистическая мануфактура, в отличие от полотняной, где преобладали казенные или помещичьи мануфактуры. Пример капиталистической эволюции деревенского ремесла в мануфактуры, особенно во второй половине XVIII века дает история села Иваново, где с 1760-х гг. стало развиваться ситценабивное производство. Уже в 1774 г. там работало 14 мануфактур, имевших 614 станков и вырабатывавших 130 тысяч аршин тканей. К

концу XVIII века до 60% крестьян села Иваново, принадлежащего Шереметевым, работало по найму. В силу особенностей своего формирования как бы «снизу», малыми, в том числе «крестьянскими» капиталами, район во многом формировался «в обратном порядке» по сравнению с классическими английскими аналогами – от набойки через ткачество к прядению и до полного цикла хлопчатобумажного производства в XIX веке, когда перерабатывалось уже «заморское» сырье (История народного хозяйства..., 1960, с. 153, 154, 156, 170; Сметанин, 1996).

Развитие сельского хозяйства в XVIII веке носило преимущественно экстенсивный характер. Производство – сбор зерна и получение продукции животноводства – росло преимущественно за счет расширения посевных площадей, особенно увеличения распашки более плодородных земель в черноземной полосе, и увеличения поголовья скота. В конечном счете это увеличение распашки земель и поголовья скота достигалось ценой увеличения прямых затрат крестьянского труда, усиления крепостной эксплуатации. Так, и в последние два десятилетия XVIII века наблюдалось повсеместное расширение посевных площадей, особенно, конечно в черноземной полосе. Но даже в центрально-нечерноземных и северо-западных губерниях за 1780-е гг. посевные площади увеличились на 30-40%, а за 1790-е гг. – на 5-20%. В центрально-черноземных губерниях только за 1780-е гг. они увеличились на 60-80%, причем, главным образом, за счет расширения посевов пшеницы. Так, в Курской губернии они увеличились вдвое, а в Воронежской – в восемь раз. Сходная картина наблюдалась в Поволжье и Предуралье, например, в 1780-е гг. в Уфимской губернии посевы пшеницы утроились, а в Саратовской губернии за 1780-е – 1790-е гг. посевные площади под зерновыми удвоились (История народного хозяйства..., 1960, с. 151, 148).

Происходили и некоторые изменения в агротехнике. Во многих районах плуг начал заменять соху или появился целый ряд промежуточных форм усовершенствованной сохи. В рамках трехполья укоренялось «двоение» или даже «троение» пашни на зерновые посевы – рожь, пшеница. Устанавливалось

правильное чередование культур, начались опыты травосеяния. Расширилось применение удобрений (зола, навоз) под посевы ржи и озимой пшеницы раз в три года. Однако, достижений здесь не следует преувеличивать – сказывались последствия феодальной эксплуатации, не дававшей крестьянскому хозяйству, задавленному государственными налогами и «накладками», а крепостному еще и барщиной или оброками, в массе «подняться» – сделать достаточные накопления для необходимых инвестиций в оптимальную агротехнику и специализацию. В итоге даже в 1780-е – 1790-е гг. урожаи колебались в Нечерноземье в пределах сам 2-3, а в черноземной полосе – в пределах сам 3-6 (История народного хозяйства..., 1960, с. 152).

Желая поднять доходность своих имений, дворянство во второй половине XVIII века стало широко заводить вотчинные мануфактуры, перерабатывавшие продукты сельскохозяйственного производства руками крепостных. С 1765 г. винокурение или «высидка водки» было объявлено дворянской привилегией. Однако «заводились» не только винокуренные, но и полотняные, холстяные и парусные мануфактуры – их продукция могла поступать на экспорт, – а также суконные, так как их деятельность активно субсидировалась государством. К концу века вотчинная промышленность окрепла, однако, ее рост приостановился (История народного хозяйства..., 1960, с. 153, 156, 166).

Уже в петровский период наметилось географическое разделение барщины и оброка, которое, в конечном счете, усиливало различия в специализации сельского хозяйства Нечерноземья и черноземной полосы, обусловленные их природными особенностями. В Нечерноземье, где в центральных и северо-западных районах даже урожай сам-5 был редкостью, и периодически повторялись неурожаи, иногда сильные, как, например, в 1722 и 1723 гг., помещики чаще переводили крестьян на оброк, стремясь переводить оброчные платежи в денежную форму. В результате производство сельскохозяйственной продукции все больше переносилось в крестьянские хозяйства, стимулировались связь крестьянского хозяйства с рынком и городом, развитие кустарного ремесла и отхожих промыслов. В черноземной полосе помещики отдавали предпочтение

барщине, сами стремились организовывать крупное товарное хозяйство. Так, в петровский период многие дворяне продавали свои поместья в Подмосковье и скупали земли на Юге, в Поволжье или в Предуралье, создавая обширные поместья и насильственно переселяя туда крестьян (см., например, История народного хозяйства..., 1960, с. 135, 136).

Вместе с тем, необходимо отметить, что в XVIII веке существовал значительный слой крестьянства, свободный от крепостной зависимости – «государственные крестьяне», удельный вес которых с 1724 г. по 1796 г. возрос с 19% до 39%, т.е. фактически удвоился. Во многих губерниях они преобладали, прежде всего, на севере и востоке – на Европейском Севере, в Предуралье и в Сибири (История народного хозяйства..., 1960, с. 150).

«Государственные крестьяне» были обязаны государю, казне податью и «накладками», которые для них были больше, чем для крепостных крестьян, обязанных еще помещику барщиной или оброком, однако, «государственные крестьяне» не знали над собой личной власти помещика. Поэтому они более свободно, чем «помещичьи» крестьяне, распоряжались своими имуществом и ресурсами, имели больше возможностей для самостоятельной инициативы, в том числе и рыночной, активно мигрировали. Важно отметить и концентрацию «государственных крестьян» в регионах нового освоения XVII века – в Сибири, либо в регионах, которые выступали базой этого освоения – на Европейском Севере и в Предуралье. Таким образом, «меховая» волна территориального развития в качестве побочного результата сформировала в стране своего рода огромный ареал личной свободы и предпринимательства, правда с часто весьма неблагоприятными природными и социально-экономическими условиями.

В целом земледелие на протяжении XVIII столетия сдвигалось на юг и восток. Волна южного направления достигла к XIX веку своих естественных границ у берегов Черного моря и северо-восточных предгорий Кавказа, а восточная – Забайкалья. В первой четверти века основная часть пашни находилась в Нечерноземье. Освоение малолюдных земель с более благоприятными агроклиматическими условиями во второй половине XVIII века

– южных черноземных (особенно после ликвидации постоянной угрозы набегов из Северного Причерноморья и Крыма), заволжских и западносибирских – повышало продуктивность и товарность сельского хозяйства. Проследить линию распространения устойчивого земледельческого освоения на юге и востоке позволяют даты присвоения городского статуса поддерживавшим это продвижение опорным пунктам. Таганрог, основанный в 1698 г. как крепость и надолго утраченный, становится городом с 1775 г., Ростов-на-Дону, заложенный как порт в 1742 г. получает городской статус в 1796 г. На Волге Саратов, основанный еще в 1590 г., становится городом в 1780 г., (для сравнения – основанная примерно одновременно – в 1586 г. Самара стала городом почти на век раньше – в 1688 г.). Ставрополь закладывается в 1777 г. и с 1785 г. получает городской статус, а центр хлебного Юга – Екатеринодар – основывается в 1793 г. Далее на восток: Оренбург основан в 1735 г. и окончательно локализован в 1743 г., Курган (укрепление Царево Городище) получил городской статус в 1782 г., а Барнаул – в 1771 г., его история примечательна.

Барнаул, основанный в 1730 г. как город-завод на речке Барнаулке, левом притоке Оби, формировался первоначально вокруг площади у мощной плотины через эту речку. Плотина, возведенная в 1739 г., превосходила подобные сооружения уральских заводов первой половины XVIII века, где рекордными были дамбы Верхне-Исетского завода – 270 м, и плотина Екатеринбургского завода – 170 м. Улицы Барнаула первоначально даже были ориентированы на заводскую площадь сереброплавильного завода, располагавшегося у плотины, а слободы – мастеровская, солдатская, драгунская, купеческая – располагались вдоль продольной оси, образованной речкой Барнаул и прудом. Постепенно, однако, все большее экономическое значение приобретало положение Барнаула на полноводной Оби в центре черноземного ареала с большим сельскохозяйственным потенциалом. С 1771 г. Барнаульский сереброплавильный завод становится городом. Его строительство во второй половине XVIII века велось уже на новой градостроительной основе – с применением классицистических принципов планировки и застройки. В 1785 г. город получает

генеральный план, который закрепил регулярную сеть кварталов. По генплану их намечалось порядка семидесяти, преимущественно прямоугольной формы, образованных пересечением восьми улиц, упирающихся одним концом в крутой берег Оби, и десяти переулков, перпендикулярных улицам, выделение соборной, торговой, горнозаводской и сенной площадей, и расположение всего города на левом берегу реки Барнаулки. Живописный вид города во многом определялся контрастом крутого левобережья и расположенных открытых сельскохозяйственных площадей на правом берегу этой реки (Градостроительство Сибири, 2011, с. 211-213).

Характерной чертой экономики послепетровской России стало дальнейшее развитие торговли. Новая столица – Санкт-Петербург – во многом стянул на себя внешнеторговый оборот страны, однако, центром всероссийского, внутреннего торгового, в том числе и многими товарами, которые попадали на экспорт, по-прежнему оставалась Москва. В Москву прибывали разнообразные товары из самых отдаленных регионов страны, в том числе из Сибири, с Урала и Поволжья. Важнейшим фактором, укрепившим положение Москвы как главного центра внутренней торговли, стало отчетливое обособление Нечерноземья и черноземной полосы, сложившееся во второй половине XVIII века и значительно углубившее территориальное разделение труда в стране, прежде всего, в ее Европейской части. Товарообмен между Нечерноземьем и черноземной полосой приобрел важнейшее значение для внутренней торговли России. При этом очень благоприятным оказывалось положение Москвы в междуречье Волги и Оки, на реках Москве и, через Язу, Клязьме, а также в досягаемости верховий Дона, а также Днепра, судоходного в ту пору как минимум до Смоленска. Напомним, что Мариинская система соединила бассейны Волги и Невы. Таким образом, Москва оказывалась узловым пунктом речных путей, связывающих Нечерноземье и черноземную полосу.

Различия в широтной специализации были весьма отчетливы, тем более, что в обмен поступали преимущественно продукты сельского и лесного хозяйства и их переработки. Нечерноземье предоставляло на экспорт и для внутреннего рынка

многочисленные продукты переработки льна – холст, полотно, паклю, льняное семя, олифу, а также «лесной товар» – поташ, скипидар, канифоль, смолу, деготь, лесоматериалы, в том числе заготовки корабельных мачт. Для внутреннего рынка были многочисленные и многообразные изделия кустарей, в том числе «промышленных сел», а также мануфактурного производства – железоделательного (здесь была и значительная экспортная составляющая), медного, солеварного, производства точильного камня и т.п. Черноземная полоса предоставляла на экспорт и для внутреннего рынка многочисленные продукты переработки конопли – холст, парусину, канаты, паклю, конопляное семя, олифу. В черноземной полосе располагались и многие суконные и шелкоткацкие мануфактуры. Но главное, в черноземной полосе возникали крупные излишки хлеба, в котором остро нуждалось Нечерноземье и который, в то же время, начинал экспортироваться. Таким образом, волны территориального развития под влиянием участия в глобальном рынке корабельных товаров, разошедшиеся в XVIII веке из московского центра к северо-западу и северу (производство льна, холста, полотна, железоделательное производство), к востоку (железоделательное производство), к югу (производство конопли, холста, парусины), способствовали значительному углублению территориального разделения труда в Европейской России и активизации внутреннего товарооборота.

Стремительное развитие хлебной торговли, общероссийским центром которой выступала Москва, стимулировалось, во-первых, значительным общим повышением цен на хлеб, которое началось в 1750-х гг. и продолжалось потом целые десятилетия, а, во-вторых, резкими перепадами хлебных цен, когда, например, в конце столетия в Петербургской губернии они превышали цены Среднего Поволжья вдвое. В Москве уже во второй четверти XVIII века торговали хлебом купцы со всей Европейской России, но особенно выделялись орловские и калужские купцы, осуществлявшие в том числе по Оке поставки из южных районов. Среди хлеботорговцев – а, например, в 1726 г. в Москве их было 1440 – оказывались и крестьяне, в том числе крепостные, из соседних губерний – 72 в том году. Широту торговых связей Москвы демонстрирует, например, тот

факт, что еще в 1723 г. крестьянские обозы с хлебом прибывали в нее из 34 уездов страны, в том числе из северной части черноземной полосы. Но кроме Москвы было много других центров торговли. Например, в хлебной торговле важное значение имели города на Волге – Тверь, Ярославль, Углич, Кострома, Чебоксары, Казань, – а на Оке – Муром. Великий Устюг оставался по-прежнему центром меховой торговли (История народного хозяйства..., 1960, с. 158; 141).

Большое значение для развития внутренней торговли имели ярмарки. Фактически всероссийской стала Макарьевская ярмарка у Нижнего Новгорода. Так, уже в 1720 г. товары на нее доставлялись более чем из сотни городов и торговых сел. Ее обороты быстро росли, и только с 1697 по 1720 гг. привоз товаров увеличился на треть. Кроме Макарьевской ярмарки существовало много других крупных ярмарочных центров, вроде Ирбитской или Свенской, Калужской, Лебедянской ярмарок, имевших региональный характер. Локальные ярмарки возникали в каждом уезде (История народного хозяйства..., 1960, с. 158; 142). Ярмарки имели большое значение и для развития внешней торговли на юге и востоке, прежде всего, соответственно, в Оренбурге – Троицке и в Кяхте – Цурухайтуй.

На примере Оренбурга, замысленного и построенного как форпост на Южном Урале для обеспечения торговли и влияния России в Казахстане и Средней Азии выдающимся государственным деятелем, статистиком и географом И.К. Кириловым, проявилась сложность совмещения административно-фортификационных и торговых функций. Первоначально крепость была построена в 1735 г. при впадении реки Ори в Яик (реку Урал) на восточном склоне Уральских гор. Крепость находилась в максимальной близости к союзному России Среднему жузу. Незадолго до основания города на этом месте была даже объявлена «Привилегия городу Оренбургу» для привлечения в город купечества. Однако, сразу выявились сложности сообщения этого хорошо укрепленного пункта с Центральной Россией и Поволжьем, что не способствовало развитию торговли и даже затрудняло на первых порах снабжение самой крепости, которой предстояло войти в историю как город Орск. А для главной

базы России на Южном Урале, на границе с Великой Степью было подобрано новое место. Окончательно Оренбург разместился в 1743 г. в районе наибольшего сближения реки Яик (Урал) с рекой Самарой, на западном склоне Уральских гор. Такое местоположение обеспечивало городу удобную связь с Волгой, торговой артерией России. Дорогу от города Самары на Оренбург И.К. Кирилов называл «Московской» и вдоль нее по реке Самаре был построен ряд крепостей и опорных пунктов, из которых Бузулук является теперь городом. Но это перемещение Оренбурга к западу отодвигало его от Среднего жуза, прилегавшего к Южному Уралу с востока. Выходом стала организация крупного ярмарочного центра – Троицка на восточной стороне Урала. Во второй половине XVIII века Оренбург («единый в двух лицах» Оренбург – Троицк) превратился на несколько десятилетий в один из важнейших провинциальных торговых городов империи. Через него шли товары Казахстана, Средней Азии, Персии – многие тысячи голов скота, хлопчатобумажные ткани, хлопок-сырец, парча, ковры, золото, фрукты и т.д. (Иофа, 1848, с. 31-33). В середине XVIII века русские купцы, участвуя в торговле с Востоком, получали от своих операций в Оренбурге до 100% прибыли (История народного хозяйства..., 1960, с. 168).

На юго-восточном направлении развивается активная меновая торговля с Китаем. По Бурейскому трактату 1727 г. для русско-китайской торговли на границе двух империй выделялось два пункта – Кяхта на реке Селенге и Цирухайтуй на реке Аргуни. «Кяхтинский торг» приобрел особенно большое значение. Денежный товарооборот там был запрещен – чай, шелк и другие традиционные китайские товары обменивались на меха и выделанные кожи, сукно и железо. Кяхтинская ярмарка в XVIII веке имела, по сути, монополию в России на чайный товар (Сибирь в составе Российской империи, 2007, с. 268-269). Понадобился еще почти год после подписания Бурейского трактата для обмена ратифицированными документами, чтобы С.Л. Владиславлев-Рагузинский, заложил в 1728 г. торговую слободу, которую и стали называть Кяхтой, расположенную в четырех верстах к югу от Ново-Троицкой крепости и пограничного города, официально именуемого Троицкосавск. Со временем оба

населенных пункта сложились в один, именуемый ныне Кяхтой. (Градостроительство Сибири, 2011, с. 204, 206). Как итог успешного столетнего торгового развития города, можно констатировать, что, когда, согласно Устава 1822 г., сибирские города разделялись на три разряда – многолюдные, средние и малолюдные, в Иркутской губернии средними городами были признаны только Нерчинск, Верхнеудинск и Троицкосавск, причем только последний относился к заштатным городам, т.е. не был административным центром уезда (Рабцевич, 1981, с. 168-169). Примерно тогда же во всех трех городах были построены гостиные дворы в стиле классицизма (Градостроительство Сибири, 2011, с. 523).

Китайская сторона всячески стремилась ограничить взаимную торговлю данными выделенными пунктами, не допустить оплату китайским золотом мехов, допуская лишь его обмен на русское серебро. Кроме того, китайская сторона всячески препятствовала караванной торговле русских купцов в Пекине, стремясь локализовать взаимную торговлю на границе, – в 1722 г. русские купцы-участники каравана были высланы из Пекина, а в 1755 г. даже арестованы там и повешены. Однако, русским купцам и ярмарочный вариант торговли приносил огромные прибыли. Так, в 1770 г. при обмене продовольственных припасов, привезенных с запада на меха на Илимской ярмарке купец наживал 200% прибыли и удваивал эту прибыль, перепродавая меха на китайской границе, т.е. на ярмарках в Кяхте или в Цурухайтуе (Бродель, 1992, с. 472-474).

В XVIII веке Россия не ушла с глобального рынка пушнины, что влияло в основном на территориальное развитие восточных районов. Продолжалось движение на восток – освоение тихоокеанских островов, побережья Аляски. Объектом промысла были «морской бобер» – калан, котики, но также голубой песец. Пушной промысел начался в 1740-х гг. на Командорских островах. С первых зимовок в середине 1740-х гг. артели промышленников возвращались с грузом порядка полтора тысяч шкурок «морского бобра» и несколько тысяч – песцов и котиков (Ципоруха, 2011, с. 64). К 1765 г. промышленники открыли большинство Алеутских островов, в 1784 г. было основано первое постоянное поселение в Америке, на острове Кадьяк. Тихоокеанской базой в XVIII веке

оставался Охотск, который в 1732 г. был формально утвержден портом со всеми штатами, и где строились и откуда отправлялись, в частности, корабли обеих Камчатских экспедиций.

Схема 1.4.3. «Корабельная» волна территориального развития России в XVIII веке

Аспект	Характеристика
ФОРМА	концентрическая очаговая
АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ	в XVIII в.: - Северо-Запад, Урал, Нечерноземный Центр; в XX в. Южный Урал, Кузбасс, Северо-Запад
ДЛИТЕЛЬНОСТЬ	80 лет в XVIII в. – 1700-е – 1770-е гг.; продолжение 10 лет в XX в. – 1930-е гг.
КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ	1710-е гг. – 10 лет – учреждение коллегий и губернская реформа
КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВА	1700-е – 1720-е гг. – 30 лет

Табл. 2. Характеристики «корабельной» волны территориального развития России в XVIII веке.

Глава 5.⁵
XIX ВЕК: РОССИЯ – ЭКСПОРТЕР ЗЕРНА И ЗОЛОТА

**5.1. Движущие силы реализации ситуации территориального развития
России XIX – начала XX веков**

**Содержание ситуации ТР России XIX-начала XX веков задавалось
противоречивыми поисками компромиссов между феодальными и**

⁵ Основные положения Главы 5 изложены в (Савченко 2014, с. 171 – 213).

капиталистическими тенденциями развития при стремлении дворянства сохранить свое доминирующее положение в государстве, длительным сохранением крепостничества, а затем борьбой с его пережитками. Территориальное развитие России как ведущего экспортера глобальных сырьевых рынков в XIX веке обязано главным образом внутренним преобразованиям, а не внешним приобретениям, хотя пределы государства были заметно расширены на Юге, Северо-Западе и Дальнем Востоке. Но это не привело к радикальному изменению специализации страны. Прежние приоритеты сменялись новыми, связанными с глобальными рынками зерна и золота, постепенно.

В самом начале XIX века Россия сделала важный и поначалу многообещающий шаг в сторону усиления глобального аспекта своей торговли и представительства экономических интересов, который, увы, продолжен не был. На двух шлюпах, построенных в Англии и принадлежавших Российско-Американской компании, в 1803 – 1806 гг. было совершено первое русское кругосветное плавание, преследовавшее целый комплекс целей – политических, экономических, исследовательских. Летом 1803 года экспедиция вышла из Кронштадта, имея важные и разноплановые задания – доставить грузы для американских колоний, забрать там пушнину и доставить ее в Китай для продажи, а с китайскими товарами вернуться в Кронштадт; кроме того, произвести гидрографические работы, а также доставить в Японию посланника, камергера, одного из главных участников (акционеров) компании, торговые отношения которой с Японией были главным предметом посольства.

Посетить собственно Русскую Америку, доставить туда необходимые припасы и забрать оттуда груз мехов должен был только шлюп «Нева». Флагман экспедиции, шлюп «Надежда», должен был доставить первое российское посольство в Японию, а затем встретить второй корабль уже в порту Макао, в Южном Китае и забрать часть китайских товаров на выручку от продажи там американских мехов, которые должен был доставить второй корабль экспедиции из столицы Русской Америки на острове Кадьяк. Японцы отказались принять русское посольство, однако, «Надежда» обследовала Японское море, остров

Сахалин, ряд Курильских островов, после чего согласно плану экспедиции встретила в Макао с «Невой». «Нева» не только доставила на Аляску необходимые грузы а оттуда – пушнину, но оказала весьма своевременную помощь в освобождении временно захваченного аборигенами главного поселения компании, которое было с тех пор надежно укреплено и получило название Новоархангельск. Завершив торговые операции в январе 1806 г. оба корабля ушли из Китая и в середине лета вернулись в Кронштадт (Соломонов..., 2012, с. 121-123).

С коммерческой точки зрения продажа мехов Аляски непосредственно в Южном Китае в обмен на чай, шелк, фарфор и т.п. была гораздо выгоднее для Российско-Американской компании, так как исключала посредников, прежде всего, англичан. Обходил «южнокитайский» канал сбыта и Кяхту, с ее чрезмерной пекинской регламентацией. Это был выход на новый уровень международной торговли. После успешного завершения первого кругосветного плавания, в том же 1806 году одно из судов экспедиции снова отплыло назад к Новоархангельску – началось «правильное сообщение компанейскими судами между Кронштадтом и колониями». Расширились торговые связи, «на миллионы перевозились пушной и прочий товары», Новоархангельск своими торговыми оборотами далеко превзошел испанский (в то время) Сан-Франциско. Сюда в 1808 году было перенесено правление Российско-Американской компании из Иркутска. В том же 1808 году были установлены дипломатические отношения между Россией и США. В 1812 году Особенным Комитетом Министерства военных морских дел военным портом на Тихом океане был избран Петропавловск-на-Камчатке, а компания, после согласования с Петербургом, основывает в Северной Калифорнии, принадлежавшей тогда Испании, колонию, названную Росс. В 1815 году компания поднимает российский флаг над фортом у бухты Гонолулу, а владетель Сандвичевых (Гавайских) островов обращается к Александру I с просьбой о принятии его владений и народа под покровительство России (История Российского Флота, 2007 с. 320-321).

Однако, серьезного дальнейшего развития этот успех не получил во многом в силу «не приоритетного» отношения Александра I к вопросам мореплавания. Более того, успешного и энергичного «правителя», как тогда говорили, компании, из каргопольских купцов, в 1817 году увольняют без объяснения причин. На эту должность с тех пор стали постоянно назначаться морские офицеры. Одновременно, в 1817 и 1818 годах «за ненадобностью» продаются Испании 5 линейных кораблей и 6 фрегатов. Они бы оченьгодились России на Тихом океане – в 1854 году своевременный приход только одного фрегата из Кронштадта на помощь Петропавловску-на-Камчатке позволил успешно отбить нападение англо-французской эскадры из 7 крупных кораблей (История Российского Флота, 2007 с. 317, 320, 386). Фактически отказ от развития кругосветной схемы торговли с Русской Америкой и Дальним Востоком и отказ от развертывания серьезного морского присутствия на Тихом океане были первыми – добровольными и «не вынужденными», – но необратимыми шагами по оставлению Россией американских колоний.

В этой связи если совпадением, то весьма многозначительным, выглядит тот факт, что штаб восстания декабристов находился в здании Главного правления Российско-Американской компании в Петербурге по адресу Набережная Мойки, 72, где имел «ведомственную» квартиру К.Ф. Рылеев, являвшийся одним из высокопоставленных служащих компании. Под следствием по делу о восстании декабристов оказался и ряд морских офицеров, служивших в Российско-Американской компании (Рокот, 2007, с. 86, 185, 257).

В целом преобразования в России в первой половине XIX века шли по пути, намеченному в XVIII веке, то есть в поисках компромисса между крепостническими и капиталистическими тенденциями при постепенном усилении последних, выражавшихся в либерализации отдельных сторон хозяйственной жизни, не затрагивавших основ крепостного строя. Подобная либерализация поиска и добычи драгоценных металлов, право на которые с 1812 г. предоставлялось «всем российским подданным», вызвала скачкообразный рост их добычи. В 1814 г. в России было получено 0,26 т золота, а в 1855 – уже 26,4 т.

Страна вошла в глобальный «золотой клуб»: в начале XIX века ее доля в мировой добыче была ниже 1%, а к его середине достигла 41%. На короткий, 20-летний, период Россия стала мировым лидером золотодобычи, но затем последовал спад до 12,6% в 1851-1860 гг., и примерно на этом, сравнительно скромном, но заметном уровне вклад страны держался до XX века. Снижение доли России в мировой добыче объясняется не спадом добычи золота в России, а началом разработки ряда богатейших месторождений в Северной Америке, Австралии, Южной Африке (Современный рынок золота...,2004).

В рамках реализации противоположных, крепостнических тенденций в экономике, Россия, опираясь на заделы последней трети XVIII века, приступила к активному экспорту зерна из осваиваемой преимущественно помещичьими хозяйствами европейской черноземной зоны. После отмены хлебных пошлин в Англии со второй половины 1840-х гг. вывоз зерна становится основной статьей русского экспорта – с 1801-1805 по 1856-1860 гг. его доля возросла с 20% до 35%, а в весовом выражении он вырос в 3,5 раза. Эта тенденция продолжилась и после начала Великих реформ. В середине XIX века Россия занимала 1-е место в мире по экспорту зерна: за 11 лет (1857-1867 гг.) экспорт зерна из страны увеличился с 1 млн. т до 1,9 млн. т, т.е. в натуральном выражении почти удвоился (Гордеев..., 2009, с. 20).

В первой половине XIX века, пока на морях доминировал парус, сохранял свое значение экспорт корабельных товаров, хотя его удельный вес снижался и в нем неуклонно падала доля промышленных изделий, особенно металлов. Если сравнивать первое пятилетие этого периода (1801-1805 гг.) и последнее пятилетие (1856-1860 гг.), то доля в совокупном экспорте металлов (кроме благородных) уменьшилась больше чем в 3 раза, с 5,5% до 1,5%; доля пеньки упала с 17,5% до 4,9% (сказывалась нарастающая конкуренция джута); а льняных и пеньковых изделий – с 5,8% до 0,8%. При этом товарный лен, в условиях общего падения цен на него, оставался в основном крестьянской, а не помещичьей культурой (в отличие от зерна и конопли) – помещики присваивали его в виде оброка и перерабатывали затем на своих мануфактурах, в том числе и на экспорт – в

материальном выражении, во весу в 1856-1860 гг. по сравнению с 1821-1825 гг. экспорт льна более чем удвоился (История народного хозяйства..., 1960, с. 221-222).

На глобальном рынке пушнины страна тоже выступала столь активно, что ставила подчас под угрозу уничтожения ценные виды, например, в 1851 г. пришлось запрещать охоту на речных бобров (Сибирь в составе Российской империи..., 2007). Российско-Американская компания осваивала меховые богатства Аляски и ревностно утверждала свое присутствие в этом регионе. Процесс освоения пушных богатств Аляски и Алеутских островов шел поступательно, пока позволяла естественная продуктивность территории и акватории – в первой половине XIX века сохранялось общее направление геополитической, экономической и научной активности России на крайнем Северо-Востоке Азии и на Северо-Западе Америки, принятое во второй половине XVIII века.

В целом за 1800 – 1860 гг. внешняя торговля России быстро росла. Если сравнивать первое пятилетие этого периода (1801-1805 гг.) и последнее пятилетие (1856-1860 гг.), то среднегодовой экспорт увеличился в 3 раза, а среднегодовой импорт – в 4,3 раза. Баланс внешней торговли, как и в XVIII веке, оставался положительным. И по каналам внешней торговли благородные металлы поступали в страну. Однако, дворяне активно тратили деньги за границей, поэтому перед реформой 1861 г. через европейскую границу вывозилось больше благородных металлов, чем ввозилось. Это ухудшало платежный баланс страны (История народного хозяйства..., 1960, с. 220-221).

Таким образом, на протяжении почти всей первой половины XIX в. Россия, сохраняя свои позиции крупного участника важнейших в то время глобальных рынков корабельных товаров и зерна, а также традиционного рынка мехов, стала к тому же обладателем возрастающих объемов золота, мировых денег. *Деятельностный контекст* ситуации ТР России в XIX-начале XX вв. задавало участие в глобальных рынках хлеба и золота – с переходом во второй половине

XIX в. мореплавания на пар и металл, корабельные товары постепенно перешли на положение второстепенно рынка.

Но эти блага, получаемые верхушкой общества большей частью путем вовлечения в оборот все новых природных и людских ресурсов, повышения степени их эксплуатации на базе примитивных уже тогда технологий, обернулись «голландской болезнью». Ее симптомы очевидны в политике министра финансов империи в 1823-1844 гг. Е.Ф. Канкрин, при котором государственные доходы возросли в 2,5 раза, и было стабилизировано денежное обращение. Это стремление сдержать рост промышленного капитала путем почти полного прекращения кредитования промышленности, препятствовать деятельности частных банков и строительству железных дорог (по его словам, «болезни нашего времени»). Основное внимание уделялось устойчивости денег, ликвидации бюджетного дефицита (прежде всего, путем сокращения государственных расходов), винным откупам и протекционистским тарифам. Положительного отношения при таком курсе заслуживала только промышленность помещичьих имений, перерабатывающая поставляемое ими сельскохозяйственное сырье. Отмена крепостного права мыслилась лишь в далекой перспективе и в результате мер самих помещиков (Политическая экономия, Т.2, 1975, с. 95).

Результаты и проявления «голландской болезни» были многообразны. Хорошо видны они, например, в области железнодорожного строительства.

Первые рельсовые пути – внутризаводские – появились в России во второй половине XVIII века, как и в Англии. Причем, на уральских и алтайских заводах тогда же для передвижения тележек по этим путям был применен канатный привод от водяного колеса, в то время как в Западной Европе обычно применялся ручной труд или конная тяга. В 1806 -1809 гг. между змеиногорским рудником и сереброплавильным заводом на Алтае была построена чугунная дорога на конной тяге. Рельсы этой дороги имели близкую к современной форму, с выпуклой поверхностью катания, а колеса тележек имели ободья с желобком, ширина которого соответствовала ширине выпуклой части рельса. Это был значительный шаг вперед по сравнению с уголковыми рельсами, применявшимися в Англии, и

приводившими к частым сходам тележек из-за забивания профиля песком и щебнем. Крепостные механики уральского заводчика Демидова отец и сын Черепановы построили и успешно испытали в 1834 г. первый в России паровоз (его называли «сухопутный пароход») и чугунную дорогу. Более того, за эту работу Черепанов-сын получил от Демидова вольную, а Черепанов-отец получил ее еще раньше за создание паровой машины для откачки воды из шахт (Зензинов, 1986, с. 22-25). Однако, эти и подобные инициативы не получали продолжения или государственной поддержки, «повисали в вакууме» экономической политики первой половины XIX века, пораженной «голландской болезнью».

Первую российскую железную дорогу Петербург – Павловск длиной 27 км построили на средства частной компании с иностранным участием для увеселительных поездок петербургской знати. На участке до Царского Села ее пустили в 1836 г., а до Павловска – в следующем году. За первые четыре года по этой дороге было перевезено 2,5 млн. пассажиров и она дала 300 тысяч рублей дохода. 1 февраля 1842 г. был объявлен указ «Об учреждении Комитета устройства железной Петербургско-Московской дороги», т.е. о строительстве магистрали между новой и старой столицами. Характерно, что в ходе обсуждения проекта руководители Министерства внутренних дел и Главного управления путей сообщения, критикуя проект, утверждали, что принятые авторами проекта объемы перевозок завышены, расходы, напротив, занижены, и что дорога занесет «вредный дух иностранный». Не менее характерен ответ авторов проекта в декабре 1841 г., что «можно ожидать не вредное на Москву иноземное влияние, но полезное для Петербурга сближение с центром древнего русского царства» (Зензинов, 1986, с. 33).

Официальное открытие дороги состоялось в конце 1851 г. Е.Ф. Канкрин уже не был министром финансов, но в значительной части правящего класса его отношение к железным дорогам, если не как к «болезни нашего времени», то как к необязательной экзотике оставалось. Для сравнения, в середине 1840-х гг. прусский офицер Гельмут фон Мольтке (Мольтке-старший), хорошо понимавший значение технической революции для армии, быстро оценил стратегическое

значение железных дорог и разработал с их использованием новый метод развертывания для концентрации больших масс войск. Он пришел к выводу, что благодаря железным дорогам Пруссия получила возможность быстрой переброски масс войск, и что развитие железнодорожной системы гораздо важнее для обороны страны, чем строительство фортификационных сооружений на границе. В 1858 г. Мольтке-старший был официально утвержден в должности начальника Генерального штаба Пруссии, а в 1862 г. были проведены первые большие учения по развертыванию на железнодорожном перегоне Гамбург - Любек (Герлиц, 2005, с. 79-81).

Итогами упорного цепляния дворянства за крепостнические пережитки стали полувековое отставание России от Англии, тогдашнего мирового лидера, по срокам промышленного переворота, неразвитость железнодорожного транспорта, банковской системы, коммерческого мореплавания, биржевой торговли и внутреннего рынка в целом. Поражение в Крымской войне 1853-1856 гг. заодно привело страну к финансовому краху, принудив правящие классы к форсированному преобразованию страны на капиталистических началах.

«Великие реформы» изменили ситуацию последней трети XIX в. по сравнению с предыдущим периодом, введя в ее *структуру* новых акторов, таких как местный финансовый капитал, а несколько позднее – иностранных кредиторов и инвесторов. Их не всегда последовательный и комплексный характер связан не только с сопротивлением косной верхушки, но и с накопленной технологической отсталостью, и с расстройством финансовой системы. В результате жизненно важное для страны решение крестьянского вопроса на путях капиталистического преобразования сельского хозяйства затянулось на полвека – от освобождения крестьян за выкуп в 1861 г. до столыпинских реформ начала следующего века. Дворянство, составлявшее ядро административной бюрократии, всячески тормозило реформы сельскохозяйственного сектора. Так, ради удорожания земли и удешевления крестьянского труда, теперь наемного, в Европейской России сановное лобби затрудняло переселение крестьян из малоземельных регионов.

Быстрые ощутимые результаты кардинальные «смены вех» в различных областях государственной политики времен Великих реформ дали в сфере территориального развития на Дальнем Востоке и на Юге, благодаря грамотному и своевременному использованию сложившейся международной обстановки. В 1857 г. был подписан Айгунский договор с Китаем, объявлявший левый берег Амура от реки Аргунь и до устья владением России, а земли от реки Уссури до Тихого океана – совместным владением до разграничения. В том же году с Китаем подписывается Тяньцзиньский трактат о праве России направлять посольства в Пекин, открытии ряда портов для русской торговли и праве экстерриториальности российских подданных. В 1857 г. также подписывается договор с Японией об установлении дипломатических отношений, открытии трех японских портов для русской торговли, распространении всех привилегий подданных других держав на российских подданных, о признании Северо-Курильских островов владением России, а Сахалина – совместным владением. Наконец, в 1860 г. подписан Пекинский договор с Китаем, по которому к России переходит Уссурийский край, а для русской торговли открываются Пекин, Кантон, Урга и Кашгар. В 1862 г. последовало соглашение с Китаем о правилах сухопутной торговли со значительными льготами для России.

В 1864 г. следует приказ императора Александра II о присоединении Сибирской и Оренбургской линий и о переносе границы к Чимкенту. Начинается присоединение Средней Азии. На 1864 – 1868 гг. приходятся особо активные мероприятия в этой области. В 1867 г. создается Туркестанское генерал-губернаторство.

Встав перед необходимостью стратегического выбора между углублением освоения Аляски, от первичного «пушного» способа к каким-то последующим (с неясными перспективами, хотя формально некие признаки нефти и золота были обнаружены и подтверждены) и между форсированным усилением присутствия в Средней и Центральной Азии с его конкретными, «осязаемыми» перспективами в виде хлопка, столь необходимого развивающейся российской промышленности, но и теми же золотом и нефтью, помноженными на геополитические перспективы

расширения возможностей давления на Индию, получения базы усиления влияния в Персии и Китае, да и понимая, что аляскинское «плечо» отвлекает скудные людские и материальные ресурсы от освоения недавно значительно расширенного Дальнего Востока, Российское правительство в 1867 г. продало Аляску США. США не очень хотели покупать Аляску и в этом их еще пришлось убеждать (см., например, Рокот, 2007).

Локомотивом хозяйственного развития в третьей четверти XIX века стали инновации в финансовом секторе. Сначала они сводились к упорядочению государственных финансов – формированию системы государственных счетов и учреждению 31 мая 1860 г. Государственного банка, – а также к банковской реформе – основанию частных банкирских домов, а позже и акционерных банков. В 1860-1870-е гг. в период проведения банковской реформы и формирования новой системы финансовых учреждений частные банкирские дома и конторы играли основную роль в финансовой жизни России – в контроле денежного рынка и определении биржевой конъюнктуры, в железнодорожном строительстве, в учредительских операциях.

Строительство железных дорог с 1860-х гг. велось уже частными российскими компаниями, торговыми и банкирскими домами при значительной поддержке казны и иностранного капитала. Дело это шло с переменным успехом, частный капитал не имел необходимого производственного опыта в силу особенностей своего первоначального накопления, прежде всего, на винных откупах как, например, у двух основных «королей» частных железных дорог 1860-1880-х гг. (Ананьич, 1992, с. 72-73). В итоге государству сначала пришлось ссудами и льготами помогать строить частные железные дороги, а потом часть из них выкупать обратно для обеспечения их нормального функционирования. В начале XX века две трети железнодорожной сети России принадлежало государству, а треть – частным компаниям. При этом железных дорог ощутимо не хватало и в 1913 г. доля водного транспорта в перевозках по стране составляла более двух пятых (История народного хозяйства..., 1960, с. 372).

Как результат пятидесятилетней «голландской болезни» первой половины XIX века на железнодорожном транспорте и практически во всех отраслях промышленности, кроме, пожалуй, хлопчатобумажной, изначально формировавшейся на капиталистических началах, ощущалась острейшая нехватка технологий и капиталов.

Иностранные вложения в российскую экономику рассматривались даже просвещенными и патриотично настроенными государственными деятелями как «единственный способ доведения нашей промышленности до требуемого уровня», как выразился С.Ю. Витте в докладе Александру III. Стержнем всей политики стала денежная реформа 1895-1897 гг. с приданием рублю золотого паритета, подготовка которой – накопление золотого запаса, достижение устойчиво позитивного платежного баланса и бездефицитного бюджета – велась с начала 1880-х гг. (Министерству финансов России..., 1993).

Иностранные кредиторы и инвесторы с пониманием отнеслись к «золотой» российской политике: в 1880-1890-е гг., да и позднее, в Европе, особенно во Франции, успешно размещались займы, которые помогли форсировать железнодорожное строительство в стране. Так золотодобыча России опосредованно способствовала расширению ее участия в глобальном рынке зерна – железнодорожное сообщение выводило на внешние рынки новые районы земледелия, в том числе сибирские, хотя последние, скорее не с хлебом, а с маслом.

Западные инвестиции обеспечили резкий подъем ряда отраслей тяжелой индустрии, особенно черной металлургии и машиностроения. Они явно преобладали в этих отраслях, а также в кредитно-банковской сфере. К 1910 г. в общем объеме акционерного капитала западные инвестиции составляли примерно треть, а, например, в золотодобыче иностранные инвестиции составляли 55%. Вместе с тем, преодолеть последствия «голландской болезни» только методами финансово-денежной политики, без активной промышленной и технологической, за вторую половину XIX века и начало XX века не удалось – если в конце XVIII века по производству чугуна Россия опережала Англию, то в начале XX в. по

производству стали она в несколько раз уступала Германии. Формально занимая пятое место в мире по объему промышленного производства, Россия вырабатывала промышленной продукции в 2,5 раза меньше Франции, в 4,6 раза меньше Англии, в 6 раз меньше Германии и в 14 раз меньше США. Еще больше были не валовые, а душевые показатели отставания в промышленном производстве (История народного хозяйства..., 1960, с. 368; Современный рынок золота...2004, с. 205). По плотности железнодорожной сети, измеренной в верстах железных дорог на 100 кв. км территории, Россия к 1914 г. отставала от сопоставимых по территории США более чем в 13 раз, и даже от сельскохозяйственной Румынии – почти в 10 раз (Кондратьев, 1991, с. 105). Более того, Россия вошла в XX век с той же долей городского населения, которой она достигла еще в начале XVIII века по итогам петровских реформ – 13%; до 1861 г. несмотря на формальное учреждение сотен городов, прирост их жителей уступал сельскому (Тревиш, 2009, с. 255).

В то же время в начале XX века важнейшие отрасли хозяйства России попали под иностранный контроль и иностранные инвесторы проводили там политику, далекую от российских национальных интересов. Так, на 1 января 1914 г. в России было 47 акционерных коммерческих банков – 13 в Петербурге, 8 в Москве и 26 – в провинции. Вместе с тем, три крупнейших банка – Русско-Азиатский (контролировался французским капиталом), Петербургский коммерческий и Азовско-Донской (с влиянием французского капитала) охватывали почти половину общего итога сводного баланса всех акционерных банков России, а один только Русско-Азиатский – почти пятую часть. Петербургские банки образовали две финансово-промышленные группы. Первая во главе с Русско-Азиатским банком с преобладанием франко-бельгийского капитала, включала банки Частный Коммерческий (с которым Русско-Азиатский банк в 1911 г. заключил картельное соглашение), Русский Торгово-Промышленный и Сибирский торговый. Вторая возглавлялась Международным банком (с участием германского капитала) и в нее входили банки Русский для

Внешней торговли, а также Учетный и Ссудный (История народного хозяйства..., 1960, с. 376-377).

В сфере влияния Международного банка (т.е. германского капитала) оказалась паровозостроительная и частично судостроительная отрасль, в том числе паровозостроительные общества Сормовского и Коломенского заводов (их неформальное объединение представляло собой завуалированный трест), а также ряд предприятий в горной, стекольной, текстильной промышленности, судоходные общества, соляная монополия «Океан». А личной унией банк был связан с трестом братьев Нобель и компанией Роял Датч Шелл в России. В сфере влияния Русско-Азиатского банка (т.е. французского капитала) входил ряд предприятий военной промышленности, вагоностроительные заводы, частные железные дороги, в том числе – Московско-Казанская, «Русская генеральная нефтяная корпорация», Табачный трест, ряд других торгово-промышленных обществ. Важнейшее значение имела связь этого банка с синдикатами «Продамет» в металлургии и «Продуголь» в угольной промышленности, организованными франко-бельгийскими инвесторами, соответственно, в 1902 г. и в 1904 г. Политика этих синдикатов была направлена на ограничение производства в своих секторах для повышения прибыли за счет взвинчивания цен. Эта политика приводила перед Первой мировой войной к созданию искусственного металлургического и угольного «голода». Например, в начале XX века металлургические заводы работали с нагрузкой, составляющей не более 80% их производственной мощности, а только за три года (1910-1913 гг.) прибыли участников «Продамета» возросли более чем на 70%. Синдикаты играли важную роль, в том числе, в организации сбыта продукции по монопольным ценам при выполнении казенных заказов, в том числе, поставок для армии или железных дорог, как, например, созданный в 1906 г. синдикат «Продвагон». Деятельность монополий ограждалась от иностранной конкуренции покровительственными таможенными тарифами. А внутри страны в отраслях тяжелой промышленности, например, металлургия Урала не могла оказать достойной конкуренции из-за слабости финансовой базы и отсутствия лоббистских возможностей, которыми

располагали синдикаты, созданные иностранным капиталом (История народного хозяйства..., 1960, с. 370-374).

Западные инвестиции оказались в реальности не вполне удачным «способом доведения нашей промышленности до требуемого уровня». Политика создания преференций иностранным инвестициям продемонстрировала отчетливый контраст по методу и результату политике технологического трансфера с опорой на собственные капиталы, реализованной Петром Великим. В структуре российского экспорта со второй четверти и до конца XVIII века доля промышленных изделий была выше, чем в начале XX века, да и покупателями российской промышленной продукции были наиболее развитые в то время страны. Структура внешней торговли России в начале XX века отражала реальный уровень экономического и технологического развития страны, как результат политики «опоры на иностранные инвестиции», в том числе уровень развития ее промышленности, оцененный мировым рынком.

Неизменным в российской внешней торговле, как и в XVIII, так и в XIX веке, оставались только ее рост и положительное внешнеторговое сальдо. За 1900-1913 гг. обороты внешней торговли более чем удвоились. В период промышленного подъема активное сальдо торгового баланса составляло ежегодно несколько сот миллионов рублей – теперь золотых. Однако, эти значительные суммы шли преимущественно на покрытие и обслуживание иностранной задолженности (История народного хозяйства..., 1960, с. 380- 381).

Основой внешней торговли по-прежнему являлся экспорт хлеба: перед Первой мировой войной продажи российского зерна – более 10 млн. т – составляли треть его мирового экспорта. Экспорт хлеба с 1861 по 1911 гг. в натуральном выражении возрос в 10 раз, и за 1909 – 1913 гг. составил в среднем 10,5 млн. т в год. За 1880 – 1913 гг., т.е. за 33 года, среднегодовое производство зерна в России выросло с 40 млн. т до 86 млн. т, или в 2,2 раза, а его товарная часть – с 9,3 млн. т до 21,3 млн. т, или в 2,3 раза. С середины XIX и по начало XX века Россия прочно занимала второе место в мире по объему производства зерна – после США, которые вырвались вперед за счет кукурузы, давая 70% ее мирового

производства. В рассматриваемый период основными экспортными зерновыми культурами в мире были пшеница, ячмень, рожь, овес и кукуруза. Россия по объему экспорта первых четырех культур занимала первое место в мире, а по экспорту кукурузы – четвертое (после США, Аргентины и Румынии). Удельный вес экспорта из России в мировой торговле того времени составлял: по пшенице – 26%, по ржи – 47%, по ячменю – 73%, по овсу – 48% и по кукурузе – 13%. В целом в рассматриваемый период доля российского зернового экспорта в мире колебалась в пределах 22-33%. Если отдельно выделить предвоенное пятилетие 1909-1913 гг., то основой российского экспорта продолжали оставаться пшеница и ячмень, на долю которых приходилось 76% ее зернового экспорта; остальные 24% приходились на рожь, овес и кукурузу. Если весь объем российского экспорта за 1909-1913 гг. принять за 100%, то на долю сельскохозяйственных товаров приходилось 70,6%: из них 41,7% приходилось на зерно, на муку и отруби – 3,4%, на жмыхи – 2,4%, а на масло коровье и яйца – почти 10% (9,2%) (Гордеев..., 2009, с. 20, 21, 24).

В импорте, сдерживаемом заградительными пошлинами, главными статьями были машины и аппараты, хлопок (внутреннее производство удовлетворяло потребности только примерно на половину), шерсть, шелк-сырец, чай и т.п. В 1913 г. импорт угля и кокса (преимущественно из Англии и преимущественно для снабжения Петербургского промышленного узла) превысил 500 млн. пудов – что явилось следствием политики угольного «голода», проводившейся «Продуглем». Во внешнеторговом обороте России первое место принадлежало теперь Германии, второе – Англии, третье – Голландии. Такое положение сложилось с 1890-х гг. – Германия поглощала примерно 25% русского экспорта, а Англия – до 20%. Это были исключительно сельскохозяйственные товары. Еще в первой половине XIX века торговый оборот России с Англией превышал торговый оборот России с Германскими государствами (объединение Германии состоялось, напомним, только в 1870 г.) в несколько раз. Однако, затем свою роль сыграл рост вывоза в Англию зерна из США и Канады и леса из Канады, потеснивших на английском рынке Россию, с одной стороны, и опережающее промышленное

развитие молодой Германской империи, нуждающейся во все возрастающих объемах в продовольствии и сельскохозяйственном сырье и способной часто предложить более качественные и дешевые промышленные товары на российский рынок, чем Англия. Что касается российского промышленного экспорта, то его доля составляла с конца XIX века 3-4%, он шел практически полностью в восточные страны, прежде всего, в Персию и Китай, в экспорте в которые он играл главную роль. Важно отметить, что в этой номенклатуре почти нет продукции отраслей промышленности, которые «доводили до требуемого уровня» с помощью иностранных инвестиций – преобладали хлопчатобумажные ткани и сахар (История народного хозяйства..., 1960, с. 324-325, 381).

Внешнеэкономическая ситуация начала XX века осложнялась тем, что главным инвестором и кредитором России выступала Франция (а также Бельгия и Англия), а главным торговым партнером – Германия, т.е. страны, которые были непримиримыми стратегическими противниками. При этом каждая из групп предъявляла к России свои жесткие и, подчас, взаимно исключаящиеся требования. Первые требовали наращивания положительного сальдо торгового баланса (для покрытия и обслуживания кредитов) и закрытия внутреннего рынка высокими таможенными пошлинами, особенно для продукции тяжелой промышленности, в предприятия которой они сделали инвестиции. Вторая, напротив, стремилась, как минимум, выровнять сальдо взаимной торговли и максимально открыть российский рынок для своего промышленного экспорта. Эта ситуация постоянно ставила отношения России и Германии на грань таможенной войны.

Значение ситуации ТР России как экспортера зерна и золота в XIX-начале XX вв. определяется тем, что в результате ее реализации была структурирована система расселения Черноземной полосы Европейской части страны, юга Западной Сибири, а также основной полосы расселения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Граница с Китаем приняла современные очертания. Было завершено построение системы портов на Черном море и продолжено ее формирование на Тихом океане. Был сформирован каркас связавшей основные

районы производства и сбыта сельскохозяйственной продукции железнодорожной сети страны, форсированное развитие которой в 1880-1900-е гг. во многом происходило благодаря иностранным «золотым» займам.

5.2. Трансформация организационно-территориальной структуры

В XIX веке на развитии организационно-территориальной структуры России ее участие в глобальных рынках обычно сказывалось опосредованно – через повышение роли финансовых механизмов в управлении, через не всегда регулярные и последовательные шаги в сторону рационализации и либерализации хозяйственной деятельности, через взаимодействия с частным капиталом по передовым зарубежным аналогам, но при стремлении к сохранению дворянского государства.

В 1802 г. вместо петровских коллегий вводятся министерства по французским образцам. Формирование министерской системы завершается к 1811 году. По мере расширения круга решаемых ими задач регулирования и организации разных сторон жизни страны, прежде всего экономических, росло и число министерств: первоначально их было 8, а через почти сто лет, в начале XX в. – 15. Неизменной на протяжении всего периода оставалась особая роль, которую играло в ходе территориального развития страны под воздействием участия в глобальных рынках Министерство финансов. Минфин сосредоточил в своем ведении основную часть как объектов, так и инструментов регулирования территориального развития. В сферу компетенции Минфина включались отрасли хозяйства, требовавшие больших (государственных) затрат и дававшие доходы казне, а также таможня и государственные банки.

В 1811 г. Минфин, ведавший всеми источниками доходов государства, имел в своем составе четыре департамента, канцелярию и государственные кредитные учреждения. Департамент государственных имуществ ведал казенными землями, лесами, винокуренными заводами, крестьянами (кроме заводских и фабричных). На Департамент горных и соляных дел возлагалось управление казенными и частными горными заводами, добычей соли и минералов. Департамент внешней

торговли отвечал за всю эту сферу вплоть до таможен, заменив упраздненное Министерство коммерции. Четвертый департамент ведал поступлениями всех видов податей и сборов. Канцелярия обеспечивала взаимосвязь с другими ведомствами, вела дела по внутренним и внешним займам, рассматривала финансовые проекты. В 1821 г. в состав Минфина как особый департамент вошло и Государственное казначейство, ведавшее государственными расходами.

Дальнейшие реорганизации Минфина касались как расширения его функций (управление железными дорогами, морскими торговыми портами), так и передачи их другим ведомствам. К 1917 г. по итогам всех изменений сложилась следующая структура: совет по тарифным делам и тарифный комитет, департамент железнодорожных дел, совет по делам страхования доходов и капиталов, совет по делам казенной продажи «питей», главное управление неокладных сборов, департамент окладных сборов, департамент таможенных сборов, управление отдельного корпуса пограничной стражи, департамент государственного казначейства, особая канцелярия по кредитной части (вопросы внутреннего и внешнего долга, монетное дело), агент Минфина в Париже (Министерству финансов России..., 1993).

В сфере железнодорожного дела компетенция финансистов охватывала позиции, активно влияющие на территориальное развитие – тарифы на перевозки, строительные и эксплуатационные сметы, проекты новых казенных дорог, выкуп убыточных и участие в прибылях рентабельных частных железных дорог. Так, дискриминационный железнодорожный тариф, действовавший от станции Челябинск в 1896-1911 гг., искусственно снижал конкурентоспособность западносибирского зерна в Европейской России и черноморских портах, принудительно ориентировал его поставки на Урал и Восточную Сибирь, а экспорт направлял через порты Балтики и даже Белого моря. В то же время такой «хлебный» тариф способствовал специализации Западной Сибири на производстве и экспорте масла, который бурно рос, сделав регион в начале XX века неоспоримым общероссийским лидером по экспорту этого продукта.

Многогранная деятельность Министерства финансов иногда затрагивала вопросы территориального развития России с самой неожиданной стороны. Так, в состав Минфина входил Отдельный корпус пограничной стражи, выполнявший преимущественно экономические функции борьбы с контрабандой. Учитывая, что, например, контрабанда золота на Дальнем Востоке принимала весьма значительные, уже государственные масштабы, по ряду оценок достигая подчас 5т в год (Современный рынок золота..., 2004, с. 202-203), подчинение Отдельного корпуса пограничной стражи Минфину выглядит логичным.

В вопросах территориального развития страны пересекались интересы Минфина и других министерств: МВД, в ведении которого находились губернаторы и переселенческое дело, Министерства государственных имуществ, Кабинета. Отвечая за доходы и расходы бюджета, в том числе за успех масштабных железнодорожных проектов, Минфин стремился к налаживанию межведомственной координации. Особое место здесь занимает созданный при самом активном участии министра финансов С.Ю. Витте Комитет по строительству Сибирской железной дороги, действовавший с 1892 по 1905 гг. Комитеты были принятой формой решения межведомственных вопросов в Российской империи. Сам Витте, например, являлся в разное время членом целого ряда комитетов от разных ведомств, в которых ему доводилось работать.

Однако, Комитет по строительству Сибирской железной дороги, имея, и в этом была инициатива С.Ю. Витте, своим главой наследника престола, ставшего затем императором, а его заместителем – председателя Комитета министров, эффективно решал не только вопросы собственно железнодорожного строительства, но фактически стал на время высшим государственным органом по выработке и проведению государственной политики развития Сибири. Не случайно его иногда называли просто «Сибирским комитетом». Путем правильного подбора структуры и состава комитета, обеспечивших необходимую концентрацию власти и распорядительских полномочий, Витте удалось превратить его в реальный орган проектного управления территориальным развитием Сибири и Дальнего Востока.

Важную роль в территориальном развитии России под воздействием участия в глобальных сырьевых рынках играл частный капитал, особенно крупный, связанный с государством. В первой половине XIX в. это была Российско-Американская компания, работавшая на рынках мехов и чая, установившая «правильное сообщение компанейскими судами между Кронштадтом и колониями» и сыгравшая значительную роль в первичном освоении Сахалина, в развитии портов Камчатки и, особенно, Охотска. Компании были предоставлены в монопольное пользование все промыслы и ископаемые на территории Русской Америки, Курильских и других островов, а также предоставлено право организовывать экспедиции, занимать вновь открытые земли и торговать соседними странами.

В конце века крупной компанией, связанной с государством и внесшей вклад в освоение Дальнего Востока, стало образованное в 1879 г. общество «Добровольный флот», занимавшееся доставкой из черноморских портов на Дальний Восток переселенцев и грузов, особенно для строительства Уссурийской и Амурской дорог Великой Сибирской магистрали. О важности этой работы свидетельствует, например, следующий эпизод. Когда возводили уникальный мост длиной 2600 м через Амур по проекту профессора Л.Д. Проскуракова (он был отмечен золотой медалью Парижской выставки 1900 г. за проект другого железнодорожного моста – через Енисей, уже реализованный ко времени возведения моста через Амур), то пролетные строения моста, изготовленные в Варшаве, доставлялись к месту строительства морем из Одессы через Владивосток. Один из пароходов с грузами для строительства наскочил на японскую мину и затонул. Сооружение моста затянулось – пришлось ждать, пока изготовят и доставят новые фермы. Поэтому, когда в 1915 г. на последнем участке Средне-Амурской дороги Великой Сибирской магистрали – от Буреи до Хабаровска – была закончена укладка пути, начатая в 1912 г., мост еще не был готов. Он был введен в эксплуатацию только в следующем, 1916 г. (Зензинов, 1986, с. 75-77, 67-68).

Железнодорожный и промышленный бумы последних десятилетий XIX в. связаны с моделью государственного капитализма (бюджетное финансирование масштабных инфраструктурных проектов, выкуп в казну частных железных дорог, размещение казенных заказов на частных предприятиях). Так, важнейшая «островная» магистраль, связавшая Волжско-Камский и Обь-Иртышский речные бассейны и придавшая новый импульс развития стагнирующей промышленности Урала – Пермь – Екатеринбург – Тюмень, – была построена в 1883 –1885 гг. на средства казны. На момент постройки магистрали до ближайшей железнодорожной станции на западе – Нижнего Новгорода – было около 1000 км, а на восток от Тюмени железных дорог не было вообще. Введение железной дороги в эксплуатацию привело к значительному росту перевозок через Урал и сразу сказалось на темпах промышленного перевооружения также и Западной Сибири (Сибирь в составе Российской империи..., 2007, с. 255).

Как показал пример золотодобычи, а также льняной и лесной отрасли, важнейшую роль в развитии сырьевых отраслей России на рубеже XX века играл банковский и биржевой сектор. Наряду с иностранными банками и банкирскими домами, отечественные торговые и банкирские дома участвовали в создании российских акционерных коммерческих банков, а также земельных ипотечных банков. С созданием сети крупных акционерных коммерческих банков к ним перешла, особенно в годы предвоенного экономического подъема, и ведущая роль в финансовой жизни империи. Многие банкирские дома стали выступать как субподрядчики или синдицированные партнеры крупнейших банков, особенно Петербургского Международного, Русско-Азиатского, Азовско-Донского. Однако, ряд влиятельных банкирских домов сами превратились в акционерные банки. Например, братья Рябушинские на базе своего банкирского дома создают в 1912 г. крупный Московский банк. Возникает и большое количество провинциальных банкирских заведений: согласно Справке Министерства финансов на 1 января 1913 года сведения о своих операциях в министерство представляло 158 банкирских заведений, из них в Санкт-Петербурге 32, в Москве – 10, в губернских городах – 60, в уездных городах – 56. Общее же число

банкирских заведений согласно тому же источнику в России в это время достигало 300 – попытки правительства жестко регламентировать деятельность банкирских домов терпели неудачу, на их защиту вставали, в частности, биржевые комитеты (Ананьич, 1991, с. 120-123; 151-153).

Так, в дореформенный период средний капитал определял развитие сибирской золотодобычи, которая изначально была сферой предпринимательства гильдейского купечества и дворян. Но с 1870-х гг. в золотопромышленную отрасль стал проникать и крупный капитал. Банкирский дом «И. Е. Гинцбург» с начала 1870-х гг. начинает финансировать сибирских золотопромышленников, как и другое петербургское банкирское заведение – «Э. М. Мейер и К», владельцем которого был английский подданный Эдуард Мейер. В 1874 г. Гинцбурги становятся фактическими хозяевами «Ленского золотопромышленного товарищества», основанного двумя иркутскими купцами первой гильдии еще в 1855 г. и окончательно оформленного в 1864 г. Столичные финансисты сразу упраздняют главную контору товарищества в Иркутске и переносят ее в Санкт-Петербург. Практически одновременно Гинцбурги формируют в Олекминском округе Якутской области Иннокентьевское золотопромышленное дело, объединив ряд приисков; выступают в числе совладельцев Березовского золотопромышленного дела близ Екатеринбурга на Урале; а несколькими годами позже становятся участниками Алтайского и Миасского золотопромышленных предприятий (дел). В 1880-е гг. Гинцбурги становятся также пайщиками Южно-Алтайского золотопромышленного дела и продолжают скупать паи Верхне-Амурской золотопромышленной компании. Однако, главным объектом приложения капитала банкирского дома «И. Е. Гинцбург» остается Ленское золотопромышленное товарищество, в котором они сотрудничают с банкирским заведением «Э. М. Мейер и К» вплоть до 1912 г. (Ананьич, 1991, с. 50-53).

Вместе с тем, в начале 1890-х гг. банкирский дом оказывается в критическом положении, утратив самостоятельные возможности финансирования. В поисках выхода Гинцбурги обращаются к кредитам Государственного банка, с одной стороны, и к акционерной форме предприятия, с другой. В 1895 г. они становятся

одними из акционеров Российского золотопромышленного общества. А в 1896 г. Ленское золотопромышленное товарищество перестает существовать как паевое фамильное предприятие и становится акционерным обществом. Его учредителями выступили Г.Е. Гинцбург и банкирский дом «Э. М. Мейер и К», а председателем правления был избран Г.Е. Гинцбург. Гинцбурги были наиболее крупными держателями акций, значительная доля акций принадлежала банкирскому дому «Э. М. Мейер и К» и Российскому золотопромышленному обществу. С 1898 г. акции товарищества допущены к котировке на Петербургской бирже. Однако, товарищество вступает в это время в полосу кризиса, часть его акций так и остается нереализованной, оно пытается получить кредиты в Вене и в Берлине, но единственным реальным источником его финансирования с начала 1900-х гг. выступает Государственный банк, открывший товариществу в 1901-1903 гг. неуставной кредит в размере 11,2 млн. рублей (Ананьич, 1991, с. 54-56).

Постоянная зависимость от Государственного банка побуждала Гинцбургов искать источники финансирования Ленского золотопромышленного товарищества за границей. Итогом этих поисков стало создание в 1908 г. совместного англо-русского общества «The Lena Goldfields», или «Ленские золотые прииски». С английской стороны партнером выступила компания «The Russian Mining Corporation Limited», или «Русское горнопромышленное товарищество с ограниченной ответственностью», специально созданная в 1906 г. с участием крупнейших золотопромышленных компаний Лондона для содействия помещению английских капиталов в российские предприятия, особенно горнопромышленные. Результатом непростого и многоэтапного процесса формирования «Ленских золотых приисков» стало то, что летом 1909 г. Ленское золотопромышленное товарищество окончательно погасило свои временами доходившие до 10 млн. рублей долги Государственному банку. И начиная с операций 1909-1910 гг. английское Общество стало основным источником финансирования Товарищества. С переходом почти трех четвертей акций Товарищества в собственность «Ленских золотых приисков» усилилось и его влияние на дела и выборы правления. При этом Общество, имея возможность

получать кредиты в Лондоне под 3%, взимало за ссуды Товариществу 6-6,5%. Акции «Ленаголдфилдс», хотя официально не были допущены к котировке на бирже Петербурга и обращались лишь на Лондонской и Парижской биржах, сделались предметом масштабных спекуляций (Ананьич, 1991, с. 56-59).

Держатели акций Общества в Петербурге стремились «выжать из дела как можно больше и как можно быстрее», в результате их давления по операциям 1909-1910 гг. был выплачен необычайно высокий дивиденд – 56%. Параллельно была развернута активная спекуляция акциями Товарищества – в 1911 году Русско-Азиатский банк создал специальный синдикат по их покупке и продаже, первоначально с 20-процентным участием Русского Торгово-Промышленного банка, одновременно являвшегося миноритарным акционером Ленского золотопромышленного товарищества (синдикат просуществовал до 1917 г., хотя состав его менялся). Спекулятивное давление, в том числе осуществляемое собственными акционерами, заставляло правление Товарищества также выплачивать необоснованно большие дивиденды, составившие в 1908-1909 гг. 2,78 млн. рублей, а в 1909-1910 гг. – 4,23 млн. рублей (Ананьич, 1991, с. 59-62).

На этом фоне следует оценивать отказ правления удовлетворить требования подвергавшихся нещадной эксплуатации рабочих ленских приисков об увеличении зарплаты на 33% с формулировкой что это «понижило бы прибыль Товарищества в 1912 г. на сумму более 1,3 млн. рублей». Последовавшая в результате этого решения и организации подавления забастовки силой оружия ленская трагедия, получившая самый широкий общественный резонанс (в том числе давшая В.И. Ульянову его знаменитый псевдоним), положила конец участию банкирского дома «И.Е. Гинцбург» в золотопромышленности. Контроль за движением акций Ленского золотопромышленного товарищества в конечном счете стали осуществлять крупнейшие банки, являвшиеся его миноритарными акционерами, прежде всего, Петербургский Международный банк, а также Русско-Азиатский банк, представители которых вошли после отставки Гинцбургов в правление, председателями которого становились рекомендованные их руководством фигуры (Ананьич, 1991, с. 62-63). В 1912 г. в результате

забастовки на Ленских приисках в России было добыто на 6 т золота меньше, чем в 1911 г. (Современный рынок золота..., 2004, с. 203).

Крупный капитал в лице Рябушинских консолидировал на новой, акционерной основе такие традиционно экспортные сырьевые отрасли, как льняная и лесная, фактически Рябушинскими осуществлялась реструктуризация и модернизация производства части номенклатуры «корабельных товаров», но в новых условиях – не крепостничества, а монополистического капитализма. В 1908-1914 гг. Рябушинские открыли отделения своего банкирского дома в основных центрах районов производства льна на Северо-Западе России – в Ржеве, Ярославле, Вязьме, Костроме, Смоленске, Острове, Пскове, Сычевске, Кашине, – что позволило им установить деловые отношения с местными торговцами льном. Самыми важными партнерами Рябушинских стали С.Н. Третьяков – владелец и председатель правления Большой костромской льняной мануфактуры – и ряд других московских льняных фабрикантов. В результате было создано Русское акционерное льнопромышленное общество «РАЛО», с уставным капиталом в 1 млн. рублей, 80% из которых внесли Рябушинские, а 20% - остальные фабриканты. Председателем правления стал С.Н. Третьяков, а председателем совета – М.П. Рябушинский. В 1912 г. была пущена фабрика по первичной обработке льна в Ржеве. Уставной капитал был далее дважды удвоен и достиг 4 млн. рублей, а Рябушинские стали почти единоличными акционерами «РАЛО», в их руках было сосредоточено почти 18% всех льняных фабрик страны. Следующим шагом по монополизации льняной отрасли должно было стать создание картеля «Лен» все с тем же С.Н. Третьяковым, но переговоры о его создании прервала революция (Ананьич, 1991, с. 121-122).

В 1912 г. братья Рябушинские на базе своего банкирского дома создают крупный Московский банк, обеспечивавший, в частности, финансирование консолидации под контролем Рябушинских значительной части лесной отрасли на Северо-Западе России. Лесная отрасль стала объектом приложения капиталов Рябушинских в начале XX века, когда на долю России приходилось порядка 60% мирового экспорта леса. К 1916 г. лесной фонд Рябушинских составлял 60 тыс.

десятин, им принадлежали лесопильные заводы в Архангельске, Мезени и Ковде, а в районе Котласа они купили земельный участок под постройку писчебумажной фабрики и вели переговоры о получении у государства в бассейнах Серверной Двины, Вычегды и Сухоны концессии на лесные площади в несколько миллионов десятин. В 1917 г. ими было создано общество «Русский Север» по заготовке, переработке и экспорту леса и лесопродуктов, а также разработке торфа в этом огромном районе (Ананьич, 1991, с. 123).

В XIX веке, как в и XVIII, продолжалась политика покровительственных внешнеторговых тарифов, промышленного протекционизма. Однако на рубеже XIX и XX веков в эпоху государственно-монополистического капитализма такая политика такая политика втягивала Россию в таможенные войны, прежде всего, с Германией, которые подчас обострялись настолько, что ставили обе страны на грань реальной войны (см., например, Шишов, 2004, с. 75-96; История народного хозяйства, 1960, с. 328-330).

5.3. Трансформация территориальной структуры хозяйства

В 1814 г. на Урале были найдены первые в стране богатые залежи россыпного золота. До этого, в течение всего XVIII века, золото добывалось только на рудниках из коренных месторождений или извлекалось попутно. Одновременно с интенсивной золотодобычей на Урале, геологоразведочные работы, а затем и добыча продвигались на восток: с 1826 г. были впервые предоставлены права на поиск золота в Тобольской губернии, в 1840 г. открыта система золотых приисков на севере Енисейского округа, в 1846 г. золото нашли в Ленском округе, в 1878 г. – в Забайкалье. На Чукотке золото было открыто в 1900 г. и стало разрабатываться с 1902 г. (Современный рынок золота..., 2004, с. 201-204). Таким образом, с 1830-х гг. от Урала до Тихого океана прошла вторая, «золотая» волна освоения Сибири – примерно в той же последовательности и примерно за такой же полувековой период, что и первая, «меховая» (см. Схему 1.5.3., помещенную в конце параграфа).

Золотодобывающая промышленность стала ведущей в дореформенной Сибири. По объему продукции частная золотодобыча опережала там в 1860 г. все прочие отрасли промышленности вместе взятые (Сибирь в составе Российской империи..., 2007). Золотодобывающая промышленность давала значительный мультипликативный эффект для территориального развития региона: она создала новый рынок труда, причем не только в золотодобыче, но и в обеспечивающих отраслях, способствовала развитию путей сообщений, способствовала развитию местного спроса на продукцию сельского хозяйства и ряда отраслей промышленности; рост золотодобычи стимулировал торговлю, создавал поле приложения крупных капиталов и в ряде случаев – спрос на технические усовершенствования в этой отрасли.

В начале XX века золотодобывающая промышленность среди горнодобывающих отраслей России по величине товарной продукции занимала третье место и второе место по числу занятых – 84 тысячи человек. По итогам территориального развития золотодобычи в XIX веке, к Уралу и Алтаю, как районам добычи золота с середины XVIII века, добавились еще три значительных района – Енисейско-Саянский, Приамурский и Ленский. Центр золотодобычи переместился с Урала в Сибирь, откуда к началу XX в. поступало 70% золота страны, при этом 92% его добычи приходилось на россыпное золото. Всего с 1719 по 1917 гг. в России было добыто и поступило в казну от государственных и частных промыслов или отдельных старателей 2,9 тыс. т золота, из них 90,7% в результате добычи из россыпей, 8,8% – из рудников, 0,5% было выплавлено из комплексных руд в результате попутной добычи (до 1814 г. добыча золота из россыпных месторождений вообще не велась). В 1913 г. в России насчитывалось 1517 приисков и 257 рудников, в основном мелких, почти 60% золота было добыто вручную старателями (Сибирь в составе Российской империи..., 2007; Современный рынок золота..., 2004, с. 205-206). Такая распыленность не способствовала образованию новых центров, за исключением Бодайбо на Витиме, основанного в 1864 г. и получившего статус города в 1925 г. Ощутимый вклад в

урбанизацию страны «золотая» волна внесла своим продолжением уже в советское время.

Рост золотодобычи в Сибири происходил не равномерно. После скачка, связанного с выработкой наиболее богатых и относительно легкодоступных россыпей, последовал спад: если в 1895 г. в Сибири было добыто 21,9 т золота, то в 1905 г. – только 14,9 т. На механизацию добычи бедных россыпей, золотоносных жил, разработку глуболежащих пластов требовались значительные капиталовложения. В зависимости от местных условий золотопромышленники искали различные пути выхода из сложившегося кризиса. В Томской горной области – в Мариинской и Енисейской тайге, Ачинско-Минусинском горном округе основой принятых мер стали механизированная добыча россыпного золота драгами и гидромониторами, разработка рудных жил. В Иркутской горной области основным путем подъема золотодобычи стали инвестиции в шахтный способ разработки россыпей. Напротив, Забайкалье, Ленский, Ангарский, Зейский горные округа стали местами преобладания кустарных золотничных работ: сохранившиеся сравнительно богатые и легкодоступные россыпи, наряду с нарастающими потоками китайской и корейской дешевой рабочей силы, делали здесь механизацию малоэффективной (Сибирь в составе Российской империи..., 2007, с. 256).

Таким образом, в Сибирской золотодобыче складывались две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, масштабное техническое перевооружение – в 1910 г. на Сибирских приисках эксплуатировалось 40 современных для того времени драг, как изготовленных на Путиловском заводе Петербурга, так и закупленных в США и Голландии; на некоторых приисках использовались термическая обработка руды и зимняя промывка золота; на рудниках применялись алмазные буры; в единичных случаях запускались гидроэлектростанции. В 1890-1900 гг. в связи с переходом на золотой стандарт, золотодобывающей промышленности были предоставлены дополнительные льготы, в том числе для поощрения технического перевооружения был издан закон о беспошлинном ввозе золотодобывающего оборудования и частей к нему.

С другой стороны, местная рабочая сила часто была проблемой. В Приамурье, например, местным жителям запрещалось работать на предприятия золотодобывающей промышленности, чтобы они не отвлекались от сельскохозяйственного производства. Золотопромышленники нанимали артели китайцев по 100-150 человек. Фактически зачастую золотопромышленник отдавал прииск на откуп китайской артели за определенную квоту добычи, а на остальное закрывал глаза. В результате была организована подпольная сеть переправки добытого золотого песка за границу, через Китай в Сингапур, где песок превращали в слитки. По ряду оценок, только на приисках Приамурья в год добывалось 8 т золота, а регистрировалось только 3 т, и остальное нелегально вывозилось за рубеж (Современный рынок золота..., 2004, с. 202-206).

В первой половине XIX века продолжалось активное сельскохозяйственное освоение Причерноморья, начатое в последней четверти XVIII столетия. Выход на новый, главный для страны глобальный рынок – хлебный – поддерживался мощной волной урбанизации черноземной полосы России от Курска до Минусинска и сопровождался сменой главных регионов-поставщиков, организующих центров и портов отгрузки. Во второй половине XIX века Восток страны вслед за «золотой» волной освоения захватила и «хлебная» (см. Схему 1.5.3.).

Проследить линию распространения устойчивого земледельческого освоения на юге и востоке позволяют даты присвоения городского статуса поддерживавшим это продвижение опорным пунктам. В дополнение к центрам, связанным с началом этой волны и получившим городской статус в конце XVIII века – Таганрогу, Ростову-на-Дону, Саратову, Ставрополю, Екатеринодару, Оренбургу, Кургану, Барнаулу – добавляются Новочеркасск, основанный в 1805 г.; Омск, «столица Сибири», острог с 1716 г., окончательно получает городской статус в 1804 г.; а основанный в 1738 г. Минусинск, становится городом в 1822 г. Вехой окончания первой полувековой «хлебной» волны освоения черноземных территорий, достигшей своих естественных границ и плотности деятельности, необходимой для эффективного зернового экспорта, можно считать 1838 год,

когда был основан Новороссийск, экспортные ворота для хлеба Кубани и Ставрополя. Он завершил формирование сети черноморских и азовских портов, возникших преимущественно в последней четверти XVIII века.

Хлебная волна территориального развития, дойдя до своего естественного предела – Черного моря – на юге, поворачивает на восток, пока не достигнет, уже в начале XX века, Тихого океана. В 1842 г. действие правил об общем порядке переселения казенных крестьян, изданных в 1824 и 1831 гг., распространяют на Сибирь, что позволяет частично или полностью развернуть поток выходцев из малоземельного Нечерноземья с причерноморского Юга на Восток страны. Со второй половины XIX века начинается второй этап освоения бассейна Амура, начало которому было положено еще в XVII веке. В 1850 г. был основан Николаевск-на-Амуре, получивший городской статус в 1856 г., в 1851 г. городской статус получает Чита, в 1856 г. основан Усть-Зейский военный пост, который становится городом Благовещенском в 1858 г., в 1858 г. – военный пост Хабаровка, получивший городской статус в 1880 г. и ставший городом Хабаровском в 1893 г., наконец, в 1860 г. основан Владивосток.

В пореформенный период хлебная волна из Европейской России нагнала «золотую» волну освоения Сибири. В Южной Сибири начался аграрный бум. В 1913 г. сельское хозяйство давало 2/3 продукции края, специализируясь на зерновом земледелии и мясомолочном животноводстве. Волна аграрного освоения южных районов Сибири и Дальнего Востока достигла своего пика уже в ходе столыпинских реформ и железнодорожного строительства, прежде всего, конечно Великой Сибирской магистрали. Если за 1861 – 1885 гг. в Сибирь переселились около 300 тысяч крестьян, причем порядка 80% из них осели в Западной Сибири, то только с 1907 по 1914 гг. приток переселенцев превысил 2,5 млн., вызвав активное аграрное заселение Забайкалья, Приамурья и Приморья. За начало XX века площадь посевов зерновых культур в Сибири возросла в 1,75 раза, до 30% собранного зерна поступало на рынок. Тарифная политика сдерживала сибирский зерновой экспорт – повышенные тарифы на перевозку хлеба, начиная от станции Челябинск, действовали в 1896-1911 гг., снижая

конкурентоспособность сибирского хлеба на значительных территориях Европейской России и в портах Черного моря. Товарный хлеб шел на Урал, в Восточную Сибирь, а также в Европейскую часть в направлении портов Балтийского и Черного морей. Зато экспорт животного масла, не сдерживаемый запретительными тарифами возрос с нуля до 4,5 млн. пудов к началу Первой мировой войны. Сибирь давала порядка 90% российского экспорта масла (Сибирь в составе Российской империи..., 2007, с. 258).

Увеличение производства зерна в России в 1880 – 1913 гг. достигалось в основном за счет расширения посевных площадей. Так, если по основным зерносеющим губерниям Европейской части России в начале 1860-х гг. площадь пашни составляла 119 673 тыс. га, то к 1887 г. она увеличилась до 150 500 тыс. га, т.е. на 25,8%. За 1881 – 1910 гг. урожайность зерновых культур, хотя была крайне низкой и колебалась по годам, имела все-таки тенденцию к росту: за указанные тридцать лет она возросла на крестьянских землях с 5,6 ц с десятины до 7 ц с десятины, на владельческих землях – с 7 ц с десятины до 8,9 ц с десятины. Период 1886 – 1913 гг. выступает периодом динамичного развития зернового хозяйства, внешней и внутренней торговли хлебом. Наряду с экспортом хлеба, выросла его продажа и на внутреннем рынке. Количество товарного, «рыночного» зерна, т.е. отчуждаемого из хозяйств, достигало 50% его валового сбора. При этом перед Первой мировой войной оценки участия в снабжении рынка различных групп сельских производителей зерна – помещиков и крестьян – расходятся: на долю крестьян относят от 52 до 67%, но в любом случае больше половины. А перед революцией 1917 г. участие крестьян в снабжении товарного рынка возросло до 75%. В 1913 г. в России под пшеницей было занято 25,6% посевных площадей, под рожью – 33,4%, под овсом – 19,1%, под ячменем 12,4% (Гордеев..., 2009, с. 20, 21).

По итогам территориального развития сельского хозяйства в XIX веке, основным районом зернового экспорта России стал юг Европейской части, дававший пшеницу и ячмень, главные экспортные культуры; Среднее Поволжье и

Центральное Черноземье стали основными регионами, поставляющими хлеб на внутренний рынок (см. Таблицы 1.5.3. и 2.5.3.).

Таблица 1.5.3. Основные губернии России, вывозящие более 50% хлеба на экспорт*

Губернии	Общий вывоз, тыс. пудов	Вывоз на внешний рынок, тыс. пудов	% вывоза на внешний рынок от общего вывоза
Донская область	67334,8	47382,5	70,4
Кубанская область	66053,9	54827,9	83,0
Ставропольская	21109,7	17115,2	81,1
Пензенская	11658,9	6981,5	59,8
Уфимская	10437,4	6028,8	57,7

*Источник: Кондратьев, 1991, с. 106.

Донская и Кубанская области вышли в абсолютные лидеры как по производству товарного хлеба, так и по его экспорту. Причем по объему и доле экспорта первенствовала Кубанская область, удобнее расположенная по отношению к порту отгрузки. Соседняя Ставропольская губерния отставала по этим показателям примерно втрое. Замыкали список пяти крупнейших «зерноэкспортирующих» регионов России Уфимская и Пензенская губернии, специализировавшиеся, соответственно, на экспорте ржи и овса. Среднее Поволжье и Центральное Черноземье были главными поставщиками на внутренний рынок. В этом регионе Самарская губерния, самая хлебородная, по объемам товарного зерна мало уступала каждой из двух ведущих южнорусских областей, а по объему экспорта почти сравнялась со Ставропольской губернией. Тобольская губерния, единственная их зауральских, занимала 10-е место из этих 12 и работала только на внутренний рынок. Нетто-потребляющие Ярославская и Нижегородская губернии оказались в этом списке благодаря развитой там

мукомольной промышленности, перерабатывающей привозное зерно. Их вывоз – это вывоз муки (Кондратьев, 1991).

В крупных капиталистических хозяйствах юга, в том числе в Приазовском крае, активно совершенствовалась агрикультура и широко применялась передовая техника. Прежде всего, увеличивались озимые посевы ржи и пшеницы для минимизации риска неурожаев, вызванных засухой. Применялись паровые молотилки, сеялки, жатвенные машины. Строились элеваторы для очистки хлеба (Ананьич, 1991, с. 82).

Таблица 2.5.3. Основные губернии России, вывозящие более 50% хлеба на внутренний рынок*

Губернии	Общий вывоз, тыс. пудов	Вывоз на внутренний рынок, тыс. пудов	% вывоза на внутренний рынок от общего вывоза
Самарская	65689,5	41138,0	62,7
Саратовская	48427,7	26875,9	55,5
Тамбовская	43096,9	24797,0	57,6
Воронежская	25997,4	18254,2	70,2
Ярославская	25355,1	18817,5	74,3
Тульская	24418,4	16565,4	67,9
Курская	18638,4	14394,3	77,2
Орловская	18194,5	13489,9	74,2
Рязанская	16748,5	12547,3	75,0
Томская	13344,5	13272,5	98,1
Терская область	13107,9	8158,9	62,8
Нижегородская	10852,6	9063,8	98,4

*Источник: Кондратьев, 1991, с. 106.

Результатом активного выхода юга Европейской России на мировые рынки зерна стали серьезные сдвиги в распределении вывоза между портами. Балтийские порты уступили первенство черноморским, пропуская в 1910 г. четверть хлебного экспорта, но более трех четвертей вывоза овса, а также муки. Ее главными поставщиками были связанные с Балтикой Мариинской водной системой Ярославская и Нижегородская губернии, перерабатывавшие привозное зерно. Примерно по 5% экспорта проходило через железнодорожные станции на западной сухопутной границе и через германские порты. По этим каналам относительно больше вывозилось, соответственно, ржи и овса. На южные морские порты приходилось свыше 60% общего хлебного экспорта и большая часть экспорта пшеницы, ячменя – хлебов южного производства, – но также и ржи. (Кондратьев, 1991, с. 107).

Проводилась техническая реконструкция портового хозяйства, ориентированная на резкое повышение экспортного потенциала южных портов. Так, было учреждено каботажное Азовское пароходство, действовавшее без правительственных субсидий и обладавшее перевозочными средствами до 15 млн. пудов в течение навигации для экспортной отгрузки хлеба от городов Ростов и Таганрог до Таганрогского рейда. До 1870 г. для разгрузки судов на Таганрогском рейде использовался парусный каботаж и цена за доставку товаров от Ростова и Таганрога составляла 15 копеек с пуда, т.е. вдвое дороже, чем стоила доставка этих товаров от Таганрогского рейда до зарубежных портов. При этом на погрузку-разгрузку стоявшего на рейде судна требовалось 10-15 дней. С введением парового каботажа время обработки судов сократилось до 2 – 3 дней, а цена доставки сократилась на 1 – 2 копейки с пуда (Ананьич, 1991, с. 82).

В первой половине XIX в. основными видами транспорта оставались гужевой и водный. С 1840-х гг. на реках, в том числе в Сибири, стали применяться пароходы, вносящие иногда определенную коррекцию в движение грузопотоков. Использование пароходов, способных столь же успешно плыть вверх по течению, как и вниз по течению, а также обладавших значительно большей провозной

способностью, в том числе благодаря использованию буксируемых барж, позволяло резко увеличить перевозки по рекам в период навигации, в том числе и грузов, которые можно было накапливать в зимний период. Это позволяло интенсифицировать торговые связи.

Так, в 1846 г. пароходом мощностью всего 50 л.с. с баржами на буксире был совершен первый рейс от Томска до Тюмени и обратно. Вскоре на этом участке курсировало уже несколько десятков пароходов, осуществлявших перевозки грузов и пассажиров. От Томской пристани суда шли до Тобольска, водный путь от которого вел в двух направлениях: первый – вверх по Иртышу на Тару, Омск, Семипалатинск; второй – вниз по Иртышу с выходом на Обь и ее притоки. На Томской пристани производилась погрузка на суда восточносибирских и китайских товаров, в том числе, привезенных зимой по тракту из Иркутска и Кяхты, которые доставлялись в Тобольск или Тюмень, а оттуда гужевым транспортом – на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки. Товары, поступавшие в Томск с запада, здесь перегружали на подводы и везли до Иркутска и Кяхты. Только за 1859 г. от Томска до Тюмени было отправлено 200 тысяч пудов грузов, а в обратном направлении – 500 тысяч пудов. Грузы, следовавшие на восток, состояли из уральских металлических изделий, мануфактуры, готового платья, колониальных товаров. На запад шли чай, пушнина, мамонтовая кость, масло, а также медь, свинец, серебро с горных заводов Алтая. Наиболее значительными портовыми городами этого периода на реках Сибири были Тобольск, Тюмень, Омск, Томск, Барнаул, Красноярск, Иркутск (Градостроительство Сибири, 2011, с. 221, 231).

Но даже с вводом пароходного движения перевозка грузов водой лишь дополняла товарное движение по Московско-Сибирскому тракту, соединявшего все основные города Сибири. Так, в середине XIX века только на участке Томск – Иркутск ежегодно в разных направлениях по тележному и санному пути проходило более 100 тысяч подвод с 25 тысячами сопровождающих возчиков. Даже в 1888 г. через Томск прошло 137098 возов. Особенно оживленным был тракт зимой, когда по нему старались перевозить, в том числе, скоропортящиеся

грузы: на запад тянулись огромные обозы рыбы, масла, но и обычных чая, пушнины, кож, сала, а на восток перевозились промышленные товары. Под усиленной охраной по тракту перевозилось золото: такие обозы состояли из нескольких десятков подвод, на каждую из которых приходилось по 23 пуда клади. Скорость движения была невысока – в сутки обоз проходил 45-55 верст, а на плохих участках или в мокрую погоду – 30-35 верст. От Иркутска до Томска «золотой» обоз находился в пути 30 – 45 дней. Более того, в ходе градостроительного планирования сибирских городов в первой половине XIX века расположение их центральных площадей, которые старались разместить в геометрических центрах городов, также определялось необходимым условием прохождения через них главной трансрегиональной магистрали – Московско-Сибирского тракта (Градостроительство Сибири, 2011, с. 222).

Однако, затем маршруты рельсовых путей заметно изменили в пореформенный период ход «хлебной» волны территориального развития, в особенности связанной с ней урбанизации. В 1860-70-х гг. их активное строительство создало в Европейской части страны остов сети железных дорог, соединив основной внутренний потребительский рынок – Москву – с рядом хлебопроизводящих районов Черноземья, Поволжья, Северного Кавказа и с черноморскими портами, как ранее с Петербургом, основным балтийским портом, а также сформировав сухопутный путь экспорта через западную границу. Так, в 1862 г. начато движение по железной дороге Москва – Нижний Новгород; в 1869 – по железной дороге Москва – Воронеж; в 1871 г. – по железной дороге Москва – Смоленск – Минск – Варшава – прусская граница.

Строительство в 1890-х гг. магистральных железных дорог вело к концентрации грузо- и пассажиропотоков и породило условия бурного роста тех крупных городов хлеботорговых районов, которые, находясь в узлах таких магистралей или на пересечении ими судоходных рек, превращались в товарно-распределительные центры и выводили свои районы на рынки, в том числе внешние. Образцами таких «хлебных» городов были Орел, Воронеж, Ростов-на-

Дону, Самара, Саратов – в Европейской части, а в Сибири – Курган, Омск и Барнаул.

Сибирская железная дорога, или Великий путь, как ее называли современники – название Транссибирская магистраль появилось уже в советское время – стала мощным инструментом территориального развития – перестройки территориальной организации производительных сил и расселения. Магистраль была построена за 1891 – 1904 гг. в своей «первой редакции», с участком, соединявшим Забайкалье и Владивосток через Манчжурию. За эти 14 лет было уложено 8180 верст основного пути. Подвижной состав включал 1200 паровозов и 26 тысяч вагонов, в 1904 г. Сибирская и Забайкальская железные дороги нанимали постоянно и временно свыше 88 тысяч человек. Только на участке Челябинск – Иннокентьевская действовало 16 мастерских, 400 станций и разъездов, т.е 444 предприятия. В 1913 г. Транссибирская магистраль в основном стала двухпутной, хотя окончательно это произошло уже в советский период, а в 1916 г. была закончена прокладка ее маршрута целиком по российской территории. Выход на Транссиб северных и южных районов обеспечивал водный транспорт, а на юге Сибири были проложены новые железные дороги в хлебные районы, в том числе Алтайская дорога, построенная в 1915 г., Тюмень-Омская, Кулундинская, Кольчугинская, строилась Ачинско-Минусинская (Зензинов, 1986, с. 58-79; Сибирь в составе Российской империи..., 2007, с. 255, 259; Градостроительство Сибири, 2011, с. 234).

Влияние прокладки Великой Сибирской магистрали на расселение можно проследить по данным Таблицы 3.5.3.

Таблица 3.5.3. Население крупнейших городов и административных центров Сибири за 1897 г. и 1910 г.*

Города	Изменение ранга (+0-)	Ранг в 1910г.	Ранг в 1897г.	Население 1910г.(чел)	Население 1897г.(чел)
<u>Омск</u>	+	1	3	127 865	37 376
Томск	-	2	1	107 711	52 225
<u>Владивосток</u>	+	3	7	90 582	28 933
<u>Иркутск</u>	-	4	2	75 697	51 533

<u>Красноярск</u>	+	5	8	68 254	25 126
<u>Чита</u>	+	6	10	68 211	11 522
<u>Новониколаевск</u>	+	7	=	52 695	=
Благовещенск	-	8	4	52 000	32 834
Барнаул	-	9	5	46 041	29331
<u>Хабаровск</u>	+	10	=	41 049	=
Тюмень	-	11	6	32 673	29 220
Тобольск	-	12	9	21 056	20 433
Якутск	0	13	11	7 963	6 532

*(составлено по данным: Сибирь в составе Российской империи.,2007, с.348)

В Таблице 3.5.3. подчеркнуты города, которые в 1910 г. находились на Транссибе. Анализ таблицы позволяет сделать общий вывод, что за рассматриваемый период необходимым и достаточным условиями ускоренного относительного роста города, т.е. повышения ранга города в списке, выступали его нахождение на Транссибе и обязательно развитое сельскохозяйственное окружение и(ли) роль перевалочного пункта сельхозпродукции с мощной судоходной артерией (Владивосток тоже может быть отнесен к перевалочным пунктам). Наличие только одного из перечисленных признаков – нахождение на трассе Транссиба, как у Иркутска, или мощное сельскохозяйственное окружение, как у Барнаула, – оказывалось недостаточным для ускоренного относительного роста города, для повышения его ранга в списке.

Здесь, в новой исторической эпохе, можно вспомнить необходимые и достаточные условия устойчивого роста сибирских городов, выявленные для XVII века – выгодное географическое положение и наличие сельскохозяйственной округи, когда первое без второго не обеспечивает устойчивости роста. В случае сельскохозяйственного бума в Южной Сибири на рубеже XIX и XX вв., речь идет не об устойчивости, а о темпах роста. Обращает на себя внимание, что выросло население каждого из городов списка, вне зависимости от изменения их ранга, хотя, конечно, в совершенно разной мере. Административный статус, как в случае Тобольска и Якутска, продолжает поддерживать жизнь соответствующих населенных пунктов.

Железнодорожное строительство оказало огромное влияние и на развитие внутреннего рынка, как на объемы, так и на формы реализации торговых операций. Так, например, только с 1890 г. по 1900 г. учтенный товароборот торговых предприятий России почти удвоился. А всего за три года – с 1897 г. по 1899 г. – после ввода Великой Сибирской магистрали вывоз товаров из Европейской России в Сибирь и на экспорт в восточном направлении в весовом выражении возрос: по сахару – больше чем в 3 раза, по керосину – почти в 4 раза, по мануфактурным товарам – в 2,5 раза, по земледельческим орудиям – почти в 5 раз. Сворачивалась ярмарочная торговля, сохраняя свое значение преимущественно там, где было слабо развитие путей сообщений, особенно в Сибири, стимулируясь в других местах слабостью кредита и недостатком капиталов. Так, в Европейской России с 1868 г. по 1894 г. количество ярмарок возросло примерно в 2,5 раза, однако, из суммарный оборот остался на прежнем уровне. Сохраняла свое значение Нижегородская ярмарка, а вот вторая по значению – Ирбитская, основной центр торговли пушным товаром, с прокладкой Великой Сибирской магистрали потеряла свое значение (История народного хозяйства..., 1960, с. 272-273, с. 323). Потеряла свое значение и Кяхтинская ярмарка, утратив монополию на чайный товар, не выдержав конкуренции с морской торговлей – чай стали во все возрастающих масштабах доставлять в Россию морем. А с постройкой Транссиба – через Владивосток и КВЖД. В 1861 г. таможеню из Кяхты перевели в Иркутск. Во второй половине XIX века Кяхта еще сохраняла определенную роль в торговле дешевыми сортами плиточного и зеленого чая, но к началу XX века ее обороты упали в шесть раз (Сибирь в составе Российской империи..., 2007, с. 268).

По мере развития капитализма и железнодорожной сети все возрастающее значение в оптовой торговле приобретали товарные биржи, биржевая торговля. Формально биржа в России появилась в 1703 г. по указу Петра I. В Регламенте Главного магистра 1721 г. есть указание на необходимость по примеру иностранных городов организации бирж в портовых и больших купеческих городах. Но это оставалось пожеланием. Реальных предпосылок биржевой

торговли в то время не было, и на единственной Санкт-Петербургской бирже обращались товарные векселя казенных мануфактур. При Николае I биржа была реорганизована. Включение в состав пайщиков представителей частного капитала оживило процесс становления биржевых структур. В 1837 г. открылась товарная биржа в Москве. В 1848 г. появилась Нижегородская ярмарочная биржа. Бурно развиваться начинает биржевое дело только в пореформенный период. В 1864 г. открывается биржа в Иркутске, в 1866 г. – в Казани и Туле, в 1869 г. – в Самаре. Иркутская и Тульская биржи просуществовали недолго. В 1870 г. учреждается биржа в Астрахани, в 1877 г. – в Орле, в 1880 г. – постоянная в Нижнем Новгороде, в 1888 г. – в Ельце и Таганроге, в 1899 г. – в Царицыне. Отметим, что большая часть из перечисленных бирж, сохранивших жизнеспособность, – 5 из 8 – были созданы в поволжских городах, остальные 3 – в центрах хлеботорговых районов. В 1890-е последовало создание сразу трех хлебных бирж – в 1895 г. Калашниковской хлебной в Петербурге, в 1896 г. хлебной в Москве и в 1897 г. хлебной в Воронеже. За пять лет – с 1900 г. по 1904 г. – было образовано еще 14 бирж. А всего перед началом Первой мировой войны в Российской империи действовало уже 104 биржи в 77 городах (Каменева, 1998, с. 18-19).

Биржи в России обладали рядом особенностей – в целом они являлись не только организованными рынками, но органами представительства и защиты интересов торговли и промышленности. В их компетенцию входили вопросы железнодорожного и водного транспорта, хлебной торговли, таможенные, налоговые и сходные вопросы. При отсутствии специализированного биржевого законодательства их функционирование регулировалось Торговым Уставом. Каждая биржа сама разрабатывала свой устав. На российских биржах сделки велись только с реальным товаром, что затрудняло спекуляцию. В целом техника торгов на них шла тем же путем, что и на Западе, но с запаздыванием. Причины его лежали не только в слабости институциональных и финансово-кредитных условий биржевой торговли, но часто и в недостаточном территориальном развитии, в слабости транспортной и логистической инфраструктуры. Так, на российских биржах срок исполнения сделок с будущим товаром устанавливался

по усмотрению сторон. Когда в 1912 г. вопрос о введении срочных рынков был вынесен на VI Всероссийский съезд представителей Биржевой торговли и сельского хозяйства, то съезд вынес резолюцию, что введение срочной биржевой торговли хлебом в России нежелательно из-за «отсутствия в настоящее время в Империи элеваторов и других оборудованных складочных помещений и шоссейных дорог, отсутствия варрантной системы, невозможности установления более или менее определенных типов хлеба», а также из-за опасений создать условия для спекулятивного установления биржевых цен (Дегтярева..., 1997, с. 419-421).

В заключение нельзя не отметить то косвенное влияние, которое оказала добыча и переработка нефти в районе Баку, развернувшаяся во второй половине XIX века, на территориальное развитие Волго-Мариинского водного пути и расположенных на нем центров. Это влияние четко прослеживается по двум направлениям – транспортно-транзитному и судостроительному. Санкт-Петербург стал крупнейшим портом по экспорту керосина в Северную, а также Центральную и Западную Европу, в котором осуществлялась перевалка нефтепродуктов с речных судов на морские. Астрахань также выступала портом перевалки нефтепродуктов и нефти – с морских (каспийских) судов – на речные. Отчасти такие же функции выполнял и Царицын. К 1 сентября 1899 г. на Каспии работало 345 наливных судов – 133 паровых и 212 парусных. Наиболее технически совершенные суда, начиная с первого в мире самоходного металлического парового танкера, приспособленного для перевозки керосина, построенного в Швеции по заказу «Товарищества братьев Нобель» и переправленного на Каспий во время весеннего половодья в 1878 г., имели специальные (паровые) насосы для перекачки керосина в речные баржи на наиболее близком к Астрахани 9-футовом рейде. В 1903 г. на Сормовском заводе в Нижнем Новгороде был построен первый в мире речной теплоход – металлическая нефтеналивная баржа, оборудованная тремя дизельными двигателями, сопоставимая по размеру с современными самоходными баржами – длина 74,5 м, водоизмещение 1,5 тыс. т, емкость танков для перевозки керосина –

750 т. Затем последовало другое дизельное нефтеналивное судно и первый пассажирский морской теплоход. Корабли с дизельными двигателями стали строить и для военного флота (Соломонов..., 2012, с. 194-195).

Еще одним аспектом связи судостроения и территориального развития России как ведущего экспортера на глобальных сырьевых рынках в конце XIX века является появление первого в мире мощного арктического ледокола «Ермак» на Балтике – что способствовало продлению навигации и портовых операций по обработке экспортных грузов, прежде всего, шедших через Санкт-Петербург.

Схема 1.5.3. «Золотая и хлебная» волна территориального развития России в XIX – первой трети XX века

Аспект	Характеристика
ВИД	фронтальная
АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ	Черноземный Центр, Юг, Среднее и Нижнее Поволжье юг Западной Сибири
ДЛИТЕЛЬНОСТЬ	более 110 лет в XIX и начале XX вв. – 1800-е – 1913-е гг.
КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ	1800-е - 1810-е гг. – примерно 20 лет – переход на министерскую систему; локальный максимум – 1892 г. учреждение Комитета по строительству Сибирской железной дороги
КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВА	1800-е – 1830-е гг. - примерно 40 лет; локальный максимум – 1900-1913 гг. – примерно 10 лет

Табл. 3. Характеристики «хлебной» волны территориального развития России XIX – первой трети XX века

Аспект	Характеристика
ФОРМА	фронтальная
АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ	в XIX в.: бассейны рек Енисей, Лена, Амур, Анадырь,; в XX в.: бассейн реки Колыма
ДЛИТЕЛЬНОСТЬ	100 лет в XIX – начале XX вв.: 1810-е – 1900-е гг. ; продолжение – 40 лет в XX в.: 1920-е – 1950-е гг.
КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ	1800-е - 1810-е гг. – примерно 20 лет – переход на министерскую систему; локальный максимум – 1930 г. образование спецтреста «Дальстрой»
КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВА	1840-е – 1870-е гг. - примерно 40 лет; локальный максимум – 1930-е гг. - примерно 10 лет;

Табл. 4. Характеристики «золотой» волны территориального развития России в XIX – первой половины XX века

Глава 6.⁶
XX ВЕК: РОССИЯ – ЭКСПОРТЕР ЗОЛОТА И НЕФТИ

⁶ Основные положения Главы 6 изложены в (Савченко 2014, с. 214 – 263).

6.1. Движущие силы реализации ситуации территориального развития России XX века

Содержание ситуации ТР России в советский период XX века задавалось курсом на экономическую автаркию – сначала в рамках «отдельно взятой страны», а после Второй мировой войны в рамках «мировой социалистической системы» – при невозможности полностью отказаться от участия в глобальном разделении труда. Последовательный курс на экономическую автаркию – сначала в рамках «отдельно взятой страны», а после Второй мировой войны в рамках «мировой социалистической системы» – задал основное направление территориального развития советского периода. Курс на автаркию означал форсированное развитие внутреннего, прежде всего межрайонного, разделения труда вместо международного, при ослаблении внешнеэкономических связей. После Второй мировой войны этот курс был распространен на регион, охваченный международным социалистическим разделением труда. СЭВ строился как пространство бартерно-клирингового обмена с ценообразованием, «учитывающим цены мирового рынка».

Характерно, что наибольших относительных успехов в своем развитии и сокращении отставания от мировых лидеров СССР добился в межвоенный период преобладания автаркических тенденций во всей мировой экономике. Идеологический догматизм, жесткость внешней и внутренней политики, инертность позднесоветского руководства не позволили стране эффективно воспользоваться бурным развитием мирового разделения труда в последней трети XX века. Напротив, скачкообразный рост мировых цен на нефть в 1970-х гг., вызвав приступ «голландской болезни», окончательно лишил руководство СССР стимулов к реальным экономическим реформам. В итоге он оказался жертвой способа своего участия в глобальных рынках, и Российской Федерации к началу XXI века пришлось включаться в глобальные рынки во многом заново, при глубоком кризисе экономики и неразвитости рыночных инфраструктур.

С самого начала большевики стремились к независимости не только от внешнего рынка, но и от собственного крестьянина-единоличника, «союз» с которым настоятельно требовал развития рынка внутреннего. Обращение к его механизмам рассматривалось как «временное отступление». Благодаря НЭП, за неполное десятилетие значительно улучшилось положение деревни – производство зерна увеличилось в 2 раза – с 36,2 млн. т до 73,3 млн. т, снова появились возможности хлебного экспорта – в 1924 г. для внешнеэкономических операций с зерном создается государственное внешнеторговое объединение «Экспортхлеб» (Гордеев..., 2009, с. 22).

Период НЭП точно совпал с восстановительным периодом – до выхода промышленности в 1926-1927 гг. на довоенный уровень, а непосредственным поводом для отказа от НЭПа стал срыв хлебозаготовок на фоне внешнеполитического кризиса 1927 года (так называемой военной тревоги на западных границах после ноты Чемберлена). С 1928 года экономическая политика и хозяйство страны претерпевают радикальные изменения – основными направлениями становятся жесткое директивное планирование всех сфер, форсированная индустриализация, ядром которой выступает производство средств производства, и принудительная коллективизация деревни (см. например, Зверев, 2012, с. 59 -73).

С 1929 года начинается скоротечная кампания коллективизации, которую по директивам ЦК ВКП(б) полагалось закончить в разных районах уже в 1930-1931 гг. К 1935 г. 94,1% посевных площадей находилось в колхозах. В период коллективизации и после него сельскохозяйственное производство сократилось и было восстановлено лишь в конце 1930-х гг. При этом урожайность основных зерновых культур была ниже уровня 1913 г. и составляла в 1931-1935 гг. в среднем 6,8 ц/га (Гордеев..., 2009, с. 22).

Развитие машиностроения, группы отраслей, требующих максимально глубокого разделения труда, в том числе и территориального, превращение СССР «из страны, ввозящей машины, в страну, производящую их», было избрано тем «основным звеном», которое вытянуло в кратчайшие сроки всю

социалистическую реконструкцию страны, все отрасли «группы А», отчасти стимулируя «группу Б» и обеспечивая сельскохозяйственной техникой коллективизацию. Этот замысел был в основном осуществлен за две первые пятилетки коренных структурных сдвигов, в том числе территориальных (Политическая экономия, Т.3, 1979, с. 244-248, 407-414). Золотодобыча и расширение возможностей участия в глобальных операциях с золотом задавали *основной деятельности контекст* ситуации ТР России в 1930-х - первой половине 1950-х гг.

Индустриализация обеспечила высокие темпы поставки техники селу – к 1940 г. СССР располагал 531 тыс. тракторов, 182 тыс. зерноуборочных комбайнов, 228 тыс. грузовых автомобилей, было создано более 10 тыс. машинотракторных станций (МТС), которые концентрировали эту технику для ее эффективного использования и эксплуатации. Урожайность во второй пятилетке 1933-1937 гг. возросла до 9,1 ц/га, а валовой сбор зерна в СССР составил в 1937 г. 107,2 млн. т. В РСФСР в тот год было собрано 78,2 млн. т зерна, а посевная площадь зерновых культур достигла в 1940 г. 70,2 млн. га (Гордеев..., 2009, с. 22).

Отработанный в 1930-х гг. сценарий догоняющего развития еще не раз воспроизводился, но с постепенным нарастанием инерционности, когда система стремилась не к модернизации, а к росту унаследованных структур по всем направлениям. Реальные преобразования осуществлялись не столько по внутриэкономическим, сколько по военно-политическим мотивам. Повторялся и поиск «основного звена», форсированное развитие которого позволило бы вытянуть на требуемый уровень все хозяйство. Реально таким звеном в 1970-1980 гг. стал нефтегазовый комплекс, выбор которого был далек от заветов прогрессистской и автаркической экономической политики 1930-1960 гг., зато казался более простым в реализации и быстро приносил ощутимые политические и экономические выгоды. Нарастивание добычи нефти и газа и расширение участия в глобальном нефтяном рынке задавали *основной деятельности контекст* ситуации ТР России в 1960-х-1990-х гг.

Вместе с тем, «отложенные» вопросы экономической политики, обусловленные отношением к глобальным рынкам и выбором варианта «социалистической реконструкции» 1927-1929 гг., постепенно обострились. В ходе форсированной индустриализации СССР уже с 1934 г. приступил к экспорту машин и оборудования, хотя эта статья не компенсировала объема валютных потерь от сокращения вывоза хлеба и замещалась экспортом других видов сырья – традиционных леса и мехов, а также нефти, угля, марганцевой руды.

Послевоенное развитие СССР мало изменило ситуацию. Доля машин и оборудования в экспорте росла, только он зачастую уходил не в развитые, а в развивающиеся и социалистические страны и не за валюту, а на бартерно-клиринговой основе. Реальным источником валюты для технологического импорта оставался сырьевой экспорт на Запад.

Это положение хорошо иллюстрирует, например, экспорт энергетического оборудования и инжиниринговых услуг по строительству электростанций и линий электропередач. В этой сфере СССР добился значительных технологических, производственных и организационных успехов еще к середине 1950-х гг., что получило международное признание. Так, в 1959 г. в СССР побывала делегация американских сенаторов, представителей сенатской комиссии по энергетике, которые посетили, в частности, Волжскую ГЭС, а также строящиеся Сталинградскую и Братскую, ряд других объектов. Один из участников той поездки, руководитель Американской муниципальной энергетической ассоциации, по возвращении в США выступил в прессе с утверждением, что, по мнению членов делегации, СССР обогнал США в области строительства ГЭС (Брызгалов, 1998, с. 531).

В 1955 г. в СССР было создано Внешнеторговое объединение «Технопромэкспорт», которое соорудило к исходу XX века – почти за 50 лет – более 400 энергетических объектов примерно в 40 странах Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, в том числе тепловые, гидравлические и дизельные электростанции, а также линии электропередач и подстанции. Суммарная установленная мощность введенных в эксплуатацию энергетических объектов

превышала 85 млн. кВт, а общая протяженность сооруженных линий электропередач превысила 30 тыс. км. (Боков..., 1998, с. 418). Распределение объектов по странам – в Таблице 1.6.1.

Таблица 1.6.1. География поставок ВО «Техпромэкспорт» к 1998г.*

Страны	Построено ТЭС (число)	Построено ГЭС (число)	Построено ЛЭП (км)
Алжир	2		
Ангола		1 (строится)	
Аргентина		1 (проект)	
Афганистан	1	2	1800
Бангладеш	1		
Болгария	16	5	800
Венгрия	1		840
Вьетнам	6	7	6500
Германия (ГДР)	3		
Гвинея Бисау	3 (дизель/эл.ст)		
Греция	4	2	
Египет	1	1	3030
Замбия	13(дизель/эл.ст)		
Йемен	1		
Индия	5	2+1(строится)	900
Индонезия		1+1(проект)	
Ирак	3	3	
Иран	2	1	
Исландия			95
Кампучия	13		
Китай	17	5	1200
КНДР	5	1	
Куба	3+32(дизель/эл.ст)		5500
Ливия			700
Марокко		3	192
Монголия	7		5000
Непал		1	
Пакистан	2		
Перу		1 (проект)	
Польша	12	2	110
Румыния	18	4	160
Сирия	2	4+1(проект)	4100
Турция	1		310
Финляндия	3		

Эфиопия		1	250
Югославия	11 + 3 (проект)	2	

* Составлено по: Боков..., 1998, с. 469 – 476.

ТЭС, ГЭС, ЛЭП – весьма капиталоемкие и высокотехнологичные объекты. Среди них такие гиганты как Асуанский гидроэнергетический комплекс в Египте или гидроэнергетический комплекс на реке Евфрат (Табка) в Сирии. Однако, из 38 стран списка, оказавшихся клиентами «Технопромэкспорт», валютой заплатила, скорее всего, только Ливия. Остальные в конечном счете – теми или иными формами бартера (клиринговые расчеты внутри СЭВ через переводные рубли – по сути тоже форма бартера). Кроме того, целый ряд стран из списка получил соответствующие дорогостоящие объекты в виде помощи – т.е. (сильно) за них недоплатил, а то и вообще получил безвозмездно.

В силу политических причин СССР, поощряя социалистическую экономическую интеграцию, параллельно был вынужден наращивать поставки сырья и в соцстраны по заниженным ценам за «переводные рубли», получая взамен промтовары и продовольствие, которые вполне мог бы производить сам. Причем, ценовая политика СЭВ постоянно строилась невыгодным для СССР образом.

Международный рынок стран СЭВ, на который к середине 1980-х гг. приходилось более половины внешнеторгового оборота стран-членов СЭВ, рассматривался как особая сфера товарно-денежных отношений, относительно отграниченная, как от внутренних национальных рынков, так и от всемирного рынка. В первом аспекте это проявлялось в наличии особой системы цен и расчетов, которая отличалась от национальных систем, далее, в особых организационных формах внешней торговли, которые несопоставимы ни с организацией внутренней розничной и оптовой торговли, ни с системой материально-технического снабжения в отдельных странах-членах СЭВ, а также в разном составе самих участников торговли и, отчасти, в структуре товарообмена (Богомолов, 1986, с. 201)..

Отличался международный рынок стран СЭВ и от мирового капиталистического рынка не только, как декларировалось, закономерностями развития, но и принципами и формами организации самого обмена. В практике сотрудничества соцстран были найдены особые формы и методы планового регулирования взаимной торговли. Здесь следует назвать и Согласованный план многосторонних интеграционных мероприятий, и Соглашения о совместном сооружении хозяйственных объектов и т.п. Но на особое место следует поставить координацию пятилетних планов. По ее итогам между плановыми органами соответствующих двух стран подписывались протоколы, отражающие достигнутые договоренности. Эти протоколы содержали перечень важнейших товаров, подлежащих поставке с той и другой стороны в порядке товарообмена, участия в совместном сооружении промышленных объектов, по кредитным соглашениям и т.д. Согласовывались как общие объемы взаимной торговли каждой пары стран, так и количества взаимно поставляемых товаров каждой пары стран по важнейшим видам сырья и готовых изделий. При координации планов достигалась сбалансированность взаимных расчетов по всей совокупности товарных поставок, оказания услуг, предоставления и погашения кредитов и т.д. (Богомолов, 1986, с. 204).

Сбалансированность взаимных расчетов по всей совокупности поставок на деле означала, что СССР в обмен на энергоносители и сырье, которые мог бы продать на мировом рынке за валюту, получал по бартеру соцстрановский ширпотреб и продовольственные товары, как правило, не совсем того качества, которое бы позволило продать эти «изделия» на мировом рынке за валюту.

Что касается ценообразования, то еще в 1958 г. на IX сессии СЭВ в Бухаресте были приняты принципы установления цен взаимной торговли, которые с некоторыми дополнениями действовали до самого прекращения деятельности СЭВ. В рекомендациях сессии отмечалось, что эти цены должны быть устойчивыми и едиными на одинаковые товары для всех стран СЭВ. Сессия предложила определять контрактные цены на базе мировых цен главных товарных рынков путем достижения соответствующей договоренности между

партнерами. Одновременно сессией допускалось введение в исключительных случаях поощрительных цен, которые могли значительно отклоняться от мировых – к ценам такого рода можно отнести цены на импортировавшийся СССР кубинский сахар или животноводческую продукцию МНР. Главное, что один из одобренных принципов ценообразования состоял в том, чтобы при согласовании цен взаимной торговли из мировых цен исключались спекулятивные элементы, что достигалось путем усреднения мировых цен, принимаемых за базу. Так, контрактные цены, действовавшие без изменений в 1971-1975 гг., были согласованы на основе средних мировых цен 1965-1969 гг. Результат такого способа ценообразования для СССР виден из Таблицы 2.6.1. Хотя сравнение приведенных в таблице индексов со статистической точки зрения не вполне строгое, но здесь выявляются несомненные различия не только в динамике, но и в пропорциях цен на важнейшие товарные группы на мировом рынке и на региональном рынке стран СЭВ. За рассматриваемый период 1970-х гг. наибольшие различия в динамике контрактных и мировых цен наблюдались по топливу и сырью, чистым экспортером которых выступал СССР, – на 104 процентных пункта ниже мировых; а наименьшие – по машинам и оборудованию, по которым СССР был чистым импортером. Это создавало преимущества для зарубежных стран СЭВ в их торговле с СССР по сравнению с торговлей на мировом рынке (Богомолов, 1986, с. 209-211).

Таблица 2.6.1. Индексы контрактных цен СССР в торговле со странами СЭВ и мировых цен по важнейшим товарным группам * (1970 г. = 100)

Цены	1971	1973	1975	1977
Топливо, сырье, металлы				
Контрактные	105	113	175	185
Мировые	108	168	247	289
Сельскохозяйственное сырье и продукты его переработки				
Контрактные	96	108	135	150
Мировые	103	176	201	240

Машины и оборудование				
Контрактные	101	105	127	151
Мировые	103	117	141	157

*Источник: Богомолов, 1986, с. 210.

Можно сформулировать и обратный тезис: это создавало крайне неблагоприятные условия в торговле СССР с зарубежными странами СЭВ по сравнению с торговлей на мировом рынке.

Аграрная политика СССР десятилетиями исходила из задач, лежащих вне хозяйства и рынка (жесткий социально-политический контроль, обеспечение индустриализации рабочей силой, продовольствием, валютой). На сельском хозяйстве отчетливо сказались такие особенности советской экономической политики, как доминирование политических мотивов, догматизм, стремление к повышению мобилизационного потенциала за счет воспроизводственного, стратегия «основного звена» при забвении прочих. Эта политика постоянно игнорировала социальную и технологическую специфику агросектора и вела к тому, что весь советский период он либо находился в кризисе, либо его преодолевал.

Тяжелейшие последствия для сельского хозяйства СССР имела Великая Отечественная война и послевоенное восстановление. Под оккупацию попали 47,1% площадей выращивания зерновых и масличных культур. В 1943 г. было собрано 29,4 млн. т зерна – в 3,3 раза меньше, чем в 1940 г. Гитлеровцы разорили 2980 МТС, уничтожили и похитили 137 тыс. тракторов, 49 тыс. комбайнов, 46 тыс. сеялок и другую технику. В деревнях, захваченных врагом, было уничтожено огромное количество жилых домов, сельскохозяйственных построек, объектов социальной инфраструктуры. Важнейшее значение имели людские потери, потери трудовых ресурсов, которые в ряде сельскохозяйственных районов просто нечем было компенсировать. Положение осложняла жесточайшая засуха первого послевоенного – 1946 г., когда в стране было собрано только 39,6 млн. т зерна при средней урожайности 4,6 ц/га. Даже в 1953 г. валовой сбор зерна был ниже, чем в довоенном 1940 г. Руководство страны искало выход в освоении целинных и

залежных земель, куда были вложены огромные ресурсы (в том числе и человеческие, путем переселения из центральных районов) особенно в 1954-1959 гг. В результате валовой сбор зерна в СССР в 1960 г. составил 125,5 млн. т. За 20 лет с 1946 по 1965 гг. посевные площади в СССР увеличились на 33%, а среднегодовой валовой сбор зерна – в 2,2 раза. Если за 1946-1950 гг. в СССР он составил 64,8 млн. т, а в РСФСР – 35,4 млн. т, то в 1960-1965 гг., соответственно, 130,3 млн. т и 76,6 млн. т (Гордеев..., 2009, с. 22-23). Напомним, что в 1937 г. валовой сбор зерна в СССР составил 107,2 млн. т., а в РСФСР 78,2 млн. т.

При этом в период 1970-х – 1980-х гг. на фоне реализованной интенсификации сельхозпроизводства в ведущих странах-экспортерах зерна, в СССР в целом осуществлялось экстенсивное развитие земледелия в целом и производства зерна в частности – преимущественно за счет освоения целинных и залежных земель. В России это процесс шел путем сокращения посевных площадей в Европейской территории и их расширения в Сибири, таким образом, зерновое поле страны сдвинулось в засушливые низко продуктивные зоны, что привело к замедлению роста урожайности в 1970-е гг. и к снижению устойчивости производства зерна. Параллельно шло сокращение посевов зерновых культур – за 1970-1980 гг. оно составляло всего 2,8 тыс. га в год, а за 1981-1989 гг. – уже более 1 млн. га в год. Сокращение посевных площадей сопровождалось существенным изменением структуры возделываемых культур. За 1970-1989 гг. удельный вес продовольственных зерновых культур снижался, а кормовых, особенно ячменя, возрастал. Эти тенденции были связаны с увеличением поголовья скота и птицы и ростом расходов концентрированных кормов. За 1970-1989 гг. расход концентрированных кормов увеличился в 1,5 раза, а комбикормов – в 3,5 раза. Прирост комбикормов в основном расходовался на покрытие возрастающих потребностей птицеводства. При этом используемые комбикорма были перенасыщены зерновыми компонентами (до 80%) и поэтому недостаточно усваивались, из-за несбалансированных рационов кормления значительные количества зерна использовались неэффективно. Кроме того, поддерживалось раздутое низко продуктивное поголовье скота и птицы.

Провозглашенный с конца 1960-х гг. курс на интенсификацию сельскохозяйственного производства, сопровождавшийся с 1970 по 1990 г. на территории Российской Федерации ростом капитальных вложений в сельское хозяйство в 2,5 раза, ростом энергетических мощностей на 100 га посевной площади в 2,6 раза, ростом на 1 га посевных площадей зерновых культур внесения минеральных удобрений в 3,4 и в 3,3 раза – органических, не привел к адекватному увеличению производства зерна, улучшению его качества, снижению производственных издержек. На фоне низкой продуктивности сельского хозяйства некоторый рост урожайности зерновых в России в 1980-е гг. – около 0,5 ц/га в год за 1981-1989 гг. – принципиально ничего изменить не мог. Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур в 1989 г. составил 104,8 млн. т, т.е. сократился на 2,4% по сравнению с 1970 г. (Гордеев..., 2009, с. 23-25).

Результат реализации избранного курса экономической политики в сельском хозяйстве четко прослеживается во внешней торговле хлебом – крупные экспортные поставки приходятся на довоенный период, даже на первую пятилетку. В 1925-1926 гг. зерновой экспорт составил 2,0 млн. т, в 1930 г. – 4,8 млн. т, в 1933 г. – 1,7 млн. т, в 1938 г. – 2,1 млн. т, и в 1940 г. – 1,2 млн. т. Основными потребителями российского зерна традиционно выступали страны Западной Европы – Англия, Германия, Италия, Нидерланды. С 1951 по 1965 гг. за рубеж в среднем вывозилось 5,9 млн. т зерна в год, и за период 1946-1965 гг. положительное сальдо внешней торговли зерном составило 4817,9 млн. руб. (экспорт преимущественно продовольственных культур – пшеницы, ячменя, крупяных культур, импорт – кормовых – преимущественно кукурузы и сои). После неурожая 1963 г. начинается рост импорта – сначала эпизодического, затем уже регулярного и во все возрастающих объемах. Если за две первые послевоенные пятилетки в СССР ввозилось ежегодно 215-260 тыс. т зерна, то за 1961-1965 гг. было ввезено 17,5 млн.т, т.е. более 3 млн.т в год. Далее закупки зерна продолжали стремительно расти, они составили в 1975 г. – 26,6 млн. т, в 1980 г. – 34,8 млн. т, в 1987 г. – 32,0 млн. т. В 1980-е гг. треть потребления зерна в стране обеспечивалась за счет импорта. В результате страна попала в тяжелую

зависимость от импорта зерна и другого продовольствия, а их массивные закупки финансировали развитие не отечественного, а иностранного агросектора (Гордеев..., 2009, с. 21, 24).

По мере наращивания такого импорта таял накопленный с трудом и жертвами золотой запас. При этом все та же логика «основного звена» в послесталинской экономической политике – вопреки вековым попыткам диверсифицировать участие в глобальных сырьевых рынках – обделяла вниманием не только сельское хозяйство, но даже золотодобывающую отрасль, явно предпочитая ей нефтегазовую (Современный рынок золота..., 2004).

В 1974 г. СССР выходит на первое место в мире по добыче нефти, а в 1983 г. – газа (Судо, Судо, 2008). Главной ставкой становятся доходы от их экспорта. И с середины 1970-х гг. начинает казаться, что она себя оправдывает – мировые цены на углеводороды быстро растут, далеко опережая цены на продовольствие. Но все сразу меняется, когда в 1980-х гг. «ножницы цен» расходятся в обратную сторону. Зависимость от нефтяных доходов и импорта зерна летально сказывается на социально-политической, а затем и на геополитической устойчивости СССР.

Подтверждение решающего влияния избранного курса экономической политики на состояние дел в сельском хозяйстве, а, в конечном счете, следовательно, и на геополитическую устойчивость СССР, можно увидеть в развитии российского сельского хозяйства после развала коммунистической сверхдержавы. За годы реформ именно зерновая отрасль в рамках сельского хозяйства претерпела наиболее серьезные изменения, причем в сторону повышения производительности и экспортоспособности зерновой отрасли.

Несмотря на тяжелейшие «пореформенные» условия выживания сельского хозяйства, Россия остается одной из крупнейших стран-производителей зерна и активно развивает его экспорт: еще в 1992г. страна была крупнейшим в мире импортером зерна, но с 2002 г. она входит в пятерку его мировых экспортеров (хотя следует отметить, что это произошло на фоне перехода на импорт мяса и снижения в связи с этим потребности в кормовом зерне). В начале XXI века более 60% мирового производства зерна приходится на 10 стран мира, крупнейшими из

которых являются Китай, США и Индия, которые дают почти половину (48%) или около 1 млрд. т общего производства. В первую десятку зерновых держав входят также Россия, Франция, Канада, Аргентина, Индонезия, Бразилия и Германия. В Российской Федерации сосредоточено 6% мировых посевов зерновых культур, а производство зерна в стране составляет 3,3% мирового, что связано с традиционно низкой урожайностью зерновых, которая примерно в полтора раза ниже среднемирового уровня, в 3,6 раза ниже, чем в США, в 4 раза – чем во Франции, в 1,6 раза – чем в Канаде (Гордеев..., 2009, с. 33-35).

За 1990-2003 гг. среднегодовое сокращение посевов зерновых превышало 1,6 млн. га в год, однако, с 2004 г. посевы зерновых стабилизировались и затем стали медленно увеличиваться. В период реформ существенно изменилась структура посевных площадей, причем направление этой перестройки прямо противоположно структурным сдвигам до 1990 г. – если в 1970-1989 гг. удельный вес продовольственных зерновых культур сокращался, а кормовых, особенно ячменя, рос, то в 1990-1998 гг. снижение производства зерна сопровождалось повышением доли продовольственных культур, особенно, пшеницы. В 1990-1998 гг. наблюдалась тенденция к снижению валового сбора зерна и в 1998 г. производство зерна составило 47,8 млн. т, т.е. упало до уровня 1940-х годов. В 1999 – 2003 гг. преобладала тенденция к стабилизации его производства, а с 2004 начался период устойчивого роста. Среднегодовой прирост валового сбора зерна за 1999 – 2007 гг. составил порядка 3,4 млн. т в год и в 2008 г. валовой сбор зерна составил 108,1 млн. т, т. е. несколько превысил уровень 1989 г. В 1990-2000 гг. преобладала тенденция к снижению урожайности зерновых, однако, в 2004-2007 гг. она держалась на относительно высоком для России уровне в 18 ц с га посевной площади, а в 2008 г. достигла 23,8 ц с га. Подобных пятилетних периодов относительно высоких урожаев с незначительными колебаниями по годам не наблюдалось с 1970 г. Одной из причин повышения устойчивости производства зерна является вывод из оборота низко продуктивной пашни, особенно в засушливых регионах и в нечерноземной полосе, повышение концентрации его производства в регионах с наиболее благоприятным природно-

климатическим потенциалом. По сравнению с 1990 г. внесение минеральных удобрений на 1 га посевов зерновых сократилось в 2,3 раза, органических – в 3,7 раза; несмотря на некоторый рост их внесения за 2000-2007 гг., дозы внесения минеральных удобрений оставались такими низкими, что не обеспечивали восстановление почвенного плодородия (Гордеев..., 2009, с. 25, 27-30).

Значение ситуации ТР России как экспортера золота в первой половине XX в. состоит, в том, что в результате ее реализации было осуществлено активное освоение Крайнего Северо-Востока нашей страны и как обеспечивающие и связанные с ним меры – развитие Северного морского пути, а также ряда портов Дальнего Востока и его железнодорожной сети. Углубляя результаты ситуации ТР XVIII в., но уже на новой технической, экономической и политической основе, на Урале с продолжением на Кузбасс, а также очагово на Северо-Западе продолжилось развитие черной металлургии, а на Северо-Западе и Востоке – лесного хозяйства. Значение ситуации ТР России как экспортера нефти во второй половине XX в. заключается в формировании двух мощных промышленных районов – Поволжского и Западно-Сибирского; в активном очаговом нефтепромышленном освоении Северо-Востока Европейской части России, Сахалина, ряда районов Восточной Сибири, а также в формировании сети нефтеналивных портов на Балтике и Черном море, в задействовании западного участка Северного морского пути в освоение нефтегазовых ресурсов обширных прилегающих территорий и акваторий.

6.2. Трансформация организационно-территориальной структуры

На развитие организационно-территориальной структуры Советской России участие в глобальных рынках действовало «от противного» – при идеологическом отрицании их исторических перспектив и автаркически-мобилизационной политике. Это проявилось с первых шагов Советской власти в форме установления государственной монополии внешней торговли с апреля 1918 г. и отказе от признания долгов царского правительства.

Идея народного хозяйства, управляемого по единому плану, обрела в 1939 г. организационные формы, не менявшиеся в своих основных чертах до распада СССР. Созданный в декабре 1917 г. экономический сверхнаркомах – Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) – по мере роста и развития этого хозяйства терял оперативно-управленческие прерогативы. В годы НЭПа хозрасчетные предприятия объединяли в продуктно-региональные тресты (Сахартрест, Моссельпром), руководили же ими Главное экономическое и Центральное управление государственной промышленностью (Цугпром) ВСНХ. В 1926 г. вместо Цугпрома создали отраслевые главки. В 1932 г. сам ВСНХ был разделен на наркоматы тяжелой, легкой и лесной промышленности, а первый – на 13 промышленных наркоматов в начале 1939 г. С 1946 г. центральные ведомства СССР именовались министерствами. В дальнейшем их число постоянно росло по принципу «важной экономической задаче – свое компетентное ведомство».

В преимущественно отраслевой системе хозяйственного управления территориальным развитием ведал Госплан СССР, основанный в 1921 г. В его задачи входила взаимоувязка отраслевого и территориального планирования. Территориальное планирование курировал один из заместителей председателя (имевший еще с десятков сложных функций), а непосредственную работу вел небольшой отдел. Одна из комиссий Госплана проводила экспертизы схем размещения отраслей и готовила заключения по вопросам специализации и комплексного развития экономических районов.

С 1960-х гг. проработку разных аспектов территориального развития страны обеспечивал Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР (СОПС), до того принадлежавший Академии наук и образованный в 1930 г. путем слияния Комиссии по изучению естественных производительных сил (возникла еще в 1915 г.), и Комиссии экспедиционных исследований.

Территориальное планирование осуществляли также Госпланы союзных республик, плановые комиссии областей (краев), городов и районов, повторяя принцип сочетания планирования «сверху» и «снизу» и его нормативно-балансовую технологию.

На этом фоне особая роль, которую в XIX веке играло в ходе территориального развития страны под воздействием участия в глобальных сырьевых рынках Министерство финансов, сосредоточив в своем ведении основную часть как объектов, так и инструментов его регулирования (в сферу компетенции Минфина тогда включались отрасли хозяйства, требовавшие больших государственных затрат и дававшие доходы казне, а также таможня и государственные банки), конечно, трансформировалась, но в ряде аспектов сохранилась.

В целом выдающаяся роль Нарком- и Минфина в экономике СССР, в том числе в территориальном развитии, обосновывалась тем, что при сохранении товарно-денежных отношений социалистическое воспроизводство совершается при участии денег и кредита на основе разветвленных финансов. Основным звеном финансовой системы СССР являлся государственный бюджет – если в начале первой пятилетки 1929 -1932 гг. через бюджет перераспределялось только 27% национального дохода, то в 1940 г. – 54%. Нарком- или Минфин, весь финансовый аппарат, вплоть до районных финотделов, участвовал в разработке проекта бюджета, а после его утверждения Верховным Советом СССР и принятия закона о госбюджете, – в определении конкретных финансовых взаимоотношений государства и народного хозяйства. В формировании госбюджета Госбанк участвовал лишь косвенно, как исполнитель бюджета в порядке кассового обслуживания, действуя в этой сфере на основании инструкций финансового ведомства (Зверев, 2012, с. 119-120, 130).

Структура финансового ведомства в советский период приобрела более «традиционный» характер и была освобождена от таких его непрофильных функций конца XIX – начала XX века как управление железными дорогами (департамент железнодорожных дел) или охрана государственной границы (управление отдельного корпуса пограничной стражи). С 1938 г. и по начало 1960-х гг., т.е. когда СССР и РСФСР осуществляли или готовили важнейшие сдвиги в размещении производительных сил, наркомат финансов, а затем и министерство финансов имели следующую структуру: три Главных управления

(финансового контроля, государственного страхования, трудовых сберегательных касс) и двенадцать управлений (административно-организационное, бухгалтерского учета и отчетности, бюджетное, валютное, государственных доходов, государственного кредита, государственных налогов, драгоценных металлов, кадров, контрольно-ревизионное, планово-экономическое, учебных заведений) (Зверев, 2012, с. 107).

Воздействие финансового ведомства такой организационной структуры на территориальное развитие СССР и России осуществлялось, прежде всего, через организацию инвестиционного процесса – через порядок финансирования капитального строительства и через экспертизу крупнейших инвестиционных проектов.

Так, еще в 1938 г. наркомат финансов получил задание просчитать и оценить «проект Колосовского», как в Наркомфине называли проект комплексного освоения естественных ресурсов бассейна реки Ангары на базе использования ее гидроэнергии. На основании заключения Наркомфина правительство временно отложило тогда реализацию этого проекта. В целом принципы хозрасчета, «контроля рублем», как они понимались в финансовом ведомстве в 1940-1950-е гг., требовали не распылять средства одновременно на многих параллельно начинаемых строительством объектах, а последовательно концентрировать их, добиваясь скорейшего пуска строящихся объектов, пусть и последовательно (Зверев, 2012, с. 115-116).

Ослабление жесткости позиции Минфина в последующие годы в вопросе соблюдения финансовой дисциплины вообще и нормативов эффективности капитального строительства в частности, систематические уступки давлению ведомств, союзных республик, крупнейших городов и регионов, научившихся «выбивать фонды» самыми разными методами (от использования «телефонного права» партийным аппаратом, в том числе самого высокого уровня, до банальной коррупции), вело в 1970 – 1980-х гг. к постепенному превращению долгостроя, складывавшегося из-за систематического распыления инвестиций, в государственную проблему, которую СССР так решить и не сумел. Что не могло

не сказываться на темпах и уровне комплексности реального территориального развития.

В рамках народнохозяйственного планирования базировавшегося на нормативно-балансовом методе роль Нарком- и затем Минфина подчеркивалась необходимостью «сверстывания», наряду с материально-производственным балансом и балансом трудовых ресурсов что было, конечно, делом Госплана, также и финансового баланса, который выступал прерогативой финансового ведомства. При этом Госплан представлял правительству заключение по госбюджету, а финансовое ведомство – замечания к народнохозяйственному плану. Сложилась практика одновременной разработки годового народнохозяйственного плана и бюджета страны. При этом Госплан и Минфин многократно сопоставляли проекты планов и бюджетов, вскрывали диспропорции между материальным и финансовым выражением плана, искали пути ликвидации несоответствий. При более глубоких разногласиях, они выносились на рассмотрение правительства, и оно поручало вносить коррективы и в годовой план, и в годовой бюджет, до полного приведения их во взаимное соответствие. Таким образом, финансовые органы активно участвовали не только в разработке стоимостных показателей плана, но и в проектировании натуральных показателей (Зверев, 2012, с. 166).

В ряде экстренных случаев Минфин даже выходил в Совмин с предложениями, касающимися материального производства. Так, при переводе экономики на мирные рельсы после Победы, сократился ряд источников доходов госбюджета военного времени, носивших мобилизационный характер. Для их компенсации требовалось наращивание торгового оборота, тем более, что население остро нуждалось в товарах первой необходимости. Однако, товаров народного потребления выпускалось крайне недостаточно. При этом текстильная промышленность была обеспечена сырьем, но не хватало рабочей силы и топлива. Ряды текстильщиков за годы войны сократились примерно на полмиллиона человек, а угольная промышленность сильно пострадала в оккупированных районах. В этих условиях Минфин вышел в Совмин с предложением срочно

развернуть подготовку кадров для текстильной промышленности; демобилизовать всех, имеющих к ней отношение; перераспределить рабочую силу, изъяв излишки из других отраслей; мобилизовать топливные ресурсы для текстильной отрасли. В результате легкой промышленности были переданы крупные резервы из тяжелой, был установлен прямой служебный контакт между министерствами финансов, легкой промышленности и торговли и Минфин стал получать ежедневную сводку о реализации тканей и швейных изделий. В рамках этого подхода был также выработан ряд комплексных мер по развитию рыбной и консервной промышленности (Зверев, 2012, с. 164-165).

Как особенность всего советского периода следует отметить особую роль энергетики и соответствующих ведомств в территориальном развитии страны со времен плана ГОЭЛРО. Энергетический метод районирования, созданный в Комиссии по электрификации России в начале 1920-х гг., заключался в определении энергетической базы экономического района для развития в первую очередь отраслей тяжелой промышленности – установка на развитие энергетики, крупной машинной индустрии была важнейшим пунктом концепции социалистического строительства. Как подчеркивалось еще в 1922 г. в докладе об экономическом районировании России Госплана III сессии ВЦИК «Идея экономического районирования родилась непосредственно от идеи электрификации.... Метод районирования, построенный на принципе наименьшей работы при одновременном повышении общей массы производимых благ, может быть назван энергетическим. Определяющим моментом при выделении каждого экономического района должен служить перспективный план его хозяйственного возрождения с учетом новых форм использования энергии (электрификации) и новых форм транспортной связи (сверхмагистрализации транспорта)» (Экономическое районирование..., 1957, с. 109, 120).

Энергетическое ведомство (если рассматривать вопрос в аспекте участия СССР в глобальных сырьевых рынках) вносило критически важный вклад в освоение малообжитых территорий, обеспечивая на них – путем создания необходимых энергетических объектов и сопутствующей инфраструктуры –

добычу золота и углеводородов, как с точки зрения осуществления производственных процессов, так и точки зрения заселения и урбанизации этих мест.

Своеобразие методов территориального развития нашей страны в XX веке в связи с ее участием в глобальных сырьевых рынках ярко проявилось в 1930-1950-е гг., когда ГУЛАГ стал фактически инструментом перераспределения рабочей силы, которая изымалась в ходе сопровождавших коллективизацию репрессий из сельского хозяйства, ранее обеспечивавшего выдающееся место на глобальном рынке хлеба, и направлялась для форсирования участия страны в глобальных рынках леса и золота. Формирование ГУЛАГ к 1930 г. как системы массового использования труда заключенных для освоения малообжитых северных и восточных районов с их природными ресурсами не случайно совпадает с первой пятилеткой индустриализации и коллективизации. Хозяйственные подразделения ОГПУ-НКВД выполняли работы, невыгодные или невозможные при иных способах организации, обеспечивая своими методами концентрацию сил на избранных объектах (лесоповала, золотодобычи, строительства железных дорог и судоходных каналов) и замещая недостаток техники количеством принудительного дешевого труда.

Основы реформы системы мест заключения были сформулированы в ряде постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР в первой половине 1929 г. (первого года первой пятилетки) и закреплены в Положении об исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ), принятом СНК СССР в апреле 1930 г., в соответствии с которым и был создан ГУЛАГ. С конца 1929 г. все ИТЛ были переведены на самоокупаемость, т.е. все государственные расходы по их содержанию восполнялись доходами от их хозяйственной деятельности, что снимало с государства бремя расходов по содержанию практически любых масс заключенных. Главной задачей ГУЛАГ стало освоение малообжитых окраинных районов страны, богатых полезными ископаемыми и лесом (Моруков, 2006, с. 55-60).

Неквалифицированная рабочая сила заключенных с наибольшей отдачей могла использоваться на массовых работах, где она (частично) могла компенсировать недостаток в стране техники – на строительстве путей сообщений (прежде всего, дорог, железных дорог, судоходных каналов), на лесозаготовках, на добыче полезных ископаемых.

Уже в 1930 г. на Северо-Западе были построены – железнодорожная ветка на Хибинь, началось строительство на железной дороге Сыктывкар – Пинега, Ухту соединили с Сыктывкаром и Кемью построенные заключенными тракты. В Дальневосточном крае ОГПУ строило железнодорожную ветку Пашенная – Букачачи, а в Восточной Сибири – участок железной дороги Томск – Енисейск. Весной 1930 г. в СТО СССР была подготовлена докладная записка «О сооружении Беломорско-Балтийского водного пути», а в июне того же года Постановлением СТО был дан официальный старт работам на канале. В феврале 1931 г. в него вносятся изменения, уменьшающие проектную глубину канала, сокращающие первоначальные сроки строительства и отказывающие ему в валютных ассигнованиях. ИТЛ ОГПУ стали основными поставщиками рабочей силы на строительство. Начальником строительства был назначен по совместительству лично начальник ГУЛАГа (Моруков, 2006, с. 64-83).

В ноябре 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О Колыме», которым предусматривалось образование специального треста в подчинении непосредственно ЦК ВКП(б). Задачей этой организации была ускоренная добыча золота в верховьях Колымы. Устав Колымского треста – в будущем получившего название «Дальстрой» – подлежал утверждению в трехдневный срок после выхода постановления ЦК, а его заявки и запросы должны были выполняться всеми ведомствами вне всякой очереди из любых контингентов и запасов, кроме мобилизационного. Получив возможность такой концентрации ресурсов, «Дальстрой» обеспечил перелом в хозяйственном освоении Дальнего Востока и Восточной Сибири. В частности, параллельно с освоением колымских золотоносных месторождений, «Дальстрой» организовал возведение судостроительных заводов в Комсомольске-на-Амуре и в Советской гавани,

создавших материальную базу Тихоокеанского военно-морского флота СССР. В дополнение к этому «Дальстрой» осуществил в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР, принятом в августе 1937 г., масштабные дноуглубительные работы фарватера Амура от Комсомольска до Николаевска, позволившие проводить тяжелые корабли, построенные на судостроительном заводе примерно в полутысяче километров от моря (Моруков, 2006, с. 95-96, 120-121).

В апреле 1932 г. СНК принял постановление « О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали». В октябре того же года выполнение работ на магистрали было поручено ОГПУ на основании постановления СНК «Об объектах строительства, выполняемых силами ОГПУ» от 25 октября 1932 г., определявшего список первоочередных строек, в который, помимо БАМ (а так пока назывался участок магистрали от Байкала до Амура), попали Беломоро-Балтийский канал, канал Москва-Волга, работы на Колыме, Ухте и Печоре. Возложение на лагеря ОГПУ каких бы то ни было иных работ запрещалось, полностью прекращалась передача заключенных и специалистов другим ведомствам (Моруков, 2006, с. 99-101).

В 1932 – 1939 гг. силами ГУЛАГ ОГПУ-НКВД СССР велось масштабное железнодорожное строительство на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, причем каждая такая дорога или ветка становились осью освоения территорий, по которым они прокладывались. В августе 1937 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) и СНК о строительстве трассы Тайшет – Советская гавань, строительные работы на которой должны были начаться в 1938 г. Параллельно с Дальневосточным регионом, крупнейшим железнодорожным строительством силами заключенных в довоенный период было сооружение на Северо-Западе Северо-Печорской магистрали, фактически начавшееся в 1937 г., но получившее новый импульс с выходом в мае 1940 г. совместного постановления ЦК ВКП(б) и СНК «О строительстве Северо-Печорской магистрали и развитии Воркуто-Печорских углей» (Моруков, 2006, с. 105-109).

Оправдавшей себя в тех специфических условиях формой организации работ на строительстве железных дорог в тяжелых природных условиях выступали так называемые колонны – комплексные ударные бригады, ответственные за полный объем работ на вверенном ей участке трассы. При этом строительство старались одновременно вести сразу на всем протяжении трассы, разбив ее на максимально возможное число таких «колонных» участков – это обеспечивало в условиях слабой механизации, но при возможности концентрировать большие массы заключенных максимальные темпы строительства (Моруков, 2006, с. 105).

В целом особенно значителен был вклад органов НКВД в строительство путей сообщений, предприятий горно-металлургической, целлюлозно-бумажной, судостроительной и авиационной промышленности, прежде всего, в осваиваемых отдаленных малообжитых районах страны. Так, силами заключенных хозяйственные подразделения ОГПУ-НКВД было построено порядка 20% железных дорог, сооруженных в СССР в межвоенный период (Моруков, 2006, с. 113).

Другой формой участия НКВД в территориальном развитии страны в 1930-1950-е гг. стала организация им подведомственных исследовательских, конструкторских и проектных центров, часто дублировавших «общегражданские» учреждения сходного профиля, на объектах и в сферах, оказавшихся в зоне ответственности НКВД.

Так, проектирование первых ГЭС, включенных в план ГОЭЛРО, осуществлялось поначалу силами созданных в Ленинграде и Москве специальных групп проектировщиков, а частично – техническими отделами, образованными на крупных стройках – Волховской, Нижне-Свирской и Днепровской ГЭС. В 1922 г. в Ленинграде было создано Северное бюро для выполнения работ на реках севера и северо-запада страны, а в Москве – Электротехнический трест Центрального района для выполнения работ также на реках юга Европейской части страны, Кавказа и Средней Азии. После ряда структурных преобразований в 1932 г. все проектные группы и подразделения были объединены в проектно-изыскательский трест Гидроэлектропроект, который в 1936 г. был переименован в

Гидроэнергопроект, имевший отделения в Москве, Ленинграде, а также в Харькове, Тбилиси, Баку, Ереване, Ташкенте. Параллельно с этим в системе НКВД, осуществлявшего строительство Беломоро-Балтийского канала и канала Москва – Волга, в 1930 г. было образовано подразделение по проектированию комплекса сооружений этих каналов и Верхне-Волжской ГЭС – Гидропроект. Далее Гидропроект и Гидроэнергопроект, переименованные затем в институты, существовали параллельно и самостоятельно. Институт Гидропроект имел отдельное конструкторское бюро в г. Дедовске Московской области, а в 1950 г. образовал свой Ленинградский филиал (Доценко, 1998, с. 591-592).

В связи с растущими объемами специальных научных и прикладных исследований в 1931 г. в Ленинграде был создан Научно-исследовательский институт гидротехники. С теми же целями при институте Гидропроект в 1947 г. был сформирован крупный научно-исследовательский сектор – НИС Гидропроекта (Доценко, 1998, с. 593).

Однако, с развитием и усложнением экономики «гулаговский» способ хозяйствования терял свою эффективность. И с 1960-х гг. ведущей организационной формой освоения ресурсов малообжитых районов, в том числе нефтегазовых, стали ударные комсомольские стройки, усиленные армейскими строителями и железнодорожниками. Неизменной оставалась ставка на неэкономические методы организации такого освоения.

Так, в 1974 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о строительстве Байкало-Амурской магистрали, протяженностью 3145 км от города Усть-Кут (станция Лена) до города Комсомольск-на-Амуре. Восточный участок магистрали – от Тынды до Комсомольска-на-Амуре – строили железнодорожные войска. Остальные работы на магистрали вел Главбамстрой – специально созданное главное управление Минтрансстроя СССР, в состав которого входило несколько трестов. Уже в апреле 1974 г. на стройку прибыл отряд посланцев XVII съезда ВЛКСМ. ЦК ВЛКСМ создал свой штаб на стройке, с 1975 г. на стройку часто приезжал агитпоезд «Комсомольской правды». На протяжении всего периода строительства, а досрочная укладка основного пути была завершена в

1984 г., на БАМ постоянно приезжали студенческие строительные отряды. Строительство станций и поселков на трассе БАМа было «разверстано» по крупнейшим городам и областями РСФСР, по всем союзными республиками СССР, – Москва строила Тынду, Ленинград – Северобайкальск, Украина – Ургал, Казахстан – жилой поселок на станции Чара и т.д. (Зензинов, 1986, с. 171-174, 204).

Ударной комсомольской стройкой была объявлена и вся Тюменская область в период наиболее активного освоения ее углеводородных богатств. В августе 1977 г. ЦК ВЛКСМ совместно с рядом строительных министерств принял постановление об участии комсомольских организаций в дальнейшем развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири. По комсомольским путевкам в регион отправилось 15 тыс. юношей и девушек, и около 20 тыс. человек приехали в составе студенческих строительных отрядов. Ранее, с 1972 г. на строительстве магистрали Тюмень – Сургут, так называемого «Сибирского меридиана», было сформировано 65 комсомольско-молодежных коллективов, на конечной фазе строительства, в 1975 г., там работало 3 тыс. комсомольцев (Зензинов, 1986, с. 157-159).

Вопрос рационального сочетания отраслевого и территориального принципов государственного управления народным хозяйством в масштабе страны был поставлен уже в плане ГОЭЛРО, в 1920 г. В Пояснительной записке к схематической карте электрификации России этого плана значится «...При выработке рационального плана хозяйства для страны предстоит подразделить ее на хозяйственно-самостоятельные единицы – районы – и идти путем сравнения вариантов хозяйственного плана, вырабатываемых на почве проведения в жизнь различных мероприятий, в частности электрификации. По существу дела составление хозяйственного плана для района должно быть делом самого района, так как требует глубокого знания местных условий и активного участия населения, без чего составление и выполнение плана трудно осуществимо. На основе таких районных планов было бы сравнительно легко установить общую схему рационального сотрудничества районов и наметить государственный план

электрификации в связи с другими мероприятиями, необходимыми в целях наибольшей экономии рабочих сил и наилучшего использования естественных ресурсов различных районов» (План ГОЭЛРО и районирование, 1957, с. 9 – 10).

Дважды предпринимались попытки значительно усилить территориальный принцип организации хозяйства (по экономическим административным районам), в ущерб отраслевому, ведомственному, – и оба раза при переходе к новой фазе экономического развития на фоне значительных «подвижек» в политическом руководстве страны – соответственно, форсированной индустриализации в 1929 г. и развертыванию научно-технической революции (ранней постиндустриализации) в 1957 г. (см. например, Вопросы экономического районирования СССР, 1957, с. 8, 304-341). В первый раз, к концу 1929 г. в РСФСР это происходило в форме областного (краевого) строительства экономических районов с последующим разделением областей (краев) на округа и районы; на территории России была образовано 13 таких областей и краев. Во второй раз это происходило в форме создания региональных Советов народного хозяйства (Совнархозов) в масштабе госплановских районов. Оба раза нововведения не прижились, просуществовав считанные годы, не удовлетворяя насущным потребностям осуществления стратегического «шага» экономического развития, требующего усиления централизации ради облегчения маневра ресурсами и концентрации усилий.

С середины 1960-х гг. в СССР окончательно возобладал не просто отраслевой, а ведомственный принцип управления народным хозяйством, в том числе и в решении насущных вопросов территориального развития. Так, большие и признаваемые потери несло народное хозяйство на стартовом этапе ускоренного освоения Западно-Сибирского нефтегазового бассейна из-за нескоординированности действий отдельных ведомств по темпам ввода различных объектов, – транспортных, энергетических, промысловых, социально-бытовых. Кроме того, каждое ведомство строило для себя мелкие поселки, имело собственные управления рабочего снабжения, ремонтную и строительную базу. Однако, предложение Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР, который в конце 1960-х гг. выступил с инициативой о создании единой

организации по освоению Западно-Сибирской низменности – «Обь-Иртышстрой», как единого генерального заказчика по всему строительству на территории низменности, ответственного за создание комплекса в целом, реализовано не было (Варламов, 1970, с. 172-173). Это предложение вполне вписывалось в отраслевую – «строительную» – логику, но противоречило ведомственной. «Три кита» освоения Западной Сибири – Минтрансстрой СССР, Минэнерго СССР и нефтегазовый комплекс в составе ряда ведомств – продолжали решать каждый свои задачи.

Оправдавшем себя инструментом собственно территориального планирования и его сочетания с отраслевым управлением в СССР выступало трехуровневое экономическое районирование. На уровне макрорайонов устанавливались основные территориальные пропорции и направления размещения производительных сил, на уровне экономических административных районов (республиканских, областных, краевых) осуществлялся основной объем деятельности по руководству народным хозяйством, а низовым уровнем служили первичные единицы административно-территориального деления. По мере смены и усложнения экономических задач и методов управления менялось число экономических районов всех уровней. Так, в плане ГОЭЛРО в 1920 г. было выделено 8 макрорайонов, Госплан в 1921 г. разработал проект деления страны на 21 район, первый пятилетний план составлялся по 24 районам СССР, второй – по 32 и зоне Севера, третий – по 9 районам и 10 ССР. С 1963 г. в РСФСР было выделено 10 таких районов, с 1986 г. – 11. Главным признаком их выделения считалась специализация в общесоюзном разделении труда, а районообразующими факторами – природные ресурсы, хозяйственные условия, политико-административное устройство страны (Политическая экономия, Т.3, 1979, с. 244-248; Политическая экономия, Т.4, 1980, с. 544-546). В дополнение к комплексному экономическому районированию 1960-х гг. были проведены многочисленные разработки отраслевых схем развития и размещения производства (см. например, Алисов, 1972).

Четко разделить функции и гармонично сочетать централизованно-отраслевое планирование и управление с территориальным все же никак не удавалось – доминировало отраслевое начало и ведомственная автаркия, в том числе в сфере развития строительства, производственной и социальной инфраструктуры.

Характерен пример территориально-производственных комплексов - ТПК, призванных решать крупные народнохозяйственные, региональные и межотраслевые проблемы освоения уникальных природных ресурсов. Опыт быстрого создания межотраслевых комплексов-комбинатов накопили еще в 1930-х гг. ВСНХ и Наркомтяжпром. После их замены дробной отраслевой системой управления хозяйством страны методы межотраслевой координации пришлось наработывать заново.

Только на XXIV съезде КПСС ТПК были названы в официальных документах и их стали включать в директивы съездов: на 9-ю пятилетку – 12 ТПК, на 10-ю – 10, на 11-ю – 8. Но лишь в 11-й пятилетке 1981-1985 гг. показатели развития 8 ТПК были выделены отдельной строкой (т.е. стали самостоятельным объектом планирования) (От ГОЭЛРО..., 1985). 6 из них находились на территории РСФСР, причем Западно-Сибирский давал 3/5 нефти и газа СССР. Методы управления ТПК как межотраслевым целым не были по существу отработаны ни в одном из их проектов, хотя активные попытки в этом направлении предпринимались, по крайней мере, на уровне «инфраструктурных» министерств, прежде всего, Министерства энергетики и электрификации СССР - Минэнерго (см., например, Тихонов, 1985).

В 1980-е годы не только в СССР, но и в европейских странах СЭВ, особенно в ГДР, тематика территориального управления получает новый импульс. В планировании возрастает внимание к пространственной структуре хозяйства. Среди причин возрастания значения территориального планирования называли:

- расширение круга решаемых социальных задач, усиление социальной ориентации планов – когда единый комплекс жизненных условий – жилищных,

образования, медицинского, торгового и бытового обслуживания – предполагалось гармонично развивать в каждой территориальной единице;

- обострение экологической проблемы и повышение внимания к ней;
- требования научно-технического прогресса, когда привлечение квалифицированных кадров на те или иные предприятия во все большей степени зависит от условий труда и быта, от возможностей обеспечить контакты с научно-проектными учреждениями, т.е. от комплексного социально-экономического развития территории, на которой размещены эти предприятия;
- возрастание значения для развития современного производства инфраструктурных объектов и факторов.

Перспективу увязки отраслевого и территориального аспектов планирования и управления видели при этом во внедрении программно-целевого метода. Его назначение виделось в разработке и реализации соответствующих программ, направленных на достижение ранжированных целей, обеспечивающих конечные народнохозяйственные результаты, в рамках которых проводился комплекс мероприятий, увязанных по ресурсам, исполнителям и срокам, позволявших обеспечить изменение пропорций, структуры и темпов, затрагиваемых программой сфер народного хозяйства (Казакевич, 1985). В двух последних пятилетках СССР реализовать такой подход не удалось (вспомним, хотя бы «Продовольственную программу»), но в двух первых пятилетках это явно получилось, хотя термина «программно-целевой метод» тогда и не употребляли.

Сложившуюся в позднем СССР практику работы с целевыми программами, способными оказать самое непосредственное влияние на территориальное развитие страны, можно проиллюстрировать на примере (десятилетней) программы дальнейшего развития гидроэнергетики до 1990 г., поручение на разработку которой институт Гидропроект (профильное всесоюзное ведомство) получил к 1980 г.

Первая редакция программы была уже в начале 1980 г. представлена институтом в Минэнерго и в Госплан СССР. По предварительному согласованию с высшими государственными органами было принято решение подготовить

постановление ЦК КПСС и Совмина СССР по этому вопросу. Проект такого постановления был детально рассмотрен в Госплане и согласован с заинтересованными министерствами и ведомствами. 10 сентября 1980 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О программе строительства гидравлических и гидроаккумулирующих электростанций на 1980 - 1990 годы». Постановлением были определены основные направления развития гидроэнергетики по регионам: в европейской части страны, в Сибири, в районах Дальнего Востока и Крайнего Севера, в Средней Азии и Казахстане. Постановлением ЦК и Совмина определялись задачи с разбивкой по пятилеткам не только Минэнерго, но и Министерству энергетического машиностроения и электротехнической промышленности (по поставкам гидротурбин и гидрогенераторов), Министерству строительного, дорожного и коммунального машиностроения и Министерству тяжелого и транспортного машиностроения (по поставкам высокопроизводительных строительных машин и оборудования). Госплан СССР обязывался в годовых планах экономического и социального развития предусматривать выделение Минэнерго для строительства ГЭС и ГАЭС большегрузного транспорта, тяжелых бульдозеров и другой большегрузной техники. Задачи по вводу мощностей на 1981 – 1985 гг. были расписаны адресно, по каждой из 21 ГЭС и 2 ГАЭС, строительство по всем этим объектам было уже развернуто (Доценко, 1998, с. 612-613).

Однако уже с 1982 г. в темпах гидротехнического строительства наметилось отставание, которое по объемам не введенных мощностей в следующем году удвоилось. По итогам 1983 г. была проведена проверка причин невыполнения постановления партии и правительства. В числе основных причин отмечались: недостаточные объемы финансирования, недопоставка основных фондируемых материалов – металла и цемента, плохое обеспечение строек высокопроизводительной техникой, широко практикуемое отвлечение рабочих и инженеров для выполнения работ на других стройках и др. Устранить эти причины не удалось ни к концу текущей пятилетки, ни в течение следующей, 1986 - 1990 гг. И в целом за все десятилетие, на которое была рассчитана

программа развития гидроэнергетики, суммарная цифра введенных мощностей достигла уровня, предусмотренного постановлением на первую из двух пятилеток, т.е. ожидавшегося к 1985 г. (там же, с. 613-614).

6.3. Трансформация территориальной структуры хозяйства

Значительные трансформации территориальной структуры под воздействием активного выхода на глобальные рынки нефти и газа произошли во второй половине XX века. В первой же его половине эта структура менялась под влиянием рынков золота и леса.

В 1930-х гг. на северо-востоке страны был создан четвертый район золотодобычи – (Верхне)Колымский, завершивший вековую «золотую» волну освоения Сибири, но уже на крупнопромышленной технологической и на «дальстроевской» организационной основе. «Столица колымского края» Магадан, основанный в 1929 г., получил статус города в 1939 г. Спецтрест «Дальстрой», базировавшийся там, уже в 1935 г. вышел с нуля на уровень годовой добычи золота в 25 т. Для сравнения – вся Сибирь до Первой мировой войны давала в год примерно 35 т золота (Моруков, 2006, с. 95- 96). К процессам завершения «золотой волны» в силу достижения ею своих естественных границ добавились попутное золото и платиноиды медно-никелевого района Норильска, известного исстари, но созданного фактически на той же организационной основе, что Магадан, в 1935 г. и получившего городской статус в 1953.

Сдвиги в территориальной структуре, связанные с другим глобальным рынком, лесным, затронули в первой половине века Европейский Север. Благодаря усилению его ориентированной на экспорт лесной промышленности вывоз древесины к началу 1930-х гг. по стоимости сравнялся с вывозом нефти. Экономическим мотивом строительства Беломорско-Балтийского канала в 1931-1933 гг. было максимальное удешевление экспортных поставок северного леса через порт Ленинграда за счет значительного сокращения морского пути до Лондона. Однако проектной мощности грузоперевозок канал не достиг ни до 1941 г., ни после войны. Его первым, главным назначением – военно-стратегическим –

была переброска кораблей Балтфлота среднего и малого водоизмещения к Архангельску и Мурманску, невозможная в то время иным способом. Еще за месяц до официального принятия канала в эксплуатацию в августе 1933 г. по нему провели в Белое море два эсминца, два сторожевых корабля и две подводные лодки, создав ядро Северной Военной флотилии. За 1933-1941 гг. по каналу провели на Север 10 эсминцев и около 30 подводных лодок, из них два эсминца и одна подлодка по Севморпути перешли на Дальний Восток и вошли в состав Тихоокеанского флота (Моруков, 2006, с. 91-93).

Экономические и военно-стратегические задачи тесно переплетались и в развернутом тогда же форсированном освоении Северного морского пути. К 1940 г. проводка судов в одну навигацию из Баренцева моря в Тихий океан или в обратном направлении стала достаточно привычным делом. Ее обеспечивали ледоколы, оперировавшие в западном, центральном и восточном секторе Арктики и последовательно передававшие друг другу проводимые суда. Так, одну из проводок 1940 г. в западном секторе обеспечивал ледокол «Ленин», в центральном – «И. Сталин», в восточном – «Л. Каганович» (Широкоград, 2007, с. 170-171).

Для координации связанных с этим многочисленных активностей – от обеспечения устойчивой радиосвязи и надежных прогнозов погоды до организации портового хозяйства по всей трассе – было создано Главное управление Севморпути. Первое в истории сквозное плавание по трассе Северного морского пути за одну навигацию с запада на восток было совершено в 1932 г. на пароходе «Александр Сибиряков». (В 1914 – 1915 гг. ледокольные пароходы «Таймыр» и Вайгач» совершили первое в истории плавание из Владивостока в Архангельск с одной зимовкой.) С 1929 по 1934 гг. в западном секторе Арктики работал самый мощный в то время в мире ледокол «Красин». Затем его перевели на обслуживание восточного сектора, и он стал базироваться на Владивосток. Тогда с 1934 г. и до конца 1939 г. в западном секторе Арктике стал работать мощный ледокол «Ермак» по комбинированной схеме, когда зимой он возвращался на Балтику и обеспечивал проводку судов в порт Ленинграда.

После войны, проведенной им на обороне Ленинграда, и последующего ремонта, этот первый в мире арктический ледокол был еще флагманом ледокольного флота в западном секторе Арктики в 1954 – 1955 гг. А «Красин», совершив в начале войны кругосветный переход из бухты Провидения через Панамский канал, вернулся в западный сектор Арктики, возглавив ледокольный отряд Беломорской военной флотилии. В 1943 г. он провел караван судов из Архангельска во Владивосток и оставался флагманом ледокольной флотилии в восточном секторе Арктики до 1950 г. Далее флагманами эксплуатации Севморпути выступали уже атомные ледоколы (Соломонов..., 2012, с. 218-219; 277; 298-299; 313).

В России нефть в предгорьях Северного Кавказа добывали в промышленных масштабах с конца XIX - начала XX века. Началом отечественной нефтяной промышленности можно считать 1865 г., когда в долине реки Кудако близ Анапы из скважины, пробуренной механическим способом, с глубины 55 м был получен фонтан нефти с начальным суточным дебетом 200 т. Первый фонтан нефти в восточной части Северного Кавказа был получен на старогрозненском месторождении в 1893 г. В 1909 г. была получена первая нефть на одной из площадей Майкопского района, ставшего одним из основных нефтяных районов России. В 1911 г. В Центральном Предкавказье в районе Ставрополя при бурении на воду было впервые установлено наличие газа (Судо, Судо..., 2008, с. 99-100).

Однако, объемы добычи, сделавшие Россию (РСФСР) ведущим поставщиком углеводородов на глобальный рынок, были достигнуты только во второй половине века за счет освоения Волго-Уральского и Западно-Сибирского бассейнов. Их последовательное освоение задавало главный вектор «нефтяной» волны территориального развития в XX веке.

В 1940 г. в РСФСР добыли 7 млн. т нефти, в 1950 – 18,2 млн. т. Волго-Уральский бассейн позволил увеличить добычу за следующее десятилетие почти в десять раз, до 119 млн. т в 1960 г., а затем – в два с лишним раза, до 285 млн. т в 1970 г. В 1974 г. по добыче нефти СССР вышел на первое место в мире. С середины 1970-х гг. главной нефтяной базой стала Западная Сибирь, и добыча в 1980 г. снова почти удвоилась (547 млн. т.). В 1980-е гг. в большинстве старых

промысловых районов она уже сокращалась, но благодаря Сибири достигла в 1988 г. своего исторического максимума – 569 млн. т. Последовавшее затем снижение – до 516 млн.т. в последнем «советском» 1990 г. – знаменовало окончание первого полувекового этапа «нефтяной» волны территориального развития России (см. Судо, Судо..., 2008, с. 180-181 и Схему 1.6.3., помещенную в конце параграфа).

Старейшее нефтяное месторождение Волго-Уральского бассейна – Ишимбаевское – открыли в 1932 г., а через четыре года оно давало 1 млн. т; затем в 1930–1950-х гг. район пополнялся все новыми промыслами (так, крупнейшее Ромашкинское месторождение, обеспечивавшее основную часть добычи в Татарии, было открыто в 1948 г.) и связанными с ними городами (в Башкирии Альметьевск получил статус города в 1953 г., а Туймазы – в 1960), НПЗ (Саратовский возник еще в 1934 г.), а позже и нефте-газохимическим комплексом. Урало-Поволжье стало узлом магистральных нефте- и газопроводов, включая международные. В 1960-64 гг. от Альметьевска в ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР протянулась первая нитка нефтепровода «Дружба». В 1965 г. в Волго-Уральском районе было добыто 173,7 млн. т нефти. Для достижения этого уровня с начала открытия здесь промышленной нефти потребовалось порядка 35 лет (Варламов, 1970, с. 161). В 1966 г. на южной окраине Оренбурга было открыто значительное газоконденсатное месторождение, которое начало разрабатываться с 1971 г. К концу 1970-х гг. в соцстраны стал поступать газ из Оренбурга. Пик добычи «Второе Баку» прошло в 1970-е гг., но и в середине 1990-х гг. там добывали примерно 70 млн. т нефти (Судо, Судо..., 2008, с. 90-93).

В 1950-е гг. всего в течение десяти лет по оси первой «нефтяной» волны территориального развития Предкавказье – Волго-Урал – Западная Сибирь были практически одновременно открыты и освоены крупные газовые месторождения: в 1950 г. в 30 км к северо-западу от Ставрополя было открыто Северо-Ставропольско-Пелагиадинское газовое, а в 1953 г. в 125 км к западу от Краснодара – Анастасиевско-Троицкое газонефтяное месторождение; в конце 1950-х гг. ставропольский газ по магистральному трубопроводу стал подаваться в

Москву и Центральный район, как и саратовский газ, разработка которого началась в послевоенные годы. В Западной Сибири планомерные поиски нефти и газа велись с 1948 г. и увенчались успехом по газу в 1950-х гг. – в 1953 г. в низовьях Оби у поселка Березово, основанного еще в «меховую» волну освоения, ударил первый фонтан газа, а в последующем было открыто еще несколько газовых месторождений и в начале 1960-х гг. здесь зародилась газодобывающая промышленность Западной Сибири (Судо, Судо..., 2008, с. 92; 94-95; 100). Таким образом, первоначально отстав примерно на три десятилетия, первая «газовая» волна освоения догнала первую «нефтяную» всего за десять лет.

Решительный шаг «нефтяной» волны территориального развития за Урал стал очевидным в 1960-е гг., когда в Среднем Приобье были открыты залежи нефти мирового значения, а Тюменская область начала давать более половины советской нефти. Практически одновременно – с 1962 г. – в заполярной тундре были найдены и уникальные газовые месторождения.

К 1970 г. в Тюменской, Томской и Новосибирской областях, а также в Красноярском крае было открыто свыше 100 месторождений нефти и газа. Среди них имелись уникальные и весьма крупные – Самотлорское, Усть-Балыкское, Салымское нефтяные и Уренгойское, Заполярное, Пурпейское (Губкинское), Новопортовское, Тазовское газовые. Запасы Уренгойского, крупнейшего в мире, месторождения оценивались в 5 – 6 млрд. куб. м газа, Заполярного – в 2 млрд. куб. м. Всего в регионе прогнозные запасы нефти исчислялись десятками миллиардов тонн, а газа – 15 – 16 триллионов кубометров. Нефте- и газоносные земли охватывают на Западно-Сибирской низменности площадь 1,7 млн. кв. км. В Европейской части страны такая территория заняла бы ареал от Архангельска до Ростова-на-Дону и от Москвы до Перми. При этом многие особенности Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции весьма благоприятствовали разворачиванию там крупномасштабной добычи нефти и газа: 1) высокая плотность запасов; 2) оптимальные глубины залегания нефти и газа (например, 1900 – 2500 м на Усть-Балыкском месторождении); 3) многопластовость большинства месторождений; 4) высокая дебитность скважин, сравнимая с

наиболее экономически выгодными месторождениями Волго-Уральской области; 5) значительно лучшее качество нефти по сравнению с волго-уральскими нефтями (меньше серы и больше светлых фракций); 6) удобный для применения геофизических методов и бурения геологический разрез; 7) простое строение локальных структур, обеспечивающее высокую эффективность разведки (Варламов, 1970, с. 159-161).

Требовалось форсированное комплексное освоение территории срединной зоны и севера Западной Сибири, развитие инфраструктуры, прежде всего, – железных дорог, мощной энергетики, трубопроводов, жилья и социальных объектов, – чтобы в корне изменить экономические условия на всей этой огромной малообжитой и заболоченной территории (см. например, Приваловская, 1970).

Первым этапом транспортного освоения будущей главной нефтегазовой базы страны стало сооружение в 1966-1973 гг. железнодорожной магистрали Тюмень – Сургут, протяженностью 700 км, и линии Сургут – Нижневартовск (205 км), – таким образом, получил выход на магистральную железнодорожную сеть страны главный нефтедобывающий район Западной Сибири, Среднеобский. Далее, была введена железнодорожная магистраль Сургут – Уренгой (565 км), связавшая железнодорожную сеть страны с основным районом добычи газа в регионе (Зензинов, 1986, с. 161).

К 1970 г. нефтепроводы соединили основные районы нефтедобычи – Сургутский, Шаимский, Нижневартовский и Северо-Томский, – с магистральной сетью (Варламов, 1970, с.169), и главным лимитирующим фактором широкого освоения нефтегазовых богатств Западной Сибири выступал железнодорожный транспорт, от него зависело, в частности, и развитие большой электроэнергетики, без которой невозможна полномасштабная промышленная эксплуатация нефтегазовых месторождений. Поэтому организация, методы и технологии железнодорожного строительства трассы Тюмень – Сургут были подчинены решению задачи максимального сокращения сроков выполнения работ.

Первые тонны западносибирской нефти были добыты в 1964 г., а уже в 1965 г. работала специальная экспертная комиссия Минтрансстроя СССР для оценки условий и принятия предварительных проектных решений по организации строительства железнодорожной трассы Тюмень – Сургут. Для экономии времени проектно-изыскательские работы приходилось вести во многом параллельно со строительными. Строительство развернулось в 1966 г. и шло широким фронтом: укладку пути на участках Тюмень – Тобольск и Тобольск – Сургут вели звеньевыми путеукладчиками по многолучевой схеме – одновременно из пяти пунктов по нескольким направлениям. При этом все первые десанты строителей доставлялись вертолетами, позже широко использовалась малая авиация и пришлось строить взлетно-посадочные полосы. В начале строительства основными доступными транспортными путями в регионе были большие реки с организованным судоходством, и малые, пригодные для малотоннажных судов лишь в паводки, – пришлось специально создавать малотоннажный флот и сооружать 11 временных причалов. Была решена ключевая проблема использования местных грунтов для сооружения насыпей (они считались по исходным нормативам непригодными для этих целей). Новые конструкции насыпей, с пологими, так называемыми «пляжными» откосами, из местных мелких и пылеватых песков позволили отказаться от завоза дренирующих грунтов на большие расстояния и, что очень важно, вести строительство круглый год (Зензинов, 1986, с. 148-151).

На трассе Тюмень – Сургут было построено около 400 искусственных сооружений: более 200 мостов (из них 3 внеклассных и 11 больших) и почти 200 водопропускных труб. При строительстве этих сооружений работа велась индустриальными методами с применением полносборных элементов заводского изготовления, которые доставлялись затем к месту монтажа по воде, притрассовым автодорогам, по зимникам или по только что уложенному железнодорожному полотну. По мере готовности земляного полотна и искусственных сооружений на линии велась укладка пути. Для сокращения сроков строительства и транспортных расходов у барьерных мест и у мостов

сооружали временные обводы, при пересечении рек возводили временные низководные мосты. По мере готовности основных сооружений магистрали последовательно, по участкам открывали временное движение поездов. В 1968 г. было создано отделение временной эксплуатации дороги. Грузы перевозили ночью, а днем на линии работали строители. За восемь лет временной эксплуатации объем перевозок составил 2,5 млрд. т.км. В постоянную эксплуатацию дорогу также вводили участками – в 1973 г. участок Тюмень – Тобольск (протяженность 220 км), в 1977 г. Тобольск – Демьяновская (180 км), в 1978 г. – Демьяновская – Сургут (300 км). Через каждые 60 – 100 км на станциях расположились укрупненные поселки эксплуатационных служб магистрали. В целом комплекс примененных на строительстве трассы Тюмень – Сургут технических, технологических и организационных решений позволил значительно сократить сроки строительства и снизить затраты. Накопленный здесь опыт затем широко использовался, в том числе при сооружении БАМ (Зензинов, 1986, с. 154-162).

Для обеспечения устойчивого промышленного освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири, формирования и развития Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса с середины 1970-х гг. в Среднем Приобье создавалась мощная база электроэнергетики, формировалась тюменская энергосистема – Тюменьэнерго. В формировании Тюменьэнерго отчетливо выделяются три этапа.

На первом, стартовом, в обширном и перспективном на нефть и газ Западно-Сибирском регионе практически полностью отсутствовало централизованное электроснабжение, потребители имели мелкие автономные источники питания. К концу 1960 г. дала первый ток Тюменская ТЭЦ – первое звено будущей энергосистемы. Изначально топливом ТЭЦ был фрезерный торф местных месторождений. Второй этап охватывает 1960-е гг. и связан с централизацией электроснабжения потребителей на юге Тюменской области от Тюменской ТЭЦ. В 1964 г. ТЭЦ была соединена с сетями восточного энергоузла Свердловэнерго и вошла в состав Объединенной энергосистемы Урала (районного энергетического

управления Свердловэнерго). В том же году создается первое электросетевое предприятие будущей Тюменьэнерго – Тюменские электрические сети. Нефтяники постоянно требовали ускорения электрификации промыслов и в мае 1969 г. была введена высоковольтная линия Тюмень – Усть-Балык, электроэнергия Тюменской ТЭЦ пришла в левобережную часть Среднего Приобья. Из-за неготовности высоких переходных опор через Обь подавать мощность в Сургут пришлось той зимой по временной ЛЭП на опорах, вмороженных в лед (Боган, 1998, с. 319-321).

Третий этап, начавшийся в 1970-е гг., самым тесным образом связан с освоением новых нефтяных месторождений в Среднем Приобье – тогда началось продвижение энергетики на север и создание системы централизованного электроснабжения в первых нефтедобывающих районах – Сургутском и Шамском, составившим в дальнейшем ядро Тюменской энергосистемы. Существовавший в то время опыт энергетического строительства требовал жесткой увязки строительства электростанции в Сургуте с прокладкой туда железной дороги протяженностью 700 км от Тюмени, а сроки ввода первого энергоблока определялись не ранее, чем через три года после сооружения железнодорожной магистрали.

Однако, было принято новаторское решение о сооружении Сургутской ГРЭС задолго до ввода железной дороги – опираясь на речной транспорт. К моменту доставки основного оборудования была выполнена коренная реконструкция Омского и Сургутского речных портов, с установкой специальных 250-тонных кранов. Реконструированы под сосредоточенные на малые площади нагрузки имевшиеся в пароходстве баржи. Многотонное основное оборудование от речного порта в Сургуте до стройплощадки ГРЭС доставлялось по усиленной автодороге. В результате пускорезервная ТЭЦ Сургутской ГРЭС была поставлена под промышленную нагрузку в конце декабря 1971 г. Первый энергоблок (мощностью 210 МВт) ГРЭС дал промышленный ток в следующем, 1972 г. С вводом первых мощностей на Сургутской ГРЭС была заложена база надежного энергоснабжения нефтегазового комплекса. В конце 1972 г. энергетика

Тюменской области вышла на качественно новый уровень развития – электроснабжение всех нефтедобывающих районов стало обеспечиваться в основном от энергосистемы. Нефтяники, в частности, получили возможность и стимул для активизации работ по сбору и переработке попутного газа – крупным и практически единственным (в то время) его потребителем стала Сургутская ГРЭС (Боган, 1998, с. 322-323). Напомним, что полностью в постоянную эксплуатацию железную дорогу Тюмень – Сургут сдали только в 1978 г.

На третьем этапе назрела необходимость создания Тюменской энергосистемы. Началось развитие электрических сетей напряжением 500 кВ, обладающих большой пропускной способностью. Уже с вводом первой межсистемной высоковольтной линии Рефтинская ГРЭС – Тюмень, соединившей Урал и Среднее Приобье, Сургутская ГРЭС вошла в Единую энергосистему страны, а Тюменская ТЭЦ стала работать по более экономичному теплофикационному графику. Ко второй половине 1970-х гг. в связи со значительным ростом темпов нефтедобычи, массовым переводом месторождений с фонтанной на механизированную добычу нефти с внедрением электроприводов, резко повысились темпы прироста электропотребления. К концу 1970-х гг. ежегодный прирост потребления мощности превысил 20% – в несколько раз больше, чем в среднем по стране. В 1979 г. резервы Сургутской ГРЭС были исчерпаны и Тюменская область стала (снова) дефицитной по электроснабжению. На дефицит накладывались недостатки, связанные с незавершенностью схемы электрических сетей 110 – 500 кВ, отсутствием резервирования, кольцевания, большой протяженностью линий радиального исполнения. Структура управления Тюменской энергетикой в рамках Свердловской энергосистемы стала малоэффективной. В 1979 г. осуществляется реорганизация и на уровне региона – к началу 1980 г. создается Тюменьэнерго, которой уральские энергетики передают две действующие и одну строящиеся электростанции, а также пять электросетевых предприятий. Одновременно с организацией районного энергетического управления реорганизуются структуры управления Тюменского энергокомплекса на уровне Минэнерго – Тюменская энергосистема выводится из

состава Главуралэнерго и включается во вновь созданное Всесоюзное промышленное объединение Союззапсибэнерго (Боган, 1998, с. 323-325).

Тюменский обком КПСС настаивал, чтобы штаб-квартира Тюменьэнерго, по аналогии с региональными управляющими структурами строителей, геологов, нефтяников и газовиков расположилась в областном центре. Однако, министр энергетики и электрификации СССР настоял, чтобы она разместилась в Сургуте – в центре электрических нагрузок на созданной базе Сургутской ГРЭС. Это дало положительные результаты не только потому, что приблизило управление к основным районам производства и потребления энергосистемы, но также и потому, что Сургут, в отличие от Тюмени, был приравнен к районам Крайнего Севера, а это предоставляло больше преимуществ специалистам, приезжавшим с Большой земли, и позволяло привлекать лучшие кадры (Каштанов, 1998, с. 337).

Тюменьэнерго после своего создания активизировала ввод линий электропередач и генерирующих мощностей. Так для обеспечения устойчивого энергоснабжения Нижневартовского узла, где находится, в частности, крупнейшее Самотлорское месторождение, было построено четыре (!) линии электропередачи 500 кВ. В 1982 г. было завершено строительство ЛЭП 500 Холмогоры – Уренгой, включившей в энергосистему приполярные газодобывающие районы. Была сооружена Сургутская ГРЭС-2 и таким образом создан Сургутский энергокомплекс в составе двух мощнейших ГРЭС. В середине 1980-х гг. развернулись работы по строительству четырех крупных электростанций в угловых точках четырехугольника со сторонами 600-700 км: в Тюмени мощной ТЭЦ-2; Нижневартовской ГРЭС; Няганьской ГРЭС; и наконец, Уренгойской ГРЭС. В результате усилий по наращиванию мощностей, с середины 1987 г. направление перетока электроэнергии по межсистемным связям с Уралом сменилось на обратное и энергия со станций Тюменьэнерго пошла на Урал и в центральные районы Европейской части страны (Боган, 1998, с. 325-327).

К концу 1990-х гг. предприятия Западно-Сибирский топливно-энергетического комплекса добывали порядка 90% российского газа и 60% нефти, а Тюменская энергосистема (см. Схему 6.3.1.), включающая семь крупнейших

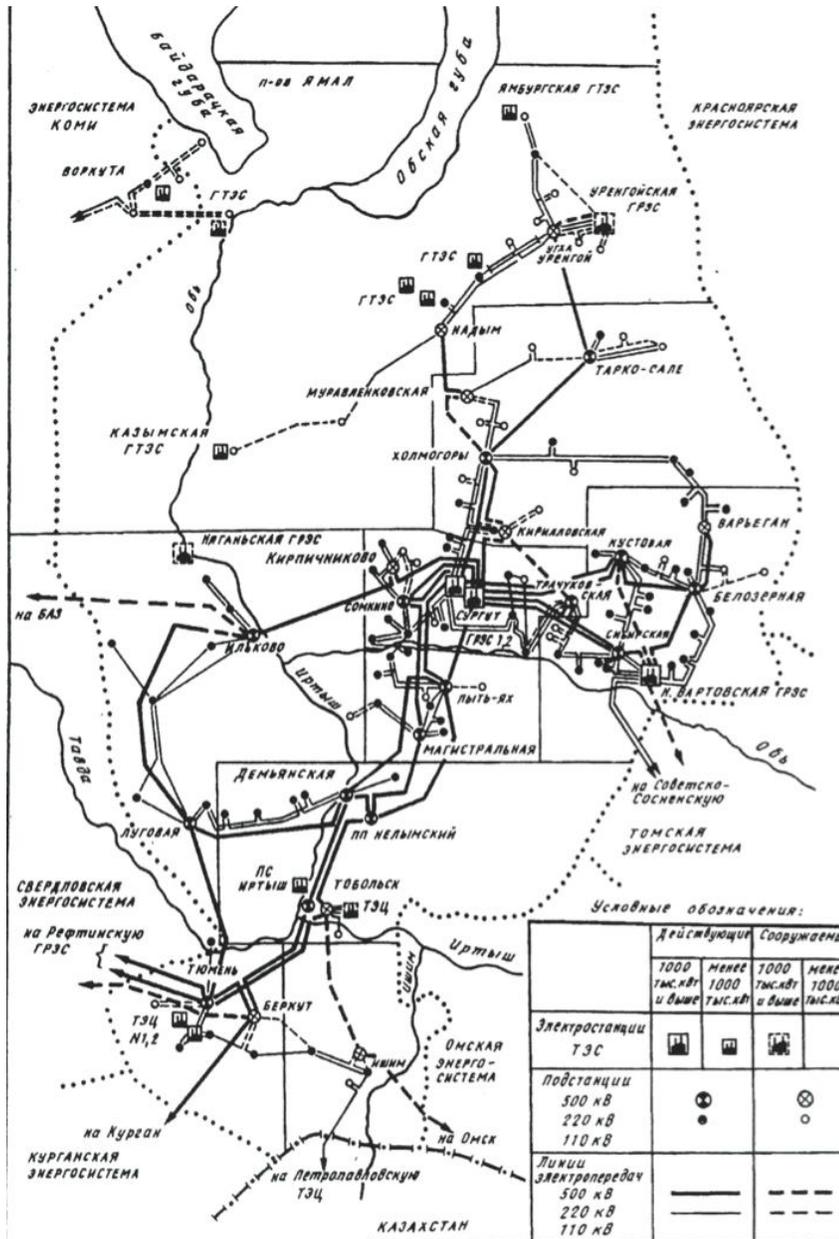
электростанций суммарной установленной мощностью 10 млн. кВт, а тепловой – 7000 Гкал/ч, по выработке электроэнергии (71 млрд. кВт.ч) уступала в России только Мосэнерго. При полном удовлетворении собственно региональных потребностей, она до четверти вырабатываемой энергии передавала в другие районы – на Урал, в Омскую область, в Поволжье и т.д. Территория региона, охваченная электрическими сетями централизованного электроснабжения, превышала 1 млн. кв. км (напомним, что нефте- и газоносные земли охватывают на Западно-Сибирской низменности площадь 1,7 млн. кв. км). 80% всех мощностей Тюменьэнерго было расположено за шестидесятой параллелью северной широты. При этом расстояние между энергетическими объектами Тюменьэнерго по меридиану достигало 1500 км, а по широте – 1000 км. Протяженность высоковольтных электрических сетей составляла 58 тыс. км, из них напряжением 500 кВ – свыше 5 тыс. км). В ноябре 1992 г. в разгар компании приватизации руководство Тюменьэнерго смогло сохранить систему как единый комплекс, приняв и реализовав решение о вхождении Тюменьэнерго в полном составе в качестве дочернего общества в структуру РАО «ЕЭС России» (Боган, 1998, с. 316, 319).

Таким образом, внутри Западно-Сибирского бассейна реализовалась своя внутрорегиональная волна территориального развития с «поворотом» на север, а также широтное разделение труда – с машиностроительной и сельскохозяйственной базой на юге, нефтедобычей, транспортом, энергетикой в срединной части и газовой специализацией севера. Опорой и одновременно следствием бурного экономического развития срединной и северной частей Западной Сибири стало развитие там городского каркаса расселения, (очаговая) урбанизация этой обширной территории. Сургут, крупнейший город Среднем Приобья, известный как остяцкая и затем русская крепость с XVI века, стал советским городом в 1965 г., Нефтеюганск (до того деревня Усть-Балык) – в 1967, а Нижневартовск, начальный пункт многих нефтепроводов, – в 1972 г. На Крайнем Севере освоение крупнейших запасов газа дало импульс развитию Салехарда (основанного в 1595 г. как Обдорск) и Нового Уренгоя. Надым

получил городской статус в 1972 г., отсюда берет начало газопровод на Урал – Поволжье – Центр. По газопроводу «Западная Сибирь – Западная Европа» в год экспортировалось до 30 млрд. м³ природного газа (Судо, Судо..., 2008).

Некоторое представление о масштабах территориальных сдвигов размещения производительных сил страны в последней трети XX века (1970 – 1990-е гг.), прежде всего, обусловленных освоением нефтяных богатств Западной Сибири на фоне кризиса промышленности РФ, вызванного шоковыми «реформами» 1990-х гг., дает картина динамики за период 1970 – 2003 гг. доли в объеме промышленного производства РФ и места среди 15 промышленных городов-лидеров РФ ряда центров (Таблицы 6.3.1. и 2.6.3.): в начале 2000-х гг. среди 15 крупнейших промышленных центров РФ оказывается три центра нефтяной промышленности, два из которых расположены в Среднеобском регионе Западной Сибири.

Схема 1.6.3. Тюменская энергосистема*

*Источник: Боган, 1998, с.317.

Таблица 1.6.3. Доля городов-лидеров в объеме промышленного производства РФ *

Города-лидеры по ранжиру 2003 г.	1970	1980	1991	1996	2003
Москва	8,5	6,8	6,4	5,8	4,5
Санкт-Петербург	5,0	4,2	3,4	2,5	3,1
Тольятти	0,3	0,9	0,8	1,9	1,8
<u>Сургут</u>	...	0,2	0,3	0,9	1,6
Пермь	1,0	1,3	1,3	0,7	1,3
Норильск	0,5	0,5	0,4	0,9	1,3
Череповец	0,6	0,6	0,6	1,1	1,2
Магнитогорск	0,9	0,8	0,6	0,8	1,2
Липецк	0,5	0,6	0,5	1,2	1,2
<u>Альметьевск</u>	0,3	0,1	0,0	0,6	1,2
Челябинск	1,5	1,4	1,2	1,5	1,1
Новокузнецк	1,0	0,9	0,7	1,2	1,1
Самара	1,2	1,2	1,1	1,1	1,0
<u>Когалым</u>	0,4	0,8
Нижний Новгород	1,5	1,5	1,2	1,0	0,8
Вклад 15 городов в промышленное производство РФ	28,1	26,2	23,4	23,1	23,2

*Источник: Трейвиш, 2009, с. 262.

В 2000-е гг. Западная Сибирь дает в год нефти меньше, чем в последнем «советском» 1990 г. – прирост добычи показывали Тимано-Печорский бассейн, шельф Сахалина, Восточная Сибирь. Напротив, добыча газа в Западной Сибири после спада в период «рыночных реформ» снова растет, превысив уровень 1990 г. (Судо, Судо..., 2008, с. 181). Начавшийся в 1990-е гг. второй этап территориального развития является уже определенно не «нефтяным», а «газонефтяным» – если учитывать доминирование газа над нефтью как его драйвера в силу лучшего соотношения долей России в его мировых запасах и добыче, а также различия организационных структур газовой промышленности (с особой ролью «Газпрома», крупнейшей мировой компании газового комплекса с

сильным влиянием государства) и нефтяной (преимущественно частной). На втором, «газонефтяном» этапе волна территориального развития приобретет два вектора, частично отклоняющих ее от оси первого, «нефтяного» этапа (Предкавказье – Волго-Урал – Западная Сибирь), соответственно, на север–северо-запад (шельф полярных морей, Тимано-Печора) и на восток–юго-восток (в Восточную Сибирь и на сахалинский шельф России).

Таблица 2.6.3. Место городов-лидеров по доле в объеме промышленного производства РФ *

Города-лидеры по ранжиру 2003 г.	1970	1980	1991**	1996	2003
Москва	1	1	1 / I	1	1
Санкт-Петербург	2	2	2 / II	2	2
Тольятти	83	15	14 / VII	3	3
<u>Сургут</u>	...	91	59 / XIII	12	4
Пермь	12	5	3 / III	18	5
Норильск	32	40	41 / XII	13	6
Череповец	26	23	22 / X	10	7
Магнитогорск	18	21	20 / IX	15	8
Липецк	30	24	35 / XI	7	9
<u>Альметьевск</u>	69	116	140 / XIV	23	10
Челябинск	3	4	4 / IV	4	11
Новокузнецк	9	16	18 / VIII	6	12
Самара	6	7	10 / VI	8	13
<u>Когалым</u> / XV	38	14
Нижний Новгород	4	3	5 / V	11	15

*Составлено по: Трейвиш, 2009, с. 262.

** Римскими цифрами в этой колонке показаны не место по доле в объеме промышленного производства РФ, а ранг соответствующего города внутри колонки в соответствии с этим местом. Складывается логичная, ожидаемая картина конца советского периода с «ножницами цен» в пользу машиностроения и других обрабатывающих отраслей, средними позициями в ценовой политике металлургии и значительной недооценкой добывающих отраслей, в том числе и нефтяной. Отчетливо выделяются 4 группы центров: крупнейшие универсальные – Москва и Ленинград (Санкт-Петербург); далее следуют 5

комплексных центров развитого машиностроения, дополненного отраслями производства основных материалов – металлургией и химией (Пермь, Челябинск, Горький (Нижний Новгород), Самара, Тольятти); затем идут 5 металлургических центров (Новокузнецк, Магнитогорск, Череповец, Липецк, Норильск); и замыкают таблицу 3 центра нефтяной промышленности и нефтепереработки (Сургут, Альметьевск, Когалым).

Важнейшее значение имеет освоение Арктического шельфа – самого протяженного шельфа России, – в силу размеров потенциальных запасов углеводородов, а также географического (геополитического) положения, особенно в связи с перспективами нового этапа освоения Севморпути как моста между экономическими центрами Азиатско-Тихоокеанского и Северо-Атлантического регионов.

Уже в 1974-1976 гг. на полуострове Ямал были открыты крупнейшие по запасам прибрежно-морские газоконденсатные месторождения Харасавэйское и Крузенштерновское (около 2 трлн. куб. м газа). В конце 1980-х гг. на шельфе Карского моря разведаны еще более крупные Русановское (в 1987 г.) и Ленинградское (в 1989 г.) газовые месторождения, запасы которых оцениваются в 9,2 трлн. куб. м газа. По возможностям освоения особенно перспективен шельф Баренцева моря в связи с наиболее выгодным из всех регионов российского Арктического шельфа ЭГП. В 1989 г. на шельфе Печорской губы Баренцева моря было открыто Приразломное нефтяное месторождение, расположенное в 60 км от поселка Варандей (и в 950 км от Архангельска). Его доказанные запасы на начало 2005 г. составляли 233,4 млн. т нефти, уровень годовой добычи предполагался в 7 млн. т. Штокмановское газоконденсатное месторождение расположено в центральной части российского сектора шельфа Баренцева моря в 650 км от Мурманска, его запасы оцениваются в 3,7 трлн. куб. м газа и более 31 млн. т газового конденсата (Судо, Судо..., 2008, с. 110-111).

Активную помощь в освоении прибрежных и шельфовых высокоширотных месторождений оказывали суда арктического флота. Так, в 1972 г. ледокол «Красин» – ветеран освоения Арктики – был передан на баланс Министерства геологии РСФСР и использовался как энергетическая база и жилье буровиков при

поисковых работах на шельфе Северного Ледовитого океана. В качестве научно-исследовательского судна «Красин» (его название изменили на «Леонид Красин», а прежнее присвоили новому ледоколу) работал в Баренцевом и Гренландском морях до 1982 г. В 1976 г. атомный ледокол «Ленин» выполнил первый экспериментальный рейс по проводке теплохода, доставившего грузы геологам, ведущим разведку нефти и газа на полуострове Ямал. В 1977 г. атомный ледокол «Арктика» в зимнем плавании провел караван судов к полуострову Ямал, в том числе, пробив каналы в тяжелых льдах, обеспечил проход теплохода к берегу у мыса Харасавэй и доставку грузов для газовиков. Начиная с 1978 г. благодаря атомным ледоколам плавание транспортных судов на западном участке Севморпути стало круглогодичным (Соломонов..., 2012, с. 299; 384; 398-399).

В примыкающей с юга к побережью Баренцева моря Тимано-Печоре первые месторождения нефти промышленного масштаба были открыты еще в начале 1930-х гг. Опытная эксплуатация Ярегского месторождения тяжелой нефти в 25 км к юго-западу от г. Ухта с 1935 по 1945 г. велась обычным скважинным методом, а с конца 1939 г. и шахтным способом (работало три шахты). С 1954 г. отработка шахтных полей велась по уклонно-скважинной системе из рабочей галереи внутри продуктивного пласта, к 1972 г. было добыто 7,4 млн. т нефти. С 1972 г. начата термошахтная эксплуатация с закачкой теплоносителя через нагнетательные скважины. В 1960-е гг. в Тимано-Печорской провинции был открыт ряд нефтяных и газовых месторождений. Усинское нефтяное месторождение в 100 км к северу от г. Печора открыто в 1963 г., разрабатывается с 1973 г. Вуктыльское газоконденсатное месторождение в 160 км к востоку от г. Ухта открыто в 1964 г., разрабатывается с 1968 г. В 1971 г. в 50 км к северу от села Усть-Уса разведано Возейское нефтяное месторождение, эксплуатация которого начата в 1977 г. (Судо, Судо..., 2008, с. 86-87).

С геополитической точки зрения особого внимания заслуживает и освоение углеводородов Восточной Сибири, в том числе как проект скрепления российских территорий, достройки «выпавшего» шага первой, «нефтяной» волны освоения между Западной Сибирью и Сахалином.

Нефть в Восточной Сибири – в среднем течении Лены и в междуречье Лены и Вилюя – искали еще с 1930-х гг. В 1956 г. из скважины в устье реки Вилюй ударил первый газовый фонтан, а в дальнейшем в Якутии был открыт ряд других газовых месторождений – Верхневиллюйское, Верхневиллючанское и др. На закате советской эры, в 1987 г. в Восточной Сибири было открыто два крупных месторождения. Во-первых, Талаканское нефтегазовое на юго-западе Якутии – в середине 2000-х гг. там ежегодно добывалось примерно четверть миллиона тонн нефти, которые шли на нужды республики Саха (Якутия); в перспективе предполагался выход на проектную мощность в 6 млн. т в год. Во-вторых, в Иркутской области, в 450 км от Иркутска было открыто крупнейшее Ковыктинское газоконденсатное месторождение. Его запасы оцениваются в 1,9 – 2,1 трлн. куб. м газа. С конца 1990-х – начала 2000-х гг. активно обсуждались различные варианты строительства отсюда экспортного газопровода в Китай и страны АТР. Следующим открытием в Иркутской области стало зарегистрированное в 2007 г. Ангаро-Ленское месторождение газа. Оно расположено рядом с Ковыктинским и имеет сопоставимые с ним запасы в 1,2 трлн. куб. м газа (Судо, Судо..., 2008, с. 103).

В 1887-1912 гг. на Северном Сахалине в районе Охинского месторождения вели изыскания несколько российских геологических экспедиций. В 1920 - 1925 гг. Северный Сахалин под предлогом так называемого Николаевского инцидента был оккупирован Японией и в 1923 г. японские нефтепромышленники начали разработку Охинского нефтяного месторождения. После возвращения Северного Сахалина СССР в 1925 г., с 1925 г. и до 1944 г. японцы добывали там нефть по концессии. В 1928 г. был создан трест «Сахалиннефть» и в последующие годы на Северном Сахалине было выявлено несколько десятков небольших нефтяных и газоконденсатных месторождений. В 1942 г. был построен нефтепровод Оха – Комсомольск. К концу советской эры годовая добыча составляла здесь до 1 млн. т, открытые месторождения вступили в период падающей добычи без перспектив найти новые на суше. Реальные возможности связаны с сахалинским шельфом, работы по которому начались с 1970-х гг. В 1977– 1992 гг. специалистами

«Сахалинморнефтегаза», преимущественно в северо-восточном секторе шельфа Сахалина открыто 8 месторождений углеводородного сырья – нефтегазоконденсатные, газоконденсатные и газовые. Промышленное освоение нефти на шельфе Сахалина началось в 1998 г., когда ОАО «Роснефть-Сахалинморнефтегаз» пробурила с суши наклонно-направленную скважину к одному из этих месторождений – Одопту-море. В последующие годы пять из восьми открытых месторождений осваиваются в рамках совместных с рядом зарубежных компаний проектов «Сахалин – 1» и «Сахалин – 2». Промыслы расположены в Охотском море, примерно в 15 км от северо-восточного побережья острова Сахалин (Судо, Судо..., 2008, с.106, 109, 110).

В новых геополитических реалиях 1990-х гг. – после ликвидации соцлагеря и распада СССР – Россия оказалась вынужденной перестраивать трубопроводную сеть советской эпохи, чтобы минимизировать (оптимизировать) транзит до наиболее крупных и платежеспособных потребителей углеводородов в Западной и Южной Европе. В результате можно говорить о раздвоении главного в прошлом центрального экспортного направления (с выходами на Брест по нефти и на Ужгород по газу) на северное и южное.

Северное направление сформировали Балтийская трубопроводная система (БТС), созданная для обеспечения транспортировки нефти в Западную Европу морским путем, и газопровод «Северный поток» для доставки газа через Балтику непосредственно в Германию. Южное направление образовали газопровод «Голубой поток» для доставки газа непосредственно в Турцию через Черное море и международный нефтепровод «Тенгиз – Новороссийск». В середине 1990-х гг. сформировались также идеи дополнения западного, европейского экспортного направления углеводородов восточноазиатским, диверсификации экспортных нефтегазовых потоков и развития обслуживающей их трубопроводной инфраструктуры. БТС концентрирует поставки нефти с Тимано-Печоры, а также Волго-Урала, Западной Сибири, транзитной нефти из Казахстана и других государств СНГ для экспорта танкерами через новый нефтеналивной порт Приморск на Финском заливе. БТС позволяет отказаться от транзита нефти в

Западную Европу через Белоруссию и Польшу по нефтепроводу «Дружба». Первая очередь БТС протяженностью 2700 км от поселка Харьяга в Ненецком АО до порта Приморск была введена в эксплуатацию в 2001 г. «Северный поток» проложен от Выборга в России до Грайфсвальда в Германии, его первая нитка протяженностью 1200 км имеет годовую пропускную способность 27,5 млрд. куб. м газа в год и введена в эксплуатацию в 2012 г. «Голубой поток» – на момент постройки – самый глубоководный газопровод в мире. При общей протяженности его трассы в 1213 км 396 км проложены по дну Черного моря от района Джубги на российском побережье Черного моря до города Самсун в Турции. Начальная мощность – 16 млрд. куб. м газа в год. Нефтепровод «Тенгиз – Новороссийск» – протяженностью 1510 км и пропускной способностью до 67 млн. т нефти в год – в начале 2001 г. вывел казахстанскую нефть в порт Южная Озерейка (Новороссийск). Среди проектов на Дальнем Востоке фигурировали газопровод «Иркутск – Китай» до китайского порта Жичжао для поставки Ковыктинского газа в страны АТР и нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» от Тайшета в Иркутской области до нефтеналивного порта в бухте Козьмино на побережье Тихого океана. Реализация дальневосточных трубопроводных проектов в их окончательном варианте оказалась отложенной до XXI века (Судо, Судо..., 2008, с. 212-215).

Схема 2.6.3. «Нефтяная» волна территориального развития России в XX веке

Аспект	Характеристика
ВИД	смешанный: очаго- концентрический; фронтально –концентрический
АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ	Северный Кавказ, Среднее и Нижнее Поволжье, Западная Сибирь, Север Европейской части, Сахалин
ДЛИТЕЛЬНОСТЬ	110 лет в конце XIX – XX вв.: 1890-е – 2000 гг.
КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ	1939 г. – формирование системы промышленных наркоматов (с 1946 г. - министерств)
КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВА	1950-е – 1970-е гг. - примерно 30 лет

Табл. 5. Характеристики «нефтяной» волны территориального развития России в XX веке

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конкретные результаты преобразования территориальной структуры России под воздействием ее глобальной сырьевой специализации в каждый рассмотренный период с XVII по XX век задавалось местом, которое ей удавалось занять на соответствующих сырьевых рынках и которое определялось набором видов деятельности и объектов, размещаемых на ее территории. Этот набор зависел от «длины цепочки создания стоимости», локализованной в стране, от глубины переработки экспортируемых сырьевых товаров, и разные его варианты порождали свои модификации территориального развития, выраженные в той или иной «версии» этатизации, регионализации и урбанизации территории страны. Участие в глобальных рынках сырьевых товаров служило интересам устойчивого комплексного развития страны, в том числе территориального, когда его стимулировала, направляла, корректировала активная и адекватная ситуации технологическая, экономическая, территориальная политика. Но превращение подобного участия в самодостаточное неизбежно вело к «голландской болезни», что в рассматриваемый период происходило дважды – в первой половине XIX и в последней четверти XX века.

Обобщающая и сравнивая характеристики волн территориального развития России как экспортера глобальных сырьевых рынков в XVII – XX веках, можно отметить целый ряд сходных для них особенностей.

Их типовой «шаг» в 20-25 лет часто совпадал с переходом от одного крупного речного бассейна к другому. Кульминационная фаза движения, когда создавались важнейшие объекты и охватывались наибольшие территории, занимала около трети примерно векового цикла жизни волны. Кульминационная фаза трансформации организационно-территориальной структуры, опосредуя воздействие движущих сил на сдвиги в территориальной структуре хозяйства,

обычно опережала кульминационную фазу продвижения соответствующей волны освоения. Как правило, через несколько десятилетий после кульминационной фазы следовал менее мощный и продолжительный локальный максимум.

В зависимости от локализации природных ресурсов, составлявших предмет экономического интереса соответствующего глобального сырьевого рынка, связанные с ними волны территориального развития по-разному охватывали территорию страны. Большинство ее макрорегионов формировалось под воздействием нескольких таких волн. Исключение составляет историческое ядро России – Нечерноземье, а также примыкающие к нему Северо-Запад и Урал, основное влияние на формирование территориальных структур которых оказала «корабельная» волна XVIII века (это не относится только к обеим столицам и ближайшим к ним территориям – к Северной, конечно, только с момента ее основания в 1703 г., – в территориальное развитие которых внесли свой вклад все волны). Север нашей страны, в том числе сибирский, испытал воздействие меховой, золотой и нефтяной (углеводородной) волн; Черноземный Центр – Юг – Среднее и Нижнее Поволжье – юг Западной Сибири формировались под воздействием хлебной и нефтяной волн; а по Дальнему Востоку прошли те же три волны, что и по Северу, но в целом – с некоторым запаздыванием.

Прохождение каждой волны ТР оставляло на вовлеченных территориях свой «след» в виде городских и других поселений, предприятий, путей сообщения, составлявших материальное содержание вызванных ею процессов урбанизации и регионализации. А последовательное наложение таких следов-отпечатков процессов территориального развития под влиянием участия в глобальных сырьевых рынках перечисленных четырех историко-географических макрорегионов России создало выраженную специфику эволюции их территориальных структур хозяйства.

На защиту выносятся:

- авторская концепция территориального развития и его ситуации;

- серия выводов об импульсно-волновом характере этого развития при освоении сырьевых ресурсов для глобальных рынков, о формировании этим процессом территории и территориальной структуры России, ее макрорегионов.

ЛИТЕРАТУРА

Авшаров Е.Г. К истории I областной реформы (1707 – 1709 гг.). / В кн.: Русский город (Исследования и материалы). Выпуск 5. – М.: Издательство Московского университета, 1982. с. 92-101.

Адамчик В.В. и др. История Китая. – Мн.: «Харвест», 2004. – 736 с.

Алаев Э. Б. Эффективность комплексного развития экономического района. – М.: Наука, 1965. – 173 с.

Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.

Алексеев А.И. Гавриил Андреевич Сарычев. – М.: Наука, 1966. – 216 с.

Алисов Н.В. Опыт разработки отраслевых схем развития и размещения производства (на примере химической промышленности) // Вопросы географии. Экономическая география и территориальное планирование: Сб. 90. – М.: Мысль, 1972. – с. 55- 67.

Алисов Н. В., Горлов В. Н., Маергойз И. М. О некоторых особенностях размещения промышленности СССР в условиях научно-технической революции // Вопросы географии: Сб. 100. – М.: Мысль, 1976. – с. 123-143.

Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897-1914. – Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1970. – 147 с.

Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860 – 1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1991. – 199 с.

Аникин А.В. Золото. – М.: «Международные отношения», 1988. – 336 с.

Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. – М.: Мысль, 1986. – 237 с.

Анисимов Е.В. Время петровских реформ. – Л.: Лениздат, 1989. – 495 с.

Атаев Х. А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII- XIX веках. – М.: Международные отношения, 1991. – 134 с.

Аткинсон Р. Евроремонт градостроительной политики // Территория и планирование. 2010, №2 (26), с. 21 – 29.

Бабурин В. Л. Инновационные циклы в российской экономике. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 243 с.

Бабурин В.Л., Земцов С.П. Регионы-новаторы и инновационная периферия России. Исследование диффузии инноваций на примере ИКТ-продуктов // Региональные исследования. 2014, №3, с. 27-37.

Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований. – М.: Прогресс, 1985. – 246 с.

Баранский Н. Н. Избранные труды: становление советской экономической географии. – М.: Мысль, 1980. – 259 с.

Белов М.И., Овсянников В.Ф., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Часть 1. – Л.: Гидрометеиздат, 1980. – 297с.

Берлянт А. М. Картографический метод исследования. 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 194 с.

Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. М.:1999. – 253 с.

Блинов Н. М. Таможенная политика России X-XX веков. – М.: 1997. – 216 с.

Бовыкин В. И. Русские займы за границей. Их роль в экономическом развитии России. – М.: Экономика, 1980. – 172 с.

Боган В.Ф. Этапы создания Тюменской энергосистемы. – В кн.: Единая энергетическая система России. Воспоминания старейших энергетиков. – М.: Энергоатомиздат, 1998. с. 314-335.

Богомоллов О.Т. Страны социализма в международном разделении труда. – М.: Наука, 1986. – 414 с.

Боков С.М., Кузнецов В.А. Российская энергетика на мировом рынке. – В кн.: Единая энергетическая система России. Воспоминания старейших энергетиков. – М.: Энергоатомиздат, 1998. с. 418-476.

Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Том 3. – М.: Прогресс, 1992. – 679 с.

Бродель Ф. Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Том 2. – М.: Весь мир, 2007. – 672 с.

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. – М.: Весь мир, 2008. – 552 с.

Брюне А., Гишар Ж-П. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. – М.: Новый хронограф, 2012. – 232 с.

Буганов В.И. Мир истории: Россия в XVII столетии. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 318 с.

Бушуев В.В. Единая энергетическая система. Опыт и проблемы. – В кн.: Единая энергетическая система России. Воспоминания старейших энергетиков. – М.: Энергоатомиздат, 1998. с. 229-236.

Бушуев С.В. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. Кн. вторая. XVII-XVIII века. – М.: Изд-во «Книжная палата», 1994. – 416 с.

Вардомский Л. Б., Трейвиш А. И. Проблемы устойчивости экономического пространства России в контексте внешнеэкономической либерализации / В кн.: Внешнеэкономические связи и региональное развитие в России. – М.: ЭПИКОН, 1999. с. 189-205.

Варламов В.С. Проблема формирования Обь-Иртышского районного производственного комплекса. // Вопросы географии. Территориально-производственные комплексы: Сб.80. – М.: Мысль, 1970. с. 158 - 176.

Вендина О. Перспективы полицентричного развития пространства России в контексте глобализации // Россия и ее регионы в XX веке: территория - расселение - миграции. – М.: ОГИ, 2005. с. 83 - 96.

Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М.: Наука, 1965. – 374 с.

Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе. – М.: Наука, 1975. – 175 с.

Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1977. – 191 с.

Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981. – 359 с.

Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 Т. Т.1. Кн. 1: Пути сообщения и экономическое развитие России. – М.: Наука, 2002. – 289 с.

Вольф М. Б. Географическое размещение русской промышленности. – М.-Л.: Госиздат, 1927. – 152 с.

Вопросы экономического районирования СССР. Сборник материалов и статей (1917 – 1929 гг.) / Под ред. Г.М. Кржижановского. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 343 с.

Всемирная история. Том IV. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – 823 с.

Всемирная история: Национально-освободительные войны XIX века. – М., «АСТ», Мн., «Харвест», 2002. – 560 с.

Всемирная история: Канун Первой мировой войны. – М., «АСТ», Мн., «Харвест», 2002. – 528 с.

Всемирная история: Итоги Первой мировой войны. – М., «АСТ», Мн., «Харвест», 2002. – 512 с.

Галкович Б.Г. Источниковые сведения старых карт и планов / В кн.: Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. – М.: 1980, с. 16-41.

Генисаретский О.И. Методологическая организация системной деятельности / В кн.: Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. М., «Стройиздат», 1975. с. 409-512.

Географические аспекты управления. – Вопросы географии, 1978, № 109. – 219 с.

Герлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657 – 1945. – М.: Центрполиграф, 2005. – 478 с.

Гольц Г.А. Транспорт и расселение. – М.: «Наука», 1981. – 248 с.

Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века, XVIII-XX вв. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 263 с.

Гордеев А.В., Бутковский В.А. Россия – зерновая держава. – М.: ДеЛи принт, 2009. – 471 с.

Горкин А.И., Гохман В.М. Смирнягин Л.В. Территориально-производственные структуры промышленности (на примере системы «промышленность капиталистической страны») // Изв. АН СССР сер. геогр. 1976, №5, с. 9-31.

Горкин А. П., Смирнягин Л. В. О факторах и условиях размещения капиталистической промышленности // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1973, №1. с. 40-52.

Горкин А. П., Трейвиш А. И., Фетисов А. С. Траектории развития стран мира и эволюционное страноведение // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2005. № 2. с. 18-28.

Градостроительство Сибири / Под. ред. В.И. Царева. – СПб.: Коло, 2011. – 784 с.

Григорьян А.Т., Рожанская М.М. Механика и астрономия на средневековом Востоке. – М.: «Наука», 1980. – 262 с.

Дегтярева О.И., Кандинская О.А. Биржевое дело. – М.: «ЮНИТИ», 1997. – 503 с.

Десбаратс Ж. Семантическая структура высказываний о среде и восприятии среды // Новые идеи в географии. Вып. 4 Географические аспекты экологии человека / Под ред. Медведкова Ю.В. – М.: Прогресс, 1979. – с. 176-190.

Доманьски Р. Экономическая география – динамический аспект. – М.: «Новый хронограф», 2010. – 376 с.

Доценко Т.П. Гидроэнергетика страны. Прошлое и будущее. / В кн.: Единая энергетическая система России. Воспоминания старейших энергетиков. – М.: Энергоатомиздат, 1998. – с. 508-618.

Дулов А. В. Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX века). – М.: Наука, 1983. – 255 с.

Дьяконова И. А. Нобели: российская ветвь / В кн.: Экономическая история. Предприниматели и предпринимательство. М.: Экономика, 2000. с. 89-103.

Житков В.А., Лабренц Б.В., Розенталь В.О. Региональные стратегии: практика разработки и направления совершенствования // Экономика мегаполисов и регионов. 2011, Вып. №4 (40), – с. 22 – 33.

Зверев А.Г. Сталин и деньги. – М.: Алгоритм, 2012. – 272 с.

Зензинов Н.А. От Петербург-Московской до Байкало-Амурской магистрали. – М.: Транспорт, 1986. – 216 с.

Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908-1914 гг.). – М., Международные отношения, 1962. – 269 с.

Иголкин А.А., Мотылев В.В. Международное разделение труда: модели, тенденции, прогнозы. – М.: Международные отношения, 1988. – 184 с.

Изместьева Т. Ф. Россия в системе европейского рынка. Конец XIX – начало XX вв. – М., Мысль, 1991. – 178 с.

Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И.К. Кириллов и В.Н. Татищев. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. – 94 с.

История народного хозяйства СССР / Под. ред. Ф.Я. Полянского, Б.П. Орлова, И.Н. Шемякина. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – 664 с.

Казакевич Д.М. Международный опыт совершенствования социалистического хозяйственного механизма // Экономика и организация промышленного производства. 1985, №4, с. 196 - 211.

Как управлять ТПК (Круглый стол «ЭКО») // Экономика и организация промышленного производства. 1985, №4, с. 56 - 89.

Калашникова Т.М. Н.Н. Колосовский, его научные и педагогические взгляды. – М.: Издательство МГУ, 1970. – 62 с.

Каменарович И. Классический Китай. – М.: «Вече», 2006. – 416 с.

Каменева Н.Г. Организация биржевой торговли. – М.: «ЮНИТИ», 1998. – 303 с.

Каменский А.Б. Под сенью Екатерины. Вторая половина XVIII века. – СПб.: Лениздат, 1992. – 447 с.

Каштанов И.Г. Годы расцвета электроэнергетики Западной Сибири и Южного Урала. / В кн.: Единая энергетическая система России. Воспоминания старейших энергетиков. – М.: Энергоатомиздат, 1998. – с. 336-386.

Кирилов И. К. Цветущее состояние всероссийского государства – М.: Наука, 1977. – 443 с.

Кисловский Ю. Г. История таможи государства Российского. – М.: Экономика, 1995. – 244 с.

Ключевский В.О. О государственности в России. – М.: Мысль, 2003. – 606 с.

Колодко Гж. Мир в движении. – М.: «Магистр», 2009. – 575 с.

Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. 1947, №6. – с. 6-19.

Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. – М.: «Госполитиздат», 1958. – 182 с.

Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. – М.: «Мысль», 1969. – 336 с.

Кондратенко Н.М., Шавлак В.С. Нефтяная рента в СССР. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 2008. – 164 с.

Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М.: «Экономика», 1989. – 526 с.

Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М.: Наука, 1991. – 487 с.

Конотопов М. В., Сметанин С. И. Очерки истории экономики. – М.: Экономика, 1993. – 239 с.

Космачев К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). – Новосибирск: Наука, 1974. – 109 с.

Кох Р. Менеджмент и финансы от А до Я. – СПб.: «ПИТЕР», 1999. – 496 с.

Кристенсен С.О. История России в XVII веке: Обзор исследований и источников. – М.: Прогресс, 1989. – 256 с.

Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика (теория и политика). – СПб.: «ПИТЕР», 2004. – 832 с.

Курилов В.Н. Этапы экономического развития сибирского города в XVII веке. / В кн.: Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). – Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1978. – с. 94-103.

Курилов В.Н. О некоторых закономерностях развития сибирского города XVII столетия. – В кн.: Сибирские города XVII – начала XIX века. – Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1981. – с. 109-118.

Лаверычев В. Я. Государство и монополии в дореволюционной России. – М.: Мысль, 1982. – 187 с.

Лал Д. Непреднамеренные последствия. – М., «ИРИСЭН», 2007. – 423 с.

Лаппо Г.М. Расселение – составная часть территориальной структуры народного хозяйства / В кн.: Ресурсы, среда, расселение. – М.: «Наука», 1974, с. 163-171.

Лёве М. Китай династии Хань. – М.: «Центрполиграф», 2005. – 224 с.

Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. – М.: «Альпина бизнес букс», 2006. – 416 с.

Лоран Э. Нефтяные магнаты: кто делает мировую политику. – М.: «Алгоритм», 2010, – 336.

Магидович И.П. Петр Кузьмич Креницын и Михаил Дмитриевич Левашов. / В кн.: Русские мореплаватели. – М.: Воениздат, 1953. – с. 101-135.

Маергойз И.М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. – М.: «Издательство Московского университета», 1981. – 138 с.

Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. – Новосибирск, «Наука», 1986. – 304 с.

Максаковский В.П. Глобальное информационное пространство // География мирового развития. Вып. 2. / Под ред. Синцера Л.М. – М.: «Товарищество научных изданий КМК», 2010. – с. 43-55.

Меерович М.Г. Концепция социалистического города: история и современность / В кн.: Концепция развития города: социальные, экономические и управленческие аспекты. – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1991. – с. 148-163.

Менделеев Д. И. К познанию России. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 576 с.

Мензис Г. 1421 – год, когда Китай открыл мир. – М.: «Яуза», 2004. – 640 с.

Министерству финансов России 190 лет // Специальное приложение к журналу «Финансы», 1993. – 96 с.

Минц А.А., Петрякова Т.И. Использование территории как географическая проблема // Изв. АН СССР сер. геогр. 1973, №4, с. 92-113.

Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985. – 176 с.

Михайлов Д.М. Мировой финансовый рынок: тенденции и инструменты. – М.: «Экзамен», 2000, – 768 с.

Можаров А.Н. Современная международная торговля сырьевыми товарами. – М.: «АСА», 2010. – 256 с.

Морозов Ф.Я. Создание и развитие Единой энергосистемы страны. / В кн.: Единая энергетическая система России. Воспоминания старейших энергетиков. – М.: Энергоатомиздат, 1998. с. 477-495.

Моруков М.Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. – М.: Алгоритм, 2006. – 192 с.

Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда (опыт географического исследования). Под ред. Лаппо Г.М., Гольца Г.А., Трейвиша А.И. – М.: ИГ АН СССР, 1988. – 320 с.

Нагирная А.В. Глобальные закономерности распространения информационно-коммуникационных технологий // Изв. РАН сер. геогр. 2013, №5, с. 30-40.

Невзгодин И.В. Влияние политики и идеологии на архитектуру Западной Сибири 1920-1930-х годов // Городское управление. 1999, №4, с. 6-15.

Нейгебауер О. Точные науки в древности. – М.: «Прогресс», 1968. – 279 с.

Новая технократическая волна на Западе. – М.: «Прогресс», 1986. – 452 с.

Павленко Н.И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1990. – 360 с.

Пасс К., Лоуз Б., Дэвис Л. Словарь по экономике. СПб.: «Экономическая школа», 1998. – 752 с.

Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. – М.–Л.: Издательство Главсевморпути, 1949. – 358 с.

Перфильев Ю.Ю. Пространственное распространение сети Интернет в России как процесс диффузии инноваций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2003, №2, с. 30-36.

Перцик Е.Н. Город в Сибири. – М.: Мысль, 1980. – 182 с.

Петрякова Т.И. Экономико-географическое изучение использования территории как системы / В кн.: Ресурсы, среда, расселение. – М.: «Наука», 1974, с. 228-236.

План ГОЭЛРО и районирование. / В кн.: Вопросы экономического районирования СССР. Сборник материалов и статей (1917 – 1929 гг.) / Под ред. Г.М. Кржижановского. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. с. 9 - 54.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – М.: Высшая школа, 1993. – 735 с.

Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М.: Госполитиздат, 1947. – 278 с.

Политическая экономия / Экономическая энциклопедия. Т.1. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 559 с.

Политическая экономия / Экономическая энциклопедия. Т.2. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – 560 с.

Политическая экономия / Экономическая энциклопедия. Т.3. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 624 с.

Политическая экономия / Экономическая энциклопедия. Т.4. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 672 с.

Подробный атлас Российской империи. / Составлен Н. Зуевым. – СПб.: Типография Глазунова и Комп., 1860. – 41 с.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах: Вып. 1. Ведомства внешней политики и их руководители: Справочник. – М.: Международные отношения, 1992. – 288 с.

Пред А. Пространственно-временная концепция Хегерстранда и ее значение // Новые идеи в географии. Вып. 4 Географические аспекты экологии человека / Под ред. Медведкова Ю.В. М., «Прогресс», 1979. –с. 86-110.

Приваловская Г.А. Некоторые особенности формирования внутренней территориально-производственной структуры Среднего Приобья. // Вопросы географии. Территориально-производственные комплексы. 1970, Сб.80. – с. 231 - 241.

Приваловская Г. А., Рунова Т. Г. Территориальная организация промышленности и природные ресурсы СССР. – М.: Наука, 1980. – 253 с.

Приваловская Г.А. Территориальный фактор социально-экономического развития. / В кн.: География и проблемы регионального развития. – М.: ИГ АН СССР, 1989. – с. 5-22.

Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. – М.: Наука, 1991. – 382 с.

Рабцевич В.В. Управление городами в Сибири последней четверти XVIII – первой половины XIX в. / В кн.: Сибирские города XVII – начала XIX века. – Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1981. с. 155-173.

Рейхов Х. Автомобильное движение и планировка городов. – М.: «Стройиздат», 1964. – 80 с.

Родман Б.Б. Основные процессы пространственной дифференциации. // Вестник МГУ, сер. геогр. 1970, № 5. – с. 22-30.

Родман Б. Б. Поляризация ландшафта как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов / В кн.: Ресурсы, среда, расселение. – М.: Наука, 1974. – С. 150-162.

Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.

Рокот В. Князь Русской Америки Д.П. Максудов. – М.: Центрполиграф, 2007. – 351 с.

Ронин С. Л. Иностраный капитал и русские банки. М., Огиз, 1926. – 137 с.

Россия на мировых рынках традиционной и новой энергетики / Под общ. ред. Ситаряна С.А. – М.: «ЛИБРОКОМ», 2009. – 264 с.

РОССИЯ: Энциклопедический словарь. – Л.: Лениздат, 1991. – 723 с.

Савченко А.Б. Московский регион: проблемы совершенствования организационно-территориальной структуры // Достижения и перспективы. Вып. 44. Региональные системы, 1984, № 4. – с. 93-100.

Савченко А. Б. Искусство управления ситуацией: опыт Востока и Запада. – М.: «Макет-DS», 2006. – 270 с.

Савченко А. Б. Концептуальная модель территориального развития для целей стратегического планирования // Территория и планирование 2011. № 3 (33). – с. 96-103.

Савченко А. Б. Территориальное развитие России как ведущего экспортера на глобальных сырьевых рынках. – М.: «Дело», 2014. – 276 с.

Сассен С. Глобальный город: введение понятия / В кн.: Глобальный город: теория и реальность. / Под ред. Слуки Н.А. М., «Издательство Московского университета», 2007. с. 9-27.

Саушкин Ю. Г., Глушкова В. Г. Москва среди городов мира. – М.: «Мысль», 1983. – 283.

Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России (очерки по политической географии). – Петроград: Типография В. В. Стасюлевича, 1915. – 217 с.

Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 311 с.

Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

Синцеров Л.М. Революция на транспорте, в средствах связи и образование мирового хозяйства на рубеже XIX и XX веков // География мирового развития. Вып. 2. / Под ред. Синцера Л.М. – М.: «Товарищество научных изданий КМК», 2010. с. 126-142.

Синцеров Л. М. Ритмы глобальной интеграции / В кн.: Экономическая география мирового развития. XX век. – СПб.: Алетейя, 2003.

Слука Н.А. Парадоксы миграционного движения населения в глобальных городах // География мирового развития. Вып. 2 / Под ред. Синцера Л.М. – М.: «Товарищество научных изданий КМК», 2010. с. 143-158.

Сметанин С.И. Экономическая история России. Период феодализма. – М.: Экономика, 1992. – 187 с.

Сметанин С.И. История промышленного предпринимательства в России. Мануфактурный период предпринимательства. – М.: ОЛМА, 1996. – 192 с.

Смирнов М.А. Пространственная диффузия сети Интернет в странах мира // Изв. РАН. сер. геогр. 2005, № 2. – с. 77-81.

Смирнягин Л.В. Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности. / В кн.: Проблемы географической реальности. Сборник под ред. В.А. Шупера. – М.: Институт географии РАН, 2012. – с. 191-200.

Соборное Уложение 1649 г.: Текст. Комментарии / Подгот. текста Л.И. Ивановой; Коммент. Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова, В.Н. Мироннова. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.

Современный рынок золота / Под. ред. В.И. Букато и М.Х. Лapidуса. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 320 с.

Сокольский В.М. Международное разделение труда в химической индустрии сквозь призму центрo-периферической парадигмы // География мирового развития. Вып. 2. / Под ред. Синцера Л.М. – М.: «Товарищество научных изданий КМК», 2010. – с. 312-330.

Соломонов Б.В., Кузнецов Н.А., Золотарев А.Н. Сто великих кораблей. – М.: Вече, 2012. – 432 с.

Стариков А.В. Пространственно-временной подход в социальной географии: зарубежный и отечественный опыт // Изв. РАН. сер. геогр. 2014, № 6, с. 17-29.

Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. – М.: «Мысль», 2003. – 328 с.

Страны и регионы: Статистический справочник Всемирного банка. – М.: Весь мир, 2001. – 589 с.

Стратегическое планирование в регионах и городах России: ресурсы для развития / Доклады участников юбилейного X Общероссийского форума лидеров стратегического планирования. Санкт-Петербург 17-19 октября 2011г./ под ред. Е. Жихаревича – СПб.: Леонтьевский центр, 2012. – 152 с.

Стратегическое планирование в регионах и городах России: потенциал интеграции / Доклады участников XI Общероссийского форума лидеров стратегического планирования. Санкт-Петербург 22-23 октября 2012г./ под ред. Е.С. Жихаревича – СПб.: Леонтьевский центр, 2013. – 164 с.

Стратегическое планирование в регионах и городах России: выстраивая систему / Доклады участников XII Общероссийского форума лидеров стратегического планирования. Санкт-Петербург 21-23 октября 2013г./ под ред. Е.С. Жихаревича – СПб.: Леонтьевский центр, 2014. – 140 с.

Стрелецкий В. Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России / В кн.: Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – с. 10-39.

Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. – М.: Экономика, 1966. – 246 с.

Судо М.М., Судо Р.М. Нефть и углеводородные газы в современном мире. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.

Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество. – М.: «Рефл-бук», 1999. – 432 с.

Тархов С. А. Закономерности формирования пространственной структуры транспортных сетей // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1983, № 3. – с. 63-74.

Тархов С. А. Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России / В кн.: Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – с. 190-214.

Тархов С. А. Транспортная интеграция и дезинтеграция постсоветского пространства: изменение пассажирских связей после распада СССР // Изв. РАН. Сер. геогр. 1997. № 3. – с. 73-81.

Тархов С. А. Особенности пространственной диффузии мобильной связи в России. / В кн.: Постиндустриальная трансформация старопромышленных районов России. / Сборник под ред. В.А. Шупера. – М.: Институт географии РАН, 2011. с. 212-225.

Теория хозяйственного освоения территории / Под ред. К.П. Космачева. – Иркутск: Изд. Ин-та географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР, 1979. – 127 с.

Территориальная структура народного хозяйства СССР в период НТР. – М.: Наука. 1989. – 224 с.

Тимошенко А.И. История идей экономического развития Сибири в 1920е годы // Экономика и организация промышленного производства. 1993, №6, с. 124-138.

Титов А.В. Медиарынок в мировой экономике: российские перспективы. – М.: «Научная книга», 2006. – 208 с.

Тихонов Г.И. Южно-Таджикский ТПК: опыт, проблемы, предложения // Экономика и организация промышленного производства. 1985, №4, с. 91-100.

Трейвиш А. И. Дальний Восток. / В кн.: География населения СССР в условиях НТР: основные факторы и изменения расселения. – М.: Наука, 1988. – с. 144-160.

Трейвиш А. И. Производство и расселение до и после перехода к рынку: размышления о траекториях развития / В кн.: Проблемы расселения: история и современность. (Сер. «Россия 90-х: проблемы регионального развития»). Вып. 3. – М.: ИГ РАН, 1997. – с. 43-53.

Трейвиш А. И. Экономические волны и лаги в исторической географии Восточной Европы // Вестн. истор. географии. № 1. – Смоленск: Изд-во Смол. гуманитар. ун-та, 1999. – с. 9-31.

Трейвиш А. И. Регионализм и регионализация в России / В кн.: Регионы и регионализм в странах Запада и России. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. – с. 15-25.

Трейвиш А. И. Ограничения в развитии России: новый геодетерминизм // Мир России. 2002, №3. – с. 62-72.

Трейвиш А. И. Промышленность России за 100 лет / В кн.: Россия в окружающем мире: 2002. Аналитический ежегодник. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2002. – с. 11-38.

Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: «Новый хронограф», 2009. – 372 с.

Трейвиш А.И. Постиндустриальная трансформация российской промышленности на международном фоне. / В кн.: Постиндустриальная трансформация старопромышленных районов России. Сборник под ред. В.А. Шупера. – М.: Институт географии РАН, 2011. с. 87-131.

Тяжелая индустрия СССР: Список предприятий НКТП, нанесенных на карты Европейской и Азиатской частей СССР. – М.: Всес. картогр. трест, 1936. – 43 с.

Фицджеральд Ч. История Китая. – М.: «Центрполиграф», 2004. – 460 с.

Фурсенко А. А. Нефтяные войны (конец XIX — начало XX в.). – Л.: Наука, 1985. – 168 с.

Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. – М.: Прогресс, 1968. – 391 с.

Хаггет П. География: синтез современных знаний. – М.: Прогресс, 1979. – 684 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

Хайрутдинов А.Р. Исследование пространственной структуры современной международной торговли с использованием кластерного анализа // Региональные исследования. 2011, № 1, – с. 47-52.

Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск: Наука, 1991. – 143 с.

Харвей Д. Научное объяснение в географии: общая методология науки и методология географии. – М.: Прогресс, 1974. – 476 с.

Хегерstrand Т. География и изучение взаимодействия природы и общества / Научно-техническая революция и география. XXIII Международный географический конгресс. Материалы общего симпозиума №4 «Задачи географической науки в условиях современной научно-технической революции. М., «Прогресс», 1978. с. 28-41.

Ципоруха М. И. Покорение Сибири. От Ермака до Беринга. – М.: Вече, 2004. – 400 с.

Ципоруха М. И. Российские мореходы. – М.: Познавательная книга плюс, 2002. – 257 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. – СПб.: 1882. – 98 с.

Широкоград А.Б. Россия выходит в Мировой океан. – М.: Вече, 2005. – 416 с.

Широкоград А.Б. Россия и Германия. История военного сотрудничества. – М.: Вече, 2007. – 400 с.

Широкоград А.Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. – М.: Вече, 2004. – 448 с.

Шишов В.А. Витте. Финансовый гений последних Романовых. – М.: Вече, 2004. – 432 с.

Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности / Избранные труды. – М.: «Шк. Культ. Полит», 1995. с. 233-280.

Эйдельман Н.Я. Революция сверху в России. – М.: Книга, 1989. – 171 с.

Эйдельман Н.Я. Твой восемнадцатый век. – М.: Мысль, 1991. – 397 с.

Экономидес М., Олини Р. Цвет нефти. Крупнейший мировой бизнес: история, деньги, политика. М., «Олимп - Бизнес», 2004. – 256 с.

Экономическое районирование России. (Доклад Госплана III сессии ВЦИК 9-го созыва). – В кн.: Вопросы экономического районирования СССР. Сборник материалов и статей (1917 – 1929 гг.) / Под ред. Г.М. Кржижановского. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – с. 28-41.

Энциклопедический словарь географических терминов. М., «Советская энциклопедия». 1968. – 440 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

Alves W., Morrill R. Diffusion theory and planning // *Economic Geography*. 1975. Vol. 51, № 3. – p. 290-304.

Batty M. Virtual geography // *Future*. 1997. Vol. 29, № 4. – p. 337-352.

Brown L. The market and infrastructure context of adoption: A spatial perspective on the diffusion of innovation // *Economic Geography*. 1975. Vol. 51, № 3. – p. 185-216.

Brown L., Cox K. Empirical regularities in the diffusion of innovation // *Annals of Association of American Geographers*. 1971. Vol. 61, № 3. – p. 551-559.

Cameron R. *A Concise Economic History of the World from Paleolithic Times to the Present*. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1989. – 489 p.

Cohen R. B. The new international division of labour, multi-national corporations and urban hierarchy / *Urbanisation and Urban Planning in Capitalist Society*. N.Y.: Methuen, 1981. p. 295-310.

Cox K. Globalisation, Competition and the Politics of Local Economic Development // *Urban Studies*. 1995. № 2. – p. 213-224.

Ding L., Haynes K., Li H. Modeling the spatial diffusion of mobile telecommunications of China // *Professional Geographer*. 2010. Vol. 62, №2. – p. 248-263.

Dodge M., Kitchen R. *Mapping Cyberspace*. London: Routledge, 2001. – 260 p.

Geyer H. S., Kontuly T. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // *International Regional Science Review*, 1993, Vol. 15, № 3. – P. 157-177.

Gibbs J. The evolution of population concentration // *Economic Geography*, 1963, Vol. 39, № 2. – P. 119-129.

Gwynne R., Klark T., Shaw D. *Alternative Capitalisms: Geographies of Emerging Regions*. London; N. Y.: Arnold - Oxford University Press, 2003. – 261 p.

Hagerstrand T. *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago: The University of Chicago Press, 1967. – 212 p.

Hill F., Gaddy C. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. – 315 p.

Holmes L. *Russia's relations with the former external empire // Russia in Search of Its Future*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. – P. 123-141.

Kinsley S. The matter of «virtual» geographies // *Progress in Human Geography*. 2014. Vol. 38, № 3. – p. 364-384.

Knox P., Agnew J. *The Geography of the World Economy*. London: Arnold, 1998. – 386 p.

Krugman P. *Development, Geography, and Economic Theory (Ohlin Lectures)*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. – 245 p.

Leichenko R. Exports, Employment, and Production: A Causal Assessment of U.S. States and Regions // *Economic Geography*. 2000. № 4. – p. 303-325.

Mattingly P. Patterns of horse devolution and tractor diffusion in Illinois // *Professional Geographer*. 1987. Vol. 39, № 3. – p. 298-309.

Moreno R., Miguelez E. A relational approach to the geography of innovation: a typology of regions // *Journal of Economic Survey*. 2012. Vol. 26, № 3. – p. 492-516.

Muller E., Doloreux D., Herald J., Jappe A., Zenker A. Regional innovation capacities in new member states: a typology // *Journal of European Integration*. 2008. Vol. 30, № 5. – p. 653-669.

Parnreiter C. Megacities in the Geography of Economic Governance // *Die Erde*. 2009. Vol. 140, № 4. – p. 371-390.

Pred A. Large-city interdependence and the preelectronic diffusion of innovations in the U.S. // *Geographical Analysis*. 1971. Vol. 3, № 2. – p. 165-181.

Pred A. Diffusion, spatial structure, and city-system development // *Economic Geography*. 1975. Vol. 51, № 3. – p. 252-268.

Rowland R. . Declining Towns in the Former USSR // *Post-Soviet Geography*. 1994. Vol. 25, № 6. – P. 352-365.

Sassen S. *Cities in a World Economy* - London: Pine Forge Press, 1994. – 318 p.

Savchenko A. Territorial Development of Russia as a Leading Exporter in Global Raw Materials Markets // *Regional Research of Russia*. 2013, Vol.3, № 2. – p. 142 – 152.

Shermer M. The Chaos of History: On a Chaotic Model that Presents the Role of Contingency and Necessity in Historical Sequences // *International Nonlinear Science*, 1993, № 4. – p. 1-13.

Smallman-Raynor M., Cliff A. Epidemic diffusion process in a system of U.S. military camps: Transfer diffusion and the spread of typhoid fever in the Spanish-American war, 1898 // *Annals of Association of American Geographers*. 2001. Vol. 91, № 1. – p. 71-91.

Taylor P.J. Specification of the World Cities Network // *Geographical Analysis*. 2001. № 2. – p. 181-194.

Trevelyan B., Smallman-Raynor M., Cliff A. The spatial dynamics of poliomyelitis in the United States: From epidemic emergence to vaccine-induced retreat, 1910-1971 // *Annals of Association of American Geographers*. 2005. Vol. 95, № 2. – p. 269-293.

Tarkhov S., Treivish A. Geographical Location and Diffusion of Basic Innovations (The Case of the European USSR) // *GeoJournal*, 1992, V. 26, №3. – p. 341-348.

Van Duijn J. J. *The long wave in economic life*. London: Allen & Unwin, 1983. – 218 p.

Vanhove N., Klaassen L. *Regional Policy. An European Approach*. Westmead: Saxon House, 1980. – 331 p.

